

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.В. ЛУНОЧКИН

**«АТАМАН ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ»
НИКОЛАЙ АШИНОВ И ЕГО
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Волгоград 2000

УДК 947+957
ББК 63.3(2)47-28
Л 84

Научный редактор доктор исторических наук Н.Э. Вашкау
Рецензенты: доктор исторических наук В.Д. Зимина,
кандидат исторических наук Т.В. Евдокимова

Печатается по решению библиотечно-издательского совета
Волгоградского государственного университета

Луночкин А.В.

Л 84 «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. — Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. — 148 с.: ил.
ISBN 5-85534-354-5

Настоящая монография представляет собой полномасштабное исследование деятельности известного русского авантюриста Н.И. Ашинова, выдававшего себя за «атамана вольных казаков». Биография самозванца, воссозданная на основе широкого круга источников, и его основные авантюры (попытки создания Черноморского казачьего войска и русской колонии в Африке) рассматриваются в тесной связи с вопросами международных отношений, внешней политики царизма и деятельности экспансионистски настроенных правительственных деятелей России 80-х — начала 90-х гг. XIX века.

ISBN 5-85534-354-5

© А.В. Луночкин, 2000
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2000

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
<i>Глава 1. МЕЩАНИН ИЗ ЦАРИЦЫНА</i>	7
<i>Глава 2. ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО</i>	12
<i>Глава 3. «КАЗАКИ» В АФРИКЕ</i>	30
<i>Глава 4. АПОГЕЙ ХЛЕСТАКОВЩИНЫ</i>	41
<i>Глава 5. «СТАНИЦА НОВАЯ МОСКВА»</i>	59
<i>Глава 6. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ</i>	77
<i>Глава 7. КРОВЬ В САГАЛЛО</i>	95
<i>Глава 8. В ОПАЛЕ</i>	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
ПРИМЕЧАНИЯ	123

ВВЕДЕНИЕ

История России знает немало выдающихся авантюристов-самозванцев. Одни претендовали на царский трон, как Лжедмитрии в Смутное время и Емельян Пугачев, другие уютно устраивались в тени престола и влияли на державную политику, как Григорий Распутин, третьи — мельче масштабом и больше числом — просто наживались на неповоротливости громоздкого бюрократического аппарата страны. В ряду этих не совсем порядочных, но ярких фигур видное место принадлежит Николаю Ивановичу Ашинову, выдававшему себя за «атамана вольных казаков». Всю вторую половину 1880-х гг. он успешно мистифицировал московский и петербургский высший свет, одурачив многих крупных общественных и государственных деятелей. Венцом деятельности Ашинова стала высадка возглавлявшегося им вооруженного отряда на Африканском Роге и попытка присоединения этой территории к России. Эта авантюра на некоторое время заняла первые полосы ведущих мировых газет и едва не привела к российско-французскому дипломатическому скандалу.

Ашиновская история не осталась без внимания исследователей. Уже в 1936 г. появилась статья Д. Чевычелова под характерным для того времени названием «Африканская авантюра царизма», специально посвященная скандальной экспедиции. Автор подробно осветил подготовку и осуществление этого проекта, привлек многие документы из архивных фондов канцелярии Синода, Министерства юстиции и Морского министерства. Однако историка интересовала прежде всего не личность Ашинова, а те силы, которые стояли за ним. Посчитав авантюриста простой пешкой в руках царедворцев, он сосредоточил внимание на обличении захватнической политики самодержавия, колониалистских устремлениях Александра III и его приближенных¹.

Краткие упоминания об экспедиции «вольных казаков» в Африку содержатся в большинстве научных и популярных книг, посвященных историческим связям России и Советского Союза с «Черным континентом». Наиболее полно эти события были освещены английским историком Ч. Есманом в его монографии, изданной в Лондоне в 1958 г. Несмотря на ряд фактических неточностей, эта книга не потеряла своего научного значения и по сей день: автор привлек документы недоступных для

отечественных историков архивов внешнеполитических ведомств Франции и Италии, первым обратил внимание на сложность интриги вокруг Ашинова. По его мнению, в российском правительстве шла напряженная борьба за и против втягивания страны в колониальные авантюры. «Атаман» же не был лишь марионеткой, он пытался вести собственную партию в этой игре².

В советской исторической науке единственная небольшая монография об эфиопской «миссии» Ашинова, написанная в Институте Африки АН СССР, появилась только в 1987 г.³ Ее автор А.В. Хренков, опираясь на архивы министерств иностранных и внутренних дел, подтвердил тезис Ч. Есмана о том, что в русских правящих кругах не было единства по отношению к идее экспансии в Африке. Поддерживая Ашинова, Александр III имел в виду приобретение не новых земель вообще, а лишь незамерзающего порта — опорного пункта в возможной войне с Англией. Более того, император отказал в поддержке экспедиции еще до ее начала, и она в значительной мере была предпринята «атаманом» на свой страх и риск. К сожалению, и А.В. Хренкова интересовал главным образом эфиопский период жизни Н. Ашинова. Излагая предшествовавшие события, он полностью доверился всему, что рассказывал о себе сам «вольный казак». Между тем в ашиновских повествованиях о своей кавказской жизни содержится много несообразностей, позволяющих усомниться в правдивости «атамана».

Авантюрист оставил о себе немало свидетельств. Сведения о его похождениях содержатся в многочисленных газетных статьях и корреспонденциях. Тон этих заметок самый различный — от восторга до полного неприятия; разной была и степень осведомленности авторов. Одним из ценных источников по петербургскому периоду жизни Ашинова являются резкие памфлеты писателя Н.С. Лескова, считавшего «вольного казака» самозванцем. Много интересных деталей содержат воспоминания известного инженера В.А. Панаева, близко сошедшего с Ашиновым, дневник В.Н. Ламздорфа, бывшего тогда директором канцелярии Министерства иностранных дел. Любопытные подробности закулисных интриг вокруг «атамана» можно найти в опубликованной переписке обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева и Александра III. Письма самого «атамана» различным общественным и государственным деятелям, его прошения и

ходатайства отложились в их фондах практически во всех крупнейших архивных хранилищах Москвы и Петербурга — отделах рукописей Российской национальной библиотеки, Института русской литературы, Российской государственной библиотеки, Российском государственном архиве литературы и искусства. Материалы по организации экспедиции в Африку находятся в фонде канцелярии Синода (Российский государственный исторический архив), фонде Военного министерства (Российский государственный военно-исторический архив), в различных фондах Архива внешней политики России. Наконец, документы следствия над ашиновцами отложились в фонде Департамента полиции (Государственный архив Российской Федерации). Эти источники позволяют достаточно подробно восстановить похождения Ашинова в период до 1880 г., а также с 1883 г. по 1894 г. О деятельности авантюриста с 1880 г. по 1883 г. известно только с его слов, данных же позже 1894 г. нам пока найти не удалось. В этой части возможны только предположения.

Настоящая работа, таким образом, впервые ставит задачу подробного изучения жизни и деятельности одного из самых крупных русских авантюристов последней четверти XIX века, предварительно освободив их, насколько возможно, от мистификаций и легенд. Автор выражает искреннюю благодарность работникам вышеназванных архивов и библиотек за помощь в работе над источниками. Он признателен за ценные советы и указания научным сотрудникам С.-Петербургского института российской истории РАН: чл.-кор. РАН Р.Ш. Ганелину, д.и.н. А.Н. Цамутали и В.Г. Чернухе, к.и.н. И.В. Лукоянову и А.И. Рупасову. Особенно автор благодарит псковского историка, к.и.н. А.А. Михайлова, с совместной журнальной статьи с которым и началась работа над этой книгой.

Глава 1. МЕЩАНИН ИЗ ЦАРИЦЫНА

В один из январских дней 1889 г. на пустынном гористом берегу Таджурского залива (ныне территория Республики Джибути) происходило нечто из ряда вон выходящее. Старую полуразрушенную крепость Сагалло заняли полтораста вооруженных русских людей в самой разнообразной одежде — от кавказских черкесок до гимназических мундиров. Перед входом в крепость была совершена православная литургия, после благодарственной молитвы Всевышнему стены крепости были окроплены святой водой. Предводитель отряда, коренастый бородач в кавказском костюме, объявил своим подчиненным, что отныне земля на 50 верст по берегу моря и на 100 верст вглубь материка от этого места навеки будет русской, православной. Под дружное «ура» над развалинами взвился бело-сине-красный российский флаг с нашитым желтым миссионерским крестом. Так или почти так, по уверению участников этого события, выглядела беспримерная по своей дерзости попытка русских авантюристов обосноваться на берегу Индийского океана, вошедшая в историю международных отношений как «инцидент в Сагалло»⁴. Командовал этой экспедицией Николай Иванович Ашинов, еще ранее ставший известным всей России как атаман загадочных «вольных казаков», будто бы обитавших в горах Малой Азии.

Личность этого авантюриста, по свидетельствам современников, предельно противоречива буквально во всем, начиная от внешнего вида и происхождения. Один из поклонников Ашинова — французский финансист Ж.-Р. де Константен оставил почти поэтическое описание его внешности: «Выражение его лица было кротким вопреки светлой бороде, которая, соединяясь с волосами того же цвета, делала нимб у его лица и походила на львиную гриву. Его глаза были голубыми, а руки деликатными и женственными»⁵. С другой стороны, отзыв недруга Ашинова писателя Н.С. Лескова выглядит откровенно уничижительно: «Коренастый, вихрастый, рыжий, с бегающими глазами»⁶. Один из петербургских покровителей «атамана» В.А. Панаев закончил свои воспоминания настоящим панегириком Ашинову: «Ашинов, вообще, был редкий тип, необычайной энергии и смелости. Он обладал благородными инстинктами, широким и тон-

ким политическим умом; при грубоватой, по-видимому, манере, у него крылось деликатное сердце. Имея немало врагов и завистников, можно было любоваться остротой и быстротой находчивости ответов, когда он встречался с ними в обществе. Коротко говоря, это была цельная, могучая натура, возмущавшаяся до глубины души всем неблагородным и подленьким, и сверх всего, несмотря на отсутствие образования, имел стремление и вкус ко всему изящному»⁷. Этой высокой оценке явно противоречит определение, данное Ашинову автором одной из столичных газет: «Герой крупного и непечатного красноречия, сыпавшегося словно из мешка по адресу всех лиц, которые нраву его несколько препятствовали»⁸.

Одной из первых загадок Ашинова является его происхождение. Любитель всяческих мистификаций, он окутал плотной завесой тайны и свое прошлое. Он обычно говорил со слушателями нарочито туманно, уходя от конкретных деталей своего прошлого. Разной аудитории «атаман» сообщал различные версии своего происхождения. Русским журналистам он назывался выходцем из терских казаков, с отроческих лет ушедшим «гулять» за границу. Некоторым не слишком осведомленным зарубежным собеседникам он рекомендовался напротив, прирожденным «вольным казаком». В официальных документах Министерства внутренних дел также царит удивительный разнобой. Ашинов фигурировал в них в одно и то же время и как саратовский, и как пензенский купеческий сын, и как царицынский мещанин, и как уроженец Терской области. Стремясь объяснить противоречивость казенных бумаг, историк А.В. Хренков пришел к выводу, что будущий атаман «казачьей вольницы» родился в Терской области в семье саратовского купца, переселившегося на юг России⁹. Это заключение в целом не слишком отличается от версии исконно казачьего происхождения, выдвинутой самим авантюристом.

Однако в нашем распоряжении имеются другие данные. Еще 26 января 1886 г., в самый разгар шумихи вокруг Ашинова, царицынская газета «Волжско-донской листок» поместила статью с изложением подлинной биографии «атамана». Материал этот принадлежал бывшему городскому голове И.В. Мельникову, уязвленному недостоверными сообщениями столичной прессы. Описываемые там события происходили всего пять-семь

лет назад, жители Царицына хорошо помнили Ашинова и вполне могли поправить автора в случае каких-либо неточностей. Но никаких опровержений или дополнений в газете так и не последовало. Через три года, 15 и 19 февраля 1889 г., Мельников выступил с двумя статьями об Ашинове аналогичного содержания в столичном органе «Новости и биржевая газета». Опровержений также не появилось. Очевидно, к версии Мельникова можно относиться с доверием.

Итак, по рассказу бывшего царицынского городского головы, отец Ашинова был некогда крепостным крестьянином у пензенского помещика Никифорова. Иван Ашинов находился на хорошем счету у хозяина и был им назначен управляющим имением. Причиной такого доверия стала сердечная привязанность помещика к дочери своего крепостного. Влюбленный Никифоров в конце концов женился на ней, а тестю дал вольную и подарил 900 десятин земли в Царицынском уезде. Имение это, расположенное на берегу Волги в 12 верстах выше города, царицынский городской голова называл Никифоровкой. Правда, деревни с таким названием не значится ни в одном списке населенных мест Царицынского уезда. Скорее всего, имение не имело усадьбы и название являлось условным — по фамилии предыдущего владельца. Об этом говорит и то, что Ашиновы жили в Царицыне, а не в своем имении. В городе Иван Ашинов появился в середине 1850-х гг., здесь в 1856 г. у него и родился сын Николай¹⁰.

Будущий «атаман вольных казаков» окончил царицынское уездное училище и поступил в саратовскую гимназию. Однако окончить ее Ашинову не удалось. Он был исключен оттуда за неуспехи в учебе и дурное поведение. Злые языки утверждали, что Николай сколотил там из местных лоботрясов шайку и терроризировал младшеклассников, отнимая у них деньги и завтраки. Вернувшись в Царицын и повзрослев, Ашинов зарабатывал на жизнь мелким извозом на верблюдах. Позже он занялся частной «адвокатурой»: в купеческой среде даже его образования было достаточно, чтобы составлять для торговцев различные бумаги и представлять их интересы в имущественных спорах. Между тем отец хозяйствовал крайне неудачно и постепенно разорился. В конце концов он дошел до того, что зарабатывал на жизнь починкой часов¹¹. Ставший во главе имения сын действовал не лучше.

В конце 1870-х гг. имение было продано за долги, и у Ашиновых остался в собственности только небольшой остров на Волге напротив Никифоровки. Именно этот островок и прославил молодого Ашинова первый раз, пока только в масштабе уезда. Дело было в том, что царицынские граждане издавна привыкли пользоваться этим островом, как своим. Здесь ловили рыбу, отдыхали, косили сено, собирали хворост и заготавливали дрова на зиму. Пока у Ашиновых было имение, они не обращали на это внимания. Но когда из всей недвижимости у Николая остался лишь один этот клочок суши, он решил положить конец расхищению своей собственности. Горожане тем не менее по привычке продолжали делать на острове, что хотели. Когда Ашинов попытался призвать городскую управу к ответу, неожиданно оказалось, что царицынские власти тоже считали остров своим владением. Началась долгая судебная тяжба. Жители города тем временем продолжали пользоваться островом как ни в чем не бывало. И тут молодой Ашинов решился утвердить свои права на остров силой. Он нанял для его охраны десятка два дагестанских горцев, отбывавших в Царицыне ссылку за участие в восстании во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Ашинов запретил всем посторонним приставать к острову и даже ловить около него рыбу. Джигиты ревностно выполняли свою службу, не останавливаясь перед кулачной расправой с нарушителями. Даже представитель городской управы, прибывший на остров, чтобы урезонить распоясавшихся молодчиков, получил там такой прием, что еле-еле убрался восвояси, полумертвый от страха. Напуганные страшными рассказами о свирепых кавказцах, царицынские обыватели теперь старались держаться подальше от ашиновского острова и его воинственной охраны. Особенно мрачное впечатление на проплывавших мимо горожан остров производил ночью, когда там горели костры охранников и оттуда доносились их протяжные гортанные песни. Остров производил впечатление настоящего разбойничьего гнезда¹². Но самоуправство так и сошло Ашинову с рук. Он одержал первую победу в своей жизни, убедившись, что наглость и бесцеремонность могут являться важнейшими составляющими успеха.

Очевидно, именно в общении с сосланными в Царицын горцами нужно искать причины будущего влечения Ашинова к

Кавказу. Николай и раньше не очень-то был склонен к оседлой жизни. Его честолюбивому характеру давно уже было тесно в захолустном Царицыне. Воинственный вид дагестанцев так контрастировал с размеренной жизнью купеческого города, их красочные рассказы о привольной полуразбойной жизни на Кавказе, о былых подвигах и настоящих мужчинах были так увлекательны, что молодой Ашинов буквально влюбился в этот край. Надо отметить, что Николай, возможно, бывал на Кавказе раньше. Во всяком случае, он впоследствии упоминал своего дядю по матери, терского казака Федюшкина, якобы в малолетстве взявшего его с собой к «вольным казакам»¹³. Если у Ашиновых действительно имелись родственники на Тереке, он уже хорошо представлял себе кавказскую жизнь и очень скоро пришел к убеждению, что именно на беспокойном еще Кавказе он сможет добиться и славы, и богатства.

В 1880 г. судебная тяжба вокруг острова закончилась в пользу Ашинова. Но эта собственность, как и родной город в целом, его уже не интересовала. Он тут же заложил свою недвижимость за 8 тысяч рублей и уехал из Царицына в неизвестном направлении. В городе говорили, что он отправился в Закавказье, в недавно присоединенную к России Карскую область, чтобы заняться там разведением табака¹⁴. Дальнейшая судьба злополучного острова неизвестна. Скорее всего, исчезнувший из города Ашинов не сумел его выкупить и он перешел к кредитору. Но память о задиристом молодом человеке и «подвигах» его хулиганствовавших джигитов жители Царицына хранили долго. Еще в 1890-х гг. на волжских речных лоциях обозначался «Ашиновский» водомерный пост между началом Ахтубы и Царицыном¹⁵. Очевидно, он располагался как раз напротив пресловутого острова.

Глава 2. ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

Подвиги Н. Ашинова в Царицыне были только началом его скандальной известности. Следующие три года его жизни никак не освещены источниками. Мы знаем об этом периоде только со слов самого авантюриста, доверять которым полностью нельзя. Мы не знаем, где провел Николай эти годы, чем он занимался. Достоверно известно лишь, что осенью 1883 г. он появился в Петербурге. Ашинов ходил по редакциям столичных газет, всевозможным культурно-просветительным и благотворительным обществам и рассказывал невероятные вещи, от которых даже у поднаторевших на создании сенсаций репортеров вытягивались лица.

Изумленные слушатели узнавали, что легендарная казачья вольница, три столетия назад гулявшая по просторам Юга России, не исчезла вместе с Ермаком Тимофеевичем и Степаном Разиным. Любители вольной жизни просто перекочевали из российских пределов в соседние азиатские государства. По словам Ашинова, в диких горных районах Анатолии, Курдистана, Турецкой Армении, в камышовых зарослях персидского побережья Каспийского моря жило огромное количество русских «вольных казаков». Они продолжали вести образ жизни своих знаменитых предшественников — не сеяли хлеб и не разводили огородов, а охотились, ловили рыбу, нанимались охранять купеческие караваны. Случалось, с улыбкой намекал Ашинов, вместо охраны они и грабили своих подопечных. Новоявленные казаки якобы не подчинялись правительствам стран, где жили, находясь в постоянной вражде с «басурманами». Несмотря на жизнь на чужбине, «вольные люди», утверждал он, хранили трогательную верность русским обычаям, православной вере и русскому царю и прямо-таки жаждали при каждом удобном случае послужить матушке-России. Как уверял Ашинов, «казаки» уже помогали родине во время многочисленных русско-турецких и русско-персидских войн, действуя в тылу врага в качестве партизан¹⁶.

Внешность рассказчика, казалось, служила живым подтверждением его слов. Ашинов был одет по-кавказски, в бешмет и черкеску, на поясе висел кинжал. Невысокий, коренастый, с рыжеватой окладистой бородой, он истово крестился по-старообрядчески при виде каждой встречной церкви, гово-

рил немного нараспев, подчеркнуто «народным» языком. «Вольный казак» обращался ко всем только на «ты», пересыпал свою речь словами «знамо», «хощь», коверкал иностранные слова, писал невообразимыми каракулями и читал по слогам. Словом, перед собеседниками находился настоящий современник Ермака Тимофеевича и Степана Разина, чудом сохранившийся на протяжении трех столетий.

Конкретных подробностей, однако, слушатели узнавали немного. На все расспросы Ашинов хмурился и отвечал, что не уполномочен разглашать детали из жизни казаков. Он всего лишь выборный атаман «гулевой сотни», посланный своими друзьями для переговоров с русским правительством. Наиболее терпеливые из собеседников смогли вытянуть из посланца «вольницы» лишь некоторые детали. Например, что «казаки», проживая среди мусульман, обыкновенно брали их имена. Этим он объяснял полное неведение русских дипломатов и путешественников о своих земляках в Малой Азии. «Слышали, в газетах пишут про разбойника Обейдуллу, орудующего у курдов? — спрашивал Ашинов у сомневавшихся. — Так это из наших, его зовут Иван Васильевич Калинин»¹⁷. Впрочем, и русские имена у «казаков» были, по его словам, ненастоящие. «Вольные люди» брали себе имена, какие значились в краденых или фальшивых документах, достававшихся им самыми разными путями. Фамилия Ашинов, уверял Николай, также взята из чужого паспорта, поэтому себя он предпочитал именовать только Николаем Ивановичем. Самый же главный, «набольший», атаман у «вольных казаков», пославший Ашинова в Россию, звался просто Мишкой Двулобым. Есть у «казаков» и поп, замечал рассказчик, только вот жаль, «хмельным зашибается»¹⁸.

С какой же целью прибыл представитель вольницы в Петербург? Ашинов отвечал просто: «казакам» надоело скитаться по чужбине и умирать неизвестно за что, в безвестности. Считая себя верноподданными русского царя, они решились просить у него прощения за старые грехи и разрешения вернуться на родину. Но вернуться не просто доживать свой век кто где, а так, чтобы иметь возможность послужить императору и «пролить кровь по его манию». «Вольные люди», заявлял Ашинов, хотели переселиться на Черноморское побережье Кавказа с тем, чтобы из них было составлено особое казачье войско с внутренней ав-

тономией и привилегиями перед местными жителями. Новое Черноморское войско должно было существовать на тех же правах, что и старинные — Донское, Терское, Уральское и прочие. Казачья колонизация, с жаром уверял Николай Иванович своих собеседников, поможет решить две задачи: во-первых, заселить этот пустующий край, освоить его в хозяйственном отношении, а во-вторых, обеспечить надежную безопасность южных рубежей России¹⁹.

Предложения «казака» были не столь уж и фантастически-ми. Черноморское побережье Кавказа от Новороссийска до Сухума действительно представляло собой в 1880-х гг. почти безлюдную местность. Потерпев поражение в Кавказской войне и не желая подчиняться ненавистным русским, многие горские племена Западного Кавказа в середине 1860-х гг. полностью переселились в Турцию. Русская колонизация шла очень медленно, крестьяне предпочитали селиться в регионах с привычным рельефом и климатом. Горы были для них чужими. В результате побережье оказалось абсолютно беззащитным во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Турецкие десанты беспрепятственно высаживались под Новороссийском, в районе Геленджика, Сочи. Особенно крупные бои развернулись в Сухумском округе. Русское правительство прекрасно понимало важность заселения Черноморского побережья и в экономическом, и в стратегическом аспекте и было заинтересовано в скорейшем освоении края.

Насколько рассказы «вольного казака» соответствовали истине? Исследователи, занимавшиеся ашиновской историей, восприняли его откровения с полным доверием. Даже А.В. Хренков, справедливо упоминая о склонности авантюриста к мистификациям, поверил ему. «Так называемое «вольное казачество», — утверждал историк, — было весьма аморфным и слабоорганизованным обществом, в котором преобладали выходцы из России, переселившиеся в разное время и по разным причинам в Турцию. Среди них были собственно казаки, звавшиеся некрасовцами, черкесы, курды»²⁰. Однако нам неизвестны факты о наличии сколько-нибудь значительного числа русских «гулящих людей» в Малой Азии. Казаки-некрасовцы, потомки ушедших в Турцию участников восстания К. Булавина, уже второй век были вполне лояльными подданными Османской империи и исправно участвовали во всех войнах с Россией.

Относить их к «вольным казакам», якобы трогательно хранившим верность царю-батюшке, нельзя. Еще менее оснований считать таковыми черкесов-мусульман, переселившихся в Турцию именно из-за экспансии России на Кавказе и потому искренне ненавидевших все русское. Единственное, что могло быть реальным в те годы, — это участие отдельных выходцев из России, давно утративших всякую связь с родиной, в контрабандных операциях или же просто в разбойничьих шайках. Понятно, что подобные элементы никак не подходят под лубочную картинку, нарисованную Ашиновым.

Не все просто и с самим «атаманом гулевой сотни». Себя он представлял прирожденным «вольным казаком». Мы уже знаем, что это было неправдой. Позже, когда царицынское происхождение Ашинова вскрылось, он признал это, но стал говорить, что в возрасте 12 лет его забрал из Царицына родной дядя, терский казак. С ним-то Николай якобы и попал к «вольным казакам» на реку Атрек, что впадает в Каспийское море между туркменскими племенами и иранским Хорасаном²¹. Это тоже не соответствовало действительности: как сообщал царицынский городской голова, Ашинов уехал из города примерно в 1880 г., когда ему было уже за двадцать. Но даже если предположить, что И.В. Мельникову изменила память, в рассказах Ашинова о его похождениях на Кавказе содержится слишком много противоречий, чтобы быть правдой.

«Вольный казак» рассказывал, что был избран атаманом «гулевой сотни» в турецком городе Измире²². Но Измир находится в густонаселенной западной части страны, на берегу Эгейского моря. Разбойникам-казакам в этой издавна обжитой местности с невысокими горами просто негде было бы даже спрятаться, не говоря уже о проведении дерзких операций против турок. В разное время и разным людям «атаман» поведал весьма отличавшиеся истории о своем участии в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В одном случае он со своими молодцами якобы спас целый отряд русских войск под Новороссийском, когда там высадился турецкий десант²³. В другом — помогал русским при осаде ими турецкой крепости Карс, был даже взят турками в плен, но бежал²⁴. Как «вольные казаки» преодолевали многие сотни верст по театру военных действий, чтобы оказаться на противоположных концах Кавказского фронта, осталось тай-

ной самого Ашинова. Наконец, хлопоча об отведении земли для поселения своих «казаков» на Черном море, Николай Иванович признался как-то, что он еще перед войной ездил с этой целью в Тифлис и Батум, но ничего не добился²⁵. Батум же вошел в состав России только после Берлинского конгресса 1878 г., и до войны, разумеется, никакой русской администрации там быть не могло.

Н. Ашинов, безусловно, был знаком с Кавказом. Только вот с какой его частью? Во всех его экспедициях неизменно участвовало несколько осетин и представителей других народов Северного Кавказа. А вот из Закавказья, что было бы логичнее, если допустить многолетнее пребывание там «атамана», не было никого. Вполне возможно, что три года, с 1880 г. по 1883 г., будущий «вольный казак» провел именно на северной стороне Кавказского хребта, в Терской области. Чем он там занимался — сказать трудно. Зная его пристрастие к рискованным операциям, мы можем предположить участие Ашинова в контрабандной торговле на Каспийском море или в какой-либо иной, не слишком законопослушной деятельности. Понятно, почему об этом впоследствии Николай предпочитал не вспоминать.

Ашинов прожил в Петербурге почти три месяца, обивая разные пороги. Но его мало кто воспринимал всерьез. Ему удалось добиться приема лишь у начальника Главного штаба генерала Н.Н. Обручева и министра государственных имуществ М.Н. Островского, ведавшего казенными землями. Но ничего из этого не вышло. Идея создания Черноморского казачьего войска не встретила у них поддержки²⁶. У сановников были разные причины для прохладного отношения к просителю. Создание нового казачьего войска требовало громадных затрат, а скорой отдачи ожидать не приходилось. Продажа же казенных земель в частные руки могла принести хорошую прибыль государству. Генерал же Обручев, слывший одним из самых компетентных русских военных, смотрел на дело и с чисто военной точки зрения. Ему было прекрасно известно, что казацьи формирования, пережиток средневековой системы комплектования армии, постепенно отживали свое. Если до отмены крепостного права владение землей за службу было действительной привилегией казачества, то наделение землей крестьян лишило казаков этого преимущества. Обязанность служить за свой счет ложилась на казачье хозяйство тяж-

ким бременем, и все больше и больше семей его не выдерживали. В скором будущем речь могла пойти о реформировании уже существовавших казачьих войск, а не о создании нового.

Вскоре, однако, почти отчаявшийся было «атаман» встретил первого высокого покровителя. На заседании Общества промышленности и торговли он познакомился с известным инженером В.А. Панаевым, имевшим обширные связи в высших слоях столичного общества. Панаев чрезвычайно заинтересовался колоритной личностью «вольного казака». Он поверил всем рассказам Ашинова. И главное — всерьез загорелся идеей казачьей колонизации Черноморского побережья. Инженер написал рекомендательное письмо о проекте Н. Ашинова своему знакомому, командующему Главной императорской квартирой генералу О.Б. Рихтеру. Это учреждение состояло при царе для организации его передвижений по стране, а также для охраны венценосной особы. Панаев писал об Ашинове: «Я подметил в нем необыкновенную удаль, замечательный здравый смысл, ясный взгляд на вещи, настойчивость в достижении цели и безотчетное желание искать борьбы с препятствиями, в чем, кажется, и заключается цель и условия жизни подобных людей. Словом сказать, мне показалось, что он заключает в себе все данные, необходимые для колонизаторства»²⁷. Панаев просил Рихтера подготовить по проекту Ашинова всеподданнейший доклад императору. Однако старый служака не захотел нарушать общепринятый порядок. Он сообщил Панаеву, что подготовка всеподданнейших докладов по данному вопросу входит в компетенцию военного министра, к которому и надлежит обратиться²⁸. Помня о более чем прохладном приеме, оказанном ему генералом Обручевым, Ашинов решил пока воздержаться от контактов с военным ведомством.

Вскоре появился другой вариант. В Петербург приехал еще один знакомый В.А. Панаева — главноуправляющий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа князь А.М. Дондуков-Корсаков. В январе 1884 г. инженер устроил Ашинову аудиенцию у сановника. К этой встрече «атаман» подготовился серьезно: он преподнес князю письменный проект образования Черноморского казачьего войска, начинавшийся с длинной преамбулы о «вольных казаках» и их страстном желании послужить России.

В этой записке подробно оговаривались все условия организации жизни будущих казаков-черноморцев. Ашинов ходатайствовал о выделении каждому казаку в вечное владение по 30 десятин пахотной земли и по 5 десятин пастбищ. Не забыл «атаман» и про общественные нужды: каждой станице по его проекту полагалось 100 десятин земли, доходы с которой должны были идти на содержание церкви и школы. Для обустройства на новом месте казна должна была предоставить казаку безвозвратную ссуду в 100 рублей и беспроцентный кредит в 200 рублей на 10 лет. В целях предотвращения появления в среде казаков расслоения на богатых и бедных все излишки должны были принадлежать станичным обществам в целом, «а не раздельно и отнюдь не эксплуататорам». Торговля спиртными напитками по замыслу Ашинова на территории войска запрещалась безусловно. Апофеозом записки стал детально разработанный проект формы одежды Черноморского казачьего войска. Казак должен был выглядеть очень живописно: «Черкеска белого туземного сукна с девятью на каждой стороне хозырями, голубой бешмет под черкеску, тесьма серебряная, перекинута под хозырями в правом кармане, темно-синие шаровары, опущенные в большие сапоги, белая папаха с голубым верхом, и вооружение — наперед кинжал, через плечо черкесская шашка, а также шестиствольный револьвер с ружьем системы Бердан». На зимнее время казаку полагались черная бурка и башлык²⁹.

А.М. Дондуков-Корсаков был опытным военным и администратором. Он успел побывать киевским и харьковским генерал-губернатором, во время Русско-турецкой войны командовал корпусом, а в 1878 г. был назначен российским комиссаром и командующим оккупационными войсками в Болгарии. Именно он ввел в действие болгарскую конституцию и организовал гражданское управление в этой освобожденной от турок стране. Он сразу понял, что никаких «вольных казаков» не существует, а перед ним находится человек с сомнительным прошлым. Однако рекомендация В.А. Панаева не позволила генералу просто прогнать незадачливого просителя. Дондуков-Корсаков любезно объяснил Ашинову, что образование казачьего войска на Черноморском побережье немыслимо прежде всего по недостатку там пахотных земель. Но «вольные казаки» могут, если пожелают, приехать туда на общих основаниях, как обычные

переселенцы, не рассчитывая на казенное пособие. Разумеется, добавил князь, это приглашение касается только людей благонадежных, а не каких-нибудь беспаспортных бродяг. Генерал был настолько предупредителен, что сделал запрос кутаисскому военному губернатору генерал-майору Смекалову. Тот уведомил, что в Сухумском округе есть свободные к поселению места: в районе Нижней Цебельды может быть размещено до двух тысяч человек. Ашинову даже было выдано письмо к сухумским властям, где тем предлагалось оказать содействие в обустройстве переселенцев³⁰.

Человеку без амбиций этого показалось бы достаточно, чтобы заняться наконец конкретной работой по переселению. Но Ашинову было мало разрешения, выданного ему наравне с другими. Надо думать, в мечтах Николай Иванович уже видел себя ни много ни мало атаманом всего основанного им Черноморского казачьего войска. Расставаться с этими мечтами он не собирался. Потерпев неудачу в чиновном мире, Ашинов решил обратиться к русской общественности. Он отправился в Москву.

Древняя русская столица всегда считалась оплотом патриотических настроений. Москвичи недолюбливали холодно-прагматичных и космополитичных петербуржцев. Здесь жил идейный вождь поздних славянофилов И.С. Аксаков, издававший газету «Русь», отсюда же на всю Россию раздавался громкий голос «цепного пса самодержавия» М.Н. Каткова и его газеты «Московские ведомости». Аксаков с недоверием относился к чиновничеству и государственной машине вообще, Катков, напротив, был ярким сторонником сильной державной власти, но оба сходились на неприятии «западнических» либеральных ценностей и националистических пристрастиях. Подчеркнутая приверженность всему русскому и противопоставление России всему остальному миру — на этом и решил сыграть Ашинов. В рекомендательном письме Панаев советовал Аксакову обратить внимание на личность посетителя, «представляющего собою тип, подходящий к Ермаку Тимофеевичу»³¹. Но он мог этого и не писать. Ашинов мастерски справился со своей ролью неграмотного простого казака, выходца из самой народной гущи. И.С. Аксаков, увидевший в «атамане» воплощение своих представлений о настоящей «допетровской» Руси, был буквально очарован им. Эмоциональный по натуре человек, Аксаков полнос-

тью поверил рассказам Ашинова о «вольных казаках» и принял деятельное участие в дальнейшей судьбе авантюриста. Он вывел «атамана» в московский свет, познакомил со многими влиятельными людьми. Очевидно, Ашинов получил в Москве и какие-то пожертвования на обустройство «казаков» в Причерноморье.

Весной 1884 г. Ашинов покинул столицу, но отправился почему-то не на Кавказ, откуда якобы и приехал, а в Полтавскую губернию. Здесь он открыл деятельную агитацию среди местных крестьян. Представляясь им наказным атаманом вновь создаваемого Черноморского казачьего войска, он зазывал их записываться в казаки. Удалось ему обмануть и местную администрацию. Принимая его за важную персону, посланную самим государем императором, местные власти оказывали Ашинову всяческое содействие. Крестьяне-малороссы, измученные малоземельем и высокими выкупными платежами, слушали экзотически для этих мест одетого Ашинова и не верили своему счастью. В самом деле, он обещал им немедленный переход в казачье сословие, а значит, свободу от всяческих податей, бесплатное наделение огромными земельными наделами, безвозмездное предоставление казной каждой семье по 6 голов скота и 200 рублей денег³². Не жалея красок, Ашинов расписывал райские природные условия Черноморского побережья — плодородные земли, сочные пастбища, обильные сады. Особенно льстили селянам постоянные напоминания визитера о славных делах их предков, запорожских казаков, и призыв продолжать эти подвиги под его началом. Желающих стать казаками нашлось более чем достаточно. Предложив им добираться до Сухума самостоятельно, Ашинов отправился на Кавказ, чтобы подготовить там прием переселенцам.

Полтавский вояж Ашинова весьма красноречиво показывает, что никаких «вольных казаков», желавших переселиться на родину, в Малой Азии не было. Зачем тогда было ему вербовать переселенцев из крестьян, никогда в жизни не видевших гор и не державших в руках шашку? Но для столичного света Ашинов представлял все так, как будто в Сухумский округ ехали настоящие «казаки». Из Тифлиса он послал И.С. Аксакову письмо, где сообщил об успешном начале переселения. Верный своей манере поражать собеседника героическими подвигами, он и тут не удержался. Оказывается, он со своими «молодцами» добирался до Тиф-

лиса верхом, напрямик через заснеженные перевалы. На одной из круч лошадь «атамана» даже сорвалась в пропасть, ему же лишь чудом удалось спастись. Поддерживая легенду о своей неграмотности, Ашинов приписал в конце письма: «Писал сие письмо и сочинял войсковой писарь вольных казаков Семенкин»³³.

В апреле 1884 г. Ашинов со своими ближайшими помощниками Василием Аретинским и братьями Савелием и Ульяном Бойко, произведенными им в «есаулы», прибыл в Сухум. Предъявив начальнику округа рекомендательное письмо от Дондукова-Корсакова, он сообщил, что им на вербовано в Полтавской губернии несколько сот крестьян-переселенцев. Получив предписание, подписанное своим непосредственным начальником, полковник Введенский отвел землю под размещение прибывающих крестьян неподалеку от селения Ольгинского. Вскоре туда стали прибывать полтавские крестьяне. Их действительно было немало, более ста семей. Но большинство из них, осмотрев предназначенные для заселения угодья, остались ими недовольны — пахотной земли в горах было немного. Обещания Ашинова бесплатного скота и денежной помощи оказались обманом. Большинство приехавших вскоре вернулись на родину, потратив на переезд последние деньги. Осталось около 40 семейств, решивших верить Ашинову до конца. Тот же вел себя так, будто и в самом деле имел полномочия на организацию казачьего войска. Местные власти предписали переселенцам выбрать из своей среды сельских должностных лиц — старосту, сотских, как и полагалось любому селу в России. Те послушно собрали сход и выбрали себе начальство, однако Ашинов отменил результаты выборов и созвал новый сход. Он объявил растерянным малороссам, что местные власти их обманывают и не выполняют решение царя об организации казачьего войска. Но им нечего беспокоиться, он берется за дело и все устроит. Не теряя времени, Ашинов предложил назвать поселок станицей Николаевской, в честь наследника престола, а его самого избрать атаманом. Озадаченные крестьяне, не понимавшие, кому же верить, послушно проголосовали за Ашинова и его приближенных³⁴. Ашинов был доволен: «августейшее» название станицы должно было обеспечить ему царское расположение. Теперь он получил в свои руки хоть небольшую, но власть. А это означало, что можно продолжать мистифицировать всех и вся.

В Москву И.С. Аксакову было отправлено письмо, где события в поселке излагались совсем иначе. «Атаман» сообщал, что 7 июня 1884 г. состоялось торжественное основание первой русской казачьей станицы в Сухумском округе. По его словам, «казаки» с трогательным единодушием и чуть ли не со слезами на глазах выбрали его не только станичным атаманом, но и почетным атаманом всего Черноморского войска: «...поднесли хлеб, соль и белую атаманскую папаху Вашему покорнейшему слуге; выпили за матушку Россию и за белокаменную Москву, и пошел пир горой, стали песни казачьи распевать и плясать с попом на радости»³⁵.

И в дальнейшем Ашинов продолжал сообщать Аксакову о жизни своей «станицы» в таком же бодро-ликующем ключе. Он писал, что «казаки» принялись за хозяйство, насадили табачные плантации из рассады, привезенной лично им из Турции. В другом послании Ашинов уведомлял своего московского покровителя о начале занятий жителями «станицы» шелководством и даже посылал ему на пробу коробочку выделанных ими коконов «итальянской породы». В его планах стояла постройка завода для выгонки спирта из местных фруктов, устройство в «станице» ярмарки регионального значения. В общем, подчеркивал он, дела у поселенцев шли превосходно, настроение было отменным, а воинственный дух ничуть не уменьшился. «Хорошо бы, если была война с погаными немцами, — делился Ашинов с Аксаковым своими мечтами, — тогда казачки бы поправились, пошли бы у них погуляли, с нами не отказались наши соседи черкесы к ним съездить погулять: и есть за что немчуру бить, и есть что у нее взять». Откровенно лъстя московскому публицисту, он уверял, что его имя в «станице» знает и стар и млад, что все казаки его любят и ждут в гости, просил Аксакова выслать свой портрет для станичного правления³⁶.

Однако в действительности не все обстояло так благополучно. Навязав переселенцам себя в атаманы, Ашинов забрал в свои руки всю власть. «Станичники» ничего не могли предпринять без его разрешения. Мало того, он забрал в свои руки все контакты с местными властями, и все новости и распоряжения последних доходили до «казаков» в удобном для Ашинова виде. Стремясь помочь переселенцам, администрация Сухумского округа выделила им 200 четвертей муки и 1700 рублей на по-

купку скота заимообразно. За получением денег и продовольствия явился, конечно, сам Ашинов. Представленный им общественный приговор (доверенность) впоследствии оказался сфабрикованным самим «атаманом». Получив деньги, Ашинов скот купил, но брал за него со своих «казаков» в полтора раза больше действительной цены, к тому же требуя половину денег сразу (ссуда на самом деле была долгосрочной). Муку же он раздавал, руководствуясь только принципом преданности — верные клеветы получили львиную долю. Деньги, отпущенные на строительство дороги, Ашинов прикарманил уже без всяких ухищрений. Кроме того, пользуясь «атаманской» властью, он принуждал поселян безвозмездно работать на него, оказывать различные услуги. Адресованные крестьянам письма и переводы Николай Иванович забирал с почты сам, отчего многие так и не дождались своих денег³⁷. В результате вместо атмосферы «казацкого братства» в поселке произошел раскол на тех, кто был в милости у Ашинова, и простых тружеников. Начались распри, дело порой доходило до драк.

Не заладились у Ашинова и отношения с местной администрацией. «Атаман» требовал для себя особого статуса, ссылаясь на якобы данные ему свыше полномочия, отказывался подчиняться распоряжениям сухумских властей. Пытаясь заручиться поддержкой влиятельных людей, он жаловался И.С. Аксакову на отсутствие помощи, тяжелое материальное положение «казаков». По его словам, закавказская администрация просто не пускала к ним новых «вольных людей», рвущихся из-за границы, тем самым сознательно ставя палки в колеса патриотическому делу. Доведенные до отчаяния «станичники», писал Ашинов, решились передать адрес наследнику престола с описанием всех этих безобразий и с просьбой принять их под свое августейшее покровительство³⁸.

В декабре 1884 г. в «станицу Николаевскую» прибыл для разбирательства начальник Сухумского округа полковник Введенский. Узнав, что все разговоры о Черноморском казачьем войске были сплошным надувательством, потрясенные переселенцы не стали ничего скрывать. Для расследования злоупотреблений Ашинова на место были направлены помощник начальника Сухумского округа и помощник кутаисского военного губернатора, против незадачливого «атамана» было возбуждено

уголовное дело. Однако правосудию не суждено было осуществиться. Не дожидаясь ареста, Николай Ашинов бежал на случайно зашедшем среди зимы в Сухумский порт судне³⁹. Авантюра с Черноморским казачьим войском, казалось, бесславно закончилась.

Любой нормальный человек в такой ситуации признал бы полное крушение своих планов и постарался бы скрыться как можно дальше от грозящей тюрьмы. Но Николай Ашинов был не таков. Он снова отправился в столицы хлопотать о своем детище и в конце 1884 г. прибыл в Москву. Разумеется, «атаман» не стал рассказывать И.С. Аксакову правду. Он предпочел предстать в роли невинно пострадавшего от козней местной администрации, нерадивой и корыстолюбивой. Использовал Ашинов и самую чувствительную струнку в душе вождя московских славянофилов — националистическую, объявив все свои затруднения враждебными происками нерусских элементов. И.С. Аксаков и в этот раз поверил авантюристу. Вскоре в издававшейся им газете «Русь» появилась статья Н. Шаврова «О необходимости заселения Черноморского берега казаками», где слово в слово повторялись все ашиновские рассказы о «вольных казаках» и содержались обвинения кавказской администрации в неодинаковом отношении к переселенцам — неприязни к «казакам» и покровительстве всем нерусским: грекам, эстонцам, армянам и пр.⁴⁰ Впрочем, эта статья была выдержана в довольно спокойном и приличном тоне.

В Москве Ашинов смог приобрести еще одного весьма полезного покровителя, намного более влиятельного, нежели И.С. Аксаков. Тот был все же далек от правительственных сфер и имел в глазах властей скорее отрицательную репутацию. Издатель же «Московских ведомостей» М.Н. Катков был весьма близок к министру внутренних дел Д.А. Толстому, чрезвычайно высоко ценился самим Александром III. Чувствуя свое влияние и неприкасаемость, Катков мог гораздо свободнее, чем другие журналисты, обсуждать многие запрещенные темы. Нуждаясь в таланте Каткова, ревностного защитника самодержавия, царизм терпел нападки московского публициста на самых высокопоставленных государственных деятелей, даже на иных министров. Сам Александр III как-то заметил: «Катков играет роль какого-то диктатора». Страстный защитник национальных интересов России, как он их понимал, М.Н. Катков проникся глубоким

расположением к отважному «вольному казаку». В дальнейшем он еще более, чем И.С. Аксаков, принял участие в судьбе Ашинова. По прямому указанию Каткова 31 марта 1885 г. в «Московских ведомостях» появилась обширная статья С. Соколова «Казацкая вольница», где впервые в прессе слово в слово были воспроизведены ашиновские басни о «вольных казаках». Впрочем, автор и не скрывал своего благоговения перед «атаманом», у которого брал интервью. Чувствуя поддержку, Ашинов пошел еще дальше. Он в несколько десятков раз, до 800 человек, увеличил количество прибывших в Сухумский округ переселенцев, вдохновенно живописал, как «казаки» отправили своих посланцев в Индию и Китай, чтобы научиться там шелководству и выращиванию чая. Общее число «вольных казаков», якобы кочевавших на просторах Турции и Ирана и готовых переселиться в Россию, он довел до двадцати тысяч человек. Впрочем, теперь Ашинов не ограничивался только Малой Азией. Русские «казаки», заявил он ошеломленному корреспонденту, воюют и в Африке — у махдистов в Судане и в Абиссинии «у царя Ивана». «Хороший человек царь Иван, — добавил Ашинов, словно лично знал правителя далекой Эфиопии, — нашей хрещеной веры и нашему царю дружок»⁴¹. Разумеется, речь зашла и о препятствиях, чинимых «казакам» кавказской администрацией. По словам «атамана», она состояла в основном из немцев, поляков и армян, а этим «аспидам», естественно, не могло нравиться усиление русского элемента в Закавказье. Надо думать, поляков Ашинов упомянул специально для Каткова, который еще со времен Польского восстания 1863 г. был убежден, что слова «поляк» и «изменник» являются синонимами.

Вскоре, получив рекомендательные письма от Аксакова и Каткова, Ашинов отправился в северную столицу. Здесь ему удалось очаровать еще одного влиятельного журналиста — издателя крупнейшей в России газеты «Новое время» А.С. Суворина. Тот тоже на страницах своего органа отдавал заметную дань националистическим настроениям. «Новое время» поместило несколько корреспонденций «из Сухума», рассказывавших о казаках-переселенцах. Скорее всего, их автором был сам Ашинов, уж слишком походил их стиль на письма «атамана». Дурача читателей, он сообщал, что «казаки» все продолжают прибывать на гостеприимные берега Черного моря и их количе-

ство уже дошло до 800 человек, что одной станицы для них уже мало и весной будет основана новая. Эту станицу, словно в насмешку над сановником, Ашинов окрестил Дондуковско-Корсаковской. Явно стремясь упредить возможные слухи об уголовном деле, возбужденном против него, авантюрист сам обвинил сухумские власти в растрате положенных казакам сумм. Из рассказанного им вырисовывалась картина настоящей измены: из 200 четвертей ржи, якобы посланной А.М. Дондуковым-Корсаковым, до «казаков» не дошло 75, подаренные князем 200 винтовок местные «заправители» подменили на негодные, деньги, отпущенные главноначальствующим на покупку лодок, до сих пор еще не выдали. В то же время, по словам Ашинова, для нерусских переселенцев — «чухонцев, немцев и греков» — провиант и медикаменты отпускались беспрепятственно⁴².

Газетная шумиха и рекомендации московских публицистов позволили настырному «казаку» продолжить свои домогательства относительно влиятельных людей. Будучи представленным графу Перовскому, Ашинов заявился как-то к нему в то время, когда у графа завтракал великий князь Владимир Александрович, родной брат императора и главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. Поразив августейшего собеседника рассказом о вольных казаках, число которых увеличилось теперь до 250 тысяч человек, а сфера деятельности расширилась до Индии, он сумел привлечь великого князя на свою сторону⁴³. Благодаря И.С. Аксакову состоялось его знакомство с бывшим министром внутренних дел и известным дипломатом графом Н.П. Игнатьевым, много лет пробывшим посланником в Константинополе. Игнатьев был известен своими давними славянофильскими симпатиями и склонностью к неумеренному вранью. Говорили, что он даже получил за это в Турции прозвище Лгун-паша. Очевидно, граф разглядел в Ашинове родственную душу и также стал одним из его ревностных сторонников.

Главной целью, к которой упорно стремился авантюрист, теперь стала аудиенция у наследника цесаревича — атамана всех казачьих войск империи. По рекомендации И.С. Аксакова он познакомился с видными историками, профессорами С.-Петербургского университета — выдающимся русским славистом В.И. Ламанским и Е.Е. Замысловским, сферой научных интересов которого была Россия XVI—XVII вв.⁴⁴ Влюбленность в рус-

скую историю сыграла злую шутку с учеными — они не сумели разгадать ашиновскую мистификацию и тоже оказались покоренными его обаянием. Через них «атаман» и пытался выйти на учителей наследника. Параллельно Ашинов нащупывал и другой подход к молодому цесаревичу. Рекомендательное письмо И.С. Аксакова открыло ему путь в кабинет обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, пользовавшегося исключительным влиянием на Александра III. В марте 1885 г. Победоносцев направил Александру III служебную записку, где рассказывалось о злоключениях «вольных казаков» на Кавказе, значении их расселения там для обороноспособности страны и усиления влияния православия в этом диком краю. Обер-прокурор Святейшего Синода упомянул и о желании «атамана» увидеться с наследником престола и передать ему всеподданнейший адрес, подписанный якобы всеми «вольными казаками» с просьбой о покровительстве и заступничестве. Царь, однако, уже был осведомлен от министра внутренних дел о подлинных событиях вокруг «станции Николаевской». На записку Победоносцева последовало высочайшее повеление принять все меры к тому, чтобы Ашинова не только не подпускали к цесаревичу Николаю, но и не принимали от него никаких адресов, посланий и просьб⁴⁵.

Получив такой резкий отказ, авантюрист, однако, не прекратил своих домогательств. По рекомендации М.Н. Каткова он добился приема у военного министра П.С. Ванновского, где с удивительным упорством снова, как ни в чем не бывало, повел речь об организации Черноморского казачьего войска из «вольных казаков». Поначалу он произвел на министра, по его словам, «впечатление человека весьма предприимчивого и сметливого, который принес бы Правительству несомненную пользу, если бы энергия его могла получить должное приложение»⁴⁶. Впрочем, к проекту Ашинова генерал отнесся скептически. Как заявил он просителю, план противоречил «общему духу и значению казачьих войск в общем военном и государственном строе империи», к тому же для организации настоящего казачьего войска на Черноморском побережье было слишком мало свободных земель. Ванновский предложил Ашинову направить свою энергию на восток и избрать для расселения «вольных казаков» одно из существовавших уже казачьих войск в Сибири или на Дальнем Востоке, действительно нуждавшихся в «заселении их

энергическими и предприимчивыми людьми»⁴⁷. Действительно, на кишашей разбойниками-хунхузами малонаселенной границе с Китаем «вольным казакам», привыкшим к дальним путешествиям и боевой жизни, открылось бы самое широкое поле деятельности. При одном условии — если бы эти казаки действительно существовали. Однако Ашинов отказался от такого заманчивого предложения.

Проводив посетителя, П.С. Ванновский на всякий случай отправил письмо А.М. Дондукову-Корсакову с просьбой сообщить его мнение об «атамане». Ответ не заставил долго ждать. Командующий войсками Кавказского военного округа подробно рассказал министру о всех «художествах» Ашинова на Кавказе. «Нет сомнения, — писал князь, — что это один из самых нахальных аферистов, умеющий втереться куда нужно, отуманить легко поддающихся людей». Обвинения Ашинова кавказской администрации в каком-то особом покровительстве нерусским переселенцам Дондуков-Корсаков отменил как безосновательные, заметив: «Если эсты (эстонцы. — *А.Л.*) скорее и лучше устраиваются на новых местах, то, вероятно, потому, что между ними нет Ашиновых»⁴⁸. Получив подобный отзыв, военный министр счел своим долгом предупредить М.Н. Каткова, что его протезе на деле оказался самым обыкновенным авантюристом, и предостерег от дальнейшего покровительства ему⁴⁹. Пухлое письмо с копией мнения Дондукова-Корсакова московский публицист получил, но дружескому предостережению не внял. М.Н. Катков и дальше продолжал всячески поддерживать «вольного казака», чему удивлялись даже некоторые его единомышленники.

Ашинов провел в Петербурге еще некоторое время. Все его попытки проникнуть к цесаревичу терпели неудачу, дорога в военное ведомство также была ему теперь заказана. Теряя терпение, «атаман» решил припугнуть своих оппонентов. Он предлагал собеседникам прочитать полуграмотно составленные письма, якобы полученные от «войскового круга вольных казаков» откуда-то из Малой Азии. В этих посланиях неведомые авторы предлагали Ашинову бросить все хлопоты по их переселению на Черноморское побережье, раз они не нужны «Белому Царю». Не видя дальнейшей возможности жить в турецких и персидских владениях, «казаки» заявляли о своем желании уйти в Аф-

рику, к «православному» абиссинскому негусу Иоанну II ⁵⁰. Еще, заявлял Ашинов, к нему приезжал представитель французского правительства и предлагал «казакам» хорошо оплачиваемую службу в Алжире. «Казачи не наемники», — якобы гордо ответил он французам ⁵¹. Однако все намеки Ашинова на большие потери, которые понесет Россия, если «казаков» переманят другие страны, не достигали цели. Дело организации Черноморского казачьего войска так и не сдвинулось ни на йоту. В конце концов в сентябре 1885 г. Ашинов покинул Петербург и отправился в Москву.

Глава 3. «КАЗАКИ» В АФРИКЕ

Следующая страница жизни Николая Ашинова носит прямо-таки детективный характер. Явившись в Москве к И.С. Аксакову, он огородил того известием, что «вольными казаками» заинтересовались англичане. С ним будто бы уже виделся их секретный агент и за солидное вознаграждение предлагал изменить России и поступить на службу британской короне. «Атаман», по его словам, не дал пока англичанину никакого ответа, благо деньги и инструкции должны были ему дать только в английском посольстве в Константинополе. Продаваться он, конечно, не собирался, но хотел посоветоваться с Аксаковым, как бы сделать так, чтобы английские деньги послужили на благо России. Взволнованный публицист вспомнил, что у него есть хороший знакомый в Министерстве иностранных дел — генеральный консул России в Каире М.А. Хитрово, с которым когда-то Аксаков учился в С.-Петербургском училище правоведения. Узнав о коварном замысле самых опасных в то время противников России, Хитрово немедленно приехал к Аксакову из Петербурга⁵².

На совещании Ашинов предложил самый логичный с точки зрения не скованного нормами морали «вольного казака» выход: деньги взять, но поручение англичан, каким бы оно ни было, не выполнять. Средства, вырученные таким образом, пошли бы на нужды «казаков» и их обустройство на Кавказе. Связь Ашинова с российским посольством в Константинополе взял на себя донской казачий полковник И.А. Дукмасов, один из верных почитателей Аксакова. Чтобы не возбуждать у англичан подозрений, Дукмасов должен был ехать в Константинополь отдельно от Ашинова.

До столицы Османской империи Ашинов добирался вместе с английским военным атташе. По приезде в Константинополь они сразу же отправились в британское посольство, где «атамана» принял сам посланник сэр Генри Друммонд Вольф. После недолгой беседы дальнейшее ведение переговоров перешло в руки специального агента, некоего капитана кавалерии. Англичане хотели, чтобы Ашинов со своими «вольными казаками» отправился в недавно присоединенную к России Закаспийскую область и произвел там диверсии на железной дороге,

а также занял ряд городов в туркестанских оазисах, прежде всего Мерв. Проникновение России вглубь Средней Азии не на шутку беспокоило Британскую империю, опасавшуюся за свои индийские владения. Совсем недавно, в марте 1885 г., две великие державы находились на волосок от войны: русские войска тогда с боем заняли район Кушки, считавшийся англичанами сферой их колониальных интересов. «Вольные казаки» могли в случае военного конфликта ударить в тыл русским войскам и помочь англичанам.

Ашинов согласился с этими мыслями и дал обещание выставить в самое ближайшее время пять тысяч своих «молодцов», за что получил от англичан задаток в 10 тысяч фунтов золотыми монетами. Затем он встретился с прибывшим в Константинополь И.А. Дукмасовым и, переодевшись монахом, чтобы случайно не узнали англичане, отправился вместе с ним в российское посольство. Здесь его уже ждали М.А. Хитрово и предупрежденный им посланник А.И. Нелидов. Ашинов рассказал дипломатам об условиях договора с британцами и представил в качестве доказательства кучу золотых соверенов и записку английского военного атташе с его адресом. Подчеркивая свою преданность России, «атаман» с театральным пафосом заявил слушателям: «Казака не купишь!» Потрясенный посланник обещал немедленно сообщить обо всем в Петербург. Затем Дукмасов отправился домой, а еще через несколько дней сэр Вольф отбыл в Египет, пригласив в Каир и Ашинова «для получения еще золотца». В двадцатых числах октября «вольный казак» отправился туда с неизвестно откуда взявшимися своими друзьями.

Так выглядела эта история, рассказанная Ашиновым И.С. Аксакову в письме из Константинополя⁵³. В 1889 г. на следствии он рассказывал об этих событиях несколько иначе. Количество «вольных казаков», которых он обещал поставить под ружье англичанам, уменьшилось до двух тысяч, а плата за них, напротив, поднялась до 12 тысяч фунтов. В Египет же Ашинов будто бы направился на следующий день после получения денег в сопровождении пятнадцати «вольных казаков» с оружием и боеприпасами. Целью похода с самого начала являлась не Средняя Азия, а далекая африканская Абиссиния⁵⁴. В.А. Панаев в своих мемуарах сообщил еще одну подробность этой захватывающей шпионской истории: Ашинов, оказывается, выехал из

Константинополя в Одессу, чтобы показать англичанам, что начинает выполнять условия контракта, но в море пересел на пароход, следовавший в Александрию⁵⁵.

Историки, изучавшие ашиновщину, отнеслись к этому детективному сюжету с полным доверием. Между тем здесь, как и в вопросе о реальности «вольных казаков», нельзя забывать о почти патологической страсти авантюриста к мистификациям. Даже веривший в правдивость «атамана» В.А. Панаев, излагая приведенные выше данные, счел нужным оговориться, что о них он знает только со слов самого Ашинова и И.А. Дукмасова. Настоящих же доказательств сношений «атамана» с британскими эмиссарами практически нет. В самом деле, о переговорах «вольного казака» с англичанами участники событий узнавали только от него. Деньги, якобы полученные от британцев, тот мог добыть где угодно, у кого-то из своих богатых поклонников, например, в России. Записка с фамилией английского военного атташе и адресом его гостиницы могла оказаться простой визитной карточкой и, следовательно, ничего не значить. Даже И.А. Дукмасов мог подтвердить только то, что просто видел у Ашинова много денег. Наконец, нет прямых свидетельств и посещения «атаманом» английского посольства хотя бы однажды. Если вспомнить, чем занимался Ашинов в последнее время перед своим отъездом из Петербурга, станет ясно: авантюрист лихорадочно искал возможность подхлестнуть постепенно угасающий интерес публики к своей персоне и пресловутым «вольным казакам». Фантастическое по своей наивности предложение многоопытных в разведывательной деятельности англичан пришлось как нельзя кстати. Скорее всего, оно, как и переговоры в Константинополе, было лишь плодом фантазии Николая Ашинова.

Куда же направился «атаман вольных казаков» из Константинополя? Перед отъездом он имел долгий разговор с М.А. Хитрово, расспрашивал его, как знающего человека, об обстановке вокруг Абиссинии. Сам генеральный консул сообщил об этом в Петербург своему непосредственному начальству, добавив, что всячески отговаривал Ашинова от этой поездки⁵⁶. Наконец, «атаман» прямо писал И.С. Аксакову: «Теперь с Божьей помощью собираемся в Египет, если нужно будет, надо поддержать Махди (предводителя суданских повстан-

цев. — *А.Л.*)... а оттуда надо побывать у нашего дружка Царя Абиссинского»⁵⁷.

Почему Ашинов направился именно в Абиссинию, а не в какую-нибудь другую страну на любом континенте? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что к этому африканскому государству в России издавна существовало особое отношение. Эфиопия — страна древней христианской религии, сумевшая на протяжении многих веков отстоять себя в окружении враждебных, прежде всего мусульманских, соседей. К концу XIX века она осталась практически единственным в Африке государством, сохранившим независимость. В положении бедного, но гордого народа, героически отстаивавшего свою национальную и духовную независимость, русские националистически настроенные мыслители видели прямые параллели с историей своей страны. Симпатии к далекой стране и ее народу усиливались устойчивым представлением в русском общественном сознании (на самом деле довольно далеким от истины) о чрезвычайной схожести православной и эфиопской монофизитской церкви. Порой публицисты, и даже весьма образованные, прямо называли абиссинцев православными. Так, например, считал довольно известный клерикальный писатель П. Успенский, бывший в 1848—1854 гг. главой Русской духовной миссии в Иерусалиме⁵⁸. Поездка на помощь «братьям по вере» в условиях борьбы Абиссинии с Италией приобретала черты крестового похода против католичества, что всегда было популярно в русских националистических кругах. Отправляясь в эту страну, еще мало знакомую русскому обществу, Ашинов рассчитывал, что в случае успеха его авторитет резко поднимется. Благо проверить, что именно он делал там, было чрезвычайно затруднительно: в Абиссинии еще не было не только русского, но и других иностранных дипломатических представительств. Европейцев, бывавших в далекой стране на Африканском Роге, можно было пересчитать по пальцам. Суданского же предводителя Махди, к тому времени уже умершего, Ашинов упомянул по очень простой причине. Махди возглавлял восстание населения Судана против египетского и английского владычества, а значит, помощь ему в борьбе с британцами должна была встретить благосклонное отношение в русском обществе. То, что махдисты-мусульмане были, в свою очередь, сами злейшими врагами абиссинцев-христиан, не имело для «атамана» никакого значения.

Абиссиния в середине 1880-х гг. переживала не самые лучшие времена. Страна враждовала практически со всеми соседями — с Египтом из-за северных областей, с махдистами из-за западных районов, наконец, с итальянцами, занявшими прибрежные районы Красного моря (Эритрею). Государство формально оставалось единым, но власть его главы, хотя и носившего пышный титул «Негус Негести» (Царь Царей), в значительной степени зависела от расов — наместников основных областей — Тигре, Амхара и Шоа. Могущественный союзник среди европейских великих держав был жизненно необходим Абиссинии и самому негусу. Гости из далекой России вполне могли рассчитывать здесь на радушный прием.

Ашинов и из Африки продолжал мистифицировать своих московских благодетелей. Из Александрии он писал И.С. Аксакову, что несколько его «молодцов» отправились «вниз по Нилу, против наших дружков», то есть англичан в Судане, что он «сделался дружком» с коптским патриархом, в чьем ведении находилась абиссинская церковь⁵⁹. Адресат даже не заметил, что Ашинов перепутал направление путешествия своих «казаков» — Судан находится не ниже, а выше Египта по течению Нила. Следующее письмо Ашинов отправил Аксакову 7 декабря 1885 г. из захваченного Италией порта Массауа на побережье Красного моря. По его словам, экспедиция «вольных казаков» была небольшой: «Мы взяли с собою только есаулов, да немного молодцов на англичанские деньги приехали». Теперь они не отправлялись дальше, ожидая «для пушей важности», пока негус не пришлет за ними почетный конвой. Бахвалясь, «атаман» небрежно упомянул о подарках, которые он везет «царю Ивану», — дорогим оружием, шашках, отделанных драгоценными камнями. Итальянцы якобы устроили Ашинову торжественную встречу, его, как важную персону, принял губернатор Массауа. Заискивали перед «вольными казаками» и французы: к Ашинову будто бы приходил их консул и просил, «чтобы мы шли рука в руку в этой стране против англичан». Нагнетая страсти, «атаман» закончил свое послание выпренним обращением: «Передайте царю, если умрем, то за него, а не за кого другого»⁶⁰.

В январе 1886 г. в столичной газете «Новое время» появилась сенсационная корреспонденция из Абиссинии, перепечата-

танная затем многими другими изданиями. В ней с невероятными преувеличениями рассказывалось о торжественной встрече, устроенной там делегации «вольных казаков» во главе с атаманом Николаем Ивановичем. Статья эта настолько показательна для ашиновской эпопеи, что на ней стоит остановиться подробнее. Анонимный автор, оказавшись «случайно» в абиссинском городе Асмаре, был поражен множеством собравшегося здесь войска, вооруженного ружьями, саблями и копьями со щитами. Он подумал было, что находится накануне очередной битвы с махдистами, но вскоре узнал, что это — почетный конвой «вице-царя Рас-Аллулы», готовящегося к встрече «московского брата», приехавшего в Абиссинию по приглашению «царя Ивана». Изложение дальнейших событий предоставим самому неведомому корреспонденту: «Тут же через пять минут показался из-за горы и сам атаман в роскошной белой черкеске, отделанной золотыми галунами, в белой шелковистой пушистой папахе, в оружии, отделанном золотом и драгоценными камнями, в дамасской шашке. Он сидел на белом жеребце арабской породы, которому любой наездник позавидовал бы, подседланном серебряным черкесским седлом. Впереди ехал молодой казак, на вороной лошади, неся русскую хоругвь, с правой стороны другой казак вез образ Спасителя в роскошно отделанной золотом с камнями ризе. Остальные казаки верхом на добрых лошадях окружали своего атамана. У всех на лицах был изображен воинственный восторг и самодовольствие. Все гордо и осанисто сидели, подбоченясь, на лошадях. Сам атаман молодцевато сидел на арабском коне и братски раскланивался с отдающими ему честь абиссинцами». Далее очевидец с упоением расписывал, как за «казаками» двинулся конвой из пяти тысяч человек, как вся эта процессия пришла к дому «Рас-Аллулы», где и произошла трогательная встреча двух военачальников под грохот салюта из пяти тысяч ружей. На видном месте был поставлен привезенный образ Спасителя, рядом с ним — портрет императора Александра III. После встречи началась церемония демонстрации подарков. Чего тут только не было: «образа в золотых ризах с камнями и без риз хорошей живописи, парчевая с серебром и золотом одежда, дорогое оружие, отделанное золотом. Кроме того, масса разных образов и множество картин, чему были рады до восторга вице-царь Рас-Аллула, вся

его свита и весь народ». В честь дорогих гостей был устроен пир горой, в ходе которого в Абиссинии в первый раз слышен был «русский народный гимн и казачьи воинственные песни». На следующий день «атаман» подарил привезенный образ Христа Спасителя местной церкви. Торжества на этом не закончились, абиссинцы продолжали чествовать «казаков». Везде, куда бы они ни ехали, их сопровождал почетный конвой из не менее чем четырех тысяч человек. Вскоре, заканчивал корреспонденцию автор, посланцы России выезжают в гости к «царю Иоанну», который их уже с нетерпением ждет ⁶¹.

Никаких корреспондентов на африканском континенте, естественно, в ту пору даже у вездесущего «Нового времени» не было. Газетная статья, судя по стилю, несомненно, принадлежала самому «атаману» и была, возможно, написана им еще до отъезда в Абиссинию. Невозможно представить, что с начала декабря (когда Ашинов писал И.С. Аксакову из порта Массауа) он смог проделать неблизкий путь в Асмару, а корреспонденция успела вернуться обратно тем же путем в Петербург всего за месяц. Зная привычку «атамана» к беспардонной лжи, можно было бы считать все его путешествие чистой воды блефом. Но он действительно добрался до Абиссинии. Как свидетельствовал позже русским дипломатам в Каире доктор Паризис, проводивший несколько лет при дворе абиссинского негуса, Ашинов был на самом деле принят расом Алулой, наместником провинции Тигре. Он обошелся с «атаманом» приветливо, как с подданным дружественной державы, но никаких особенных почестей ему не оказывал. Ашинов просил у негуса аудиенции, выдавая себя за полномочного представителя российского правительства, но не смог представить ни одного официального документа или рекомендательного письма. Узнав об этом, негус приказал расу Алуле выдворить «атамана» из страны, не пуская его далее города Адуа. Наместник в точности исполнил приказание ⁶².

Русские газеты «патриотического» направления наперебой принялись восхвалять Ашинова, о котором читатель уже успел позабыть. Если его поездка в Абиссинию имела цель подогреть падавший интерес публики к своей персоне, то это было с успехом сделано. О «вольных казаках» снова заговорили, и намного больше, чем год назад. Под досужим пером газетчиков истории самого Ашинова приобретали еще более преувеличен-

ные размеры. Редакция «Современных известий», сопровождая перепечатку статьи из «Нового времени» передовой статьей, пропела буквально гимн вольному казачеству: «Ермак и Кольцо триста лет тому назад поклонились царю Сибирью, ныне вольные казаки, те же и такие же, кланяются Русскому Царю Абиссинию... Продолжают они славить русское имя, являть русское мужество и на верховьях Нила, и в пустынях Судана, и в пажитях Месопотамии. И где их нет? Они рассыпаны по Ирану, и в Месопотамии до ста тысяч насчитывает их другой русский пионер, торговец ходячий из Павлова под Москвой, исходивший с русским товаром весь Балканский полуостров и всю Малую Азию»⁶³. Имени этого героического коробейника, однако, автор статьи не указал.

Журналисты усердствовали в изобретении все новых и новых подробностей о «вольных казаках», соревнуясь друг с другом. Пальму первенства держало здесь «Новое время». Устами одного из своих главных сотрудников, А.Н. Молчанова, газета сообщала, что в горах Курдистана существуют постоянные «секретные станицы», где проживает до 10 тысяч человек в каждой и даже проводятся ярмарки⁶⁴. Известный путешественник доктор А.В. Елисеев авторитетно свидетельствовал: «Еще в 1882 г., в бытность мою в Египте, я слышал о наших казаках, пробирающихся в Абиссинию и кое-где живущих среди бедуинов Суакимской пустыни. С 1883 г. начинается более постоянное движение вольного казачества на Восток через Анатолию, Палестину и Суэцкий перешеек... В мою последнюю поездку в Северную Африку в 1884 г. я слышал еще о русском Искандере, который будто бы отличается в войсках Махди»⁶⁵. Общее число «казачков», живших только в окрестностях озера Ван в Турции, он, ничтоже сумняшеся, определял в 200 тысяч человек.

Как мы уже знаем, Ашинов не добрался до негуса. Однако он продолжал слать из Африки письма с описанием все новых и новых подвигов. Читатели «Нового времени» узнавали о том, что «вольные казаки» уже всюду помогают абиссинцам, участвуя в стычках с итальянцами. Журналисты ставили в пример русским офицерам неведомого есаула Коршуна, якобы командовавшего штабом абиссинских войск в одном из недавних сражений с итальянцами — он-де «в Академии Генерального штаба не учился, а побеждать умеет»⁶⁶. Наконец, вскоре в печати появилось нечто и

совсем новенькое: оказывалось, что «казаки» не просто приезжали к негусу с дружеским визитом, а просили у него землю, чтобы обосноваться в Африке. Абиссинский негус якобы отвел переселенцам из малоазийских гор и болот Месопотамии обширные незаселенные места в своей стране. В одном из таких диких уголков на побережье Индийского океана «казаки» во главе с Ашиновым и основали первое поселение, названное ими в честь древней русской столицы «станция Москва»⁶⁷.

Сообщения о «казачьей станице» в Африке были, разумеется, плодом фантазии самого «атамана». Об этом позже поведал доктор С.И. Кантемир, любитель Востока, уже около 10 лет живший к тому времени в Турции и Египте. Именно он был спутником Ашинова в его поездке в Абиссинию. Не в силах более выносить рассказы «вольного казака», С.И. Кантемир летом 1888 г. направил письмо одесскому градоначальнику, где заявил, что все сообщаемые Ашиновым сведения о «станции Москве» на самом деле — «вымысел, сочиненный с целью побудить московское купечество доставить ему денежные средства». В качестве интересной детали доктор признался также, что Ашинов, будучи в Константинополе, выдавал себя за наказного атамана Кубанского казачьего войска, будто бы получившего какие-то тайные особые полномочия от самого государя императора⁶⁸.

Вернувшись из Абиссинии в Египет, Н. Ашинов направил все усилия, чтобы привлечь на свою сторону генерального консула в Каире М.А. Хитрово. Тот сам являлся большим сторонником активизации действий России на африканском и ближневосточном направлении и сближения с Абиссинией. Поэтому его легко удалось убедить в успешности вояжа «атамана». Не лишним в этом оказались и обед, устроенный Ашиновым в честь русского дипломата в одной из самых лучших гостиниц Каира, и подарки — антикварные вещи, по дешевке приобретенные в Абиссинии. Очарованный «вольным казаком», М.А. Хитрово отправил в Министерство иностранных дел донесение, где уверял начальство, что Ашинов везет русскому царю подарки лично от абиссинского негуса, а также имеет сообщить ему какие-то важные конфиденциальные сведения. Какие именно, «атаман» не раскрывал, но намекал, что речь идет о стремлении негуса если не заключить с Россией стратегический союз, то по крайней мере вступить с ней в самые тесные и дружеские отношения⁶⁹.

В апреле 1886 г. Ашинов прибыл на пароходе из Константинополя в Одессу. Здесь его ждало печальное известие: горячий поклонник «атамана» И.С. Аксаков умер еще 27 января, в самый разгар газетной шумихи вокруг «казаков в Абиссинии». Ашинов лишился в лице Аксакова очень влиятельного покровителя, чьи рекомендации помогали открывать двери в самые высокие кабинеты. А тем временем помощь какого-нибудь именитого заступника была ему теперь просто необходима. Обвинение в растрате казенных сумм, выданных переселенцам в Абхазии, продолжало висеть над авантюристом. Ашинову грозил арест по постановлению прокурора Кутаисского окружного суда, но путешествие в Абиссинию и газетная кампания вокруг него сделали фигуру «атамана» слишком известной. Одесские власти не решились на резкие действия по отношению к человеку, едущему к царю с поручением от главы иностранного государства. К тому же Ашинов не был голословен. В подтверждение своих слов он предъявлял публике экзотическую птицу — живого страуса. Негус, по его словам, отправил в подарок «Белому Царю» целый зверинец во главе с царем зверей — львом, но все животные, кроме страуса, погибли в дороге⁷⁰. Были у «атамана» и другие загадочные дары, запакованные в ящики, о которых он ничего не говорил. Кроме того, вместе с Ашиновым в Россию приехали двое чернокожих подростков — мальчик Аварк и девочка Марья. Последняя являлась, по уверениям «атамана», родной племянницей самого негуса Иоанна II. Одесские чиновники вошли в переписку со столичным Министерством Императорского двора, в разные инстанции и ведомства пошли запросы о благонадежности просителя. В результате арест Ашинова был отложен.

Выиграв время, Ашинов обратился еще к одному своему благодетелю — М.Н. Каткову. Тот откликнулся на мольбу «вольного казака» о помощи и направил письма с ходатайством за него военному министру и министру внутренних дел. П.С. Ванновский никак не отреагировал на заступничество московского журналиста, давая понять, что свое отношение к авантюристу он высказал Каткову еще год назад. Однако Д.А. Толстой, будучи давним хорошим знакомым М.Н. Каткова, внял его просьбе. Министр внутренних дел обратился к министру юстиции, предложив закрыть дело, если Ашинов внесет всю сумму, в хищении которой его обвиняли. Такое решение показалось обоим

сторонам самым лучшим выходом из сложившейся ситуации. Ашинов внес требуемые 1750 рублей, и дело было закрыто ⁷¹. «Атаман» стал полностью свободным человеком, чистым перед законом. Но ему этого было мало: «вольный казак» добивался приема у царя.

Помогая своему подопечному, М.Н. Катков отправил письмо И.А. Зиновьеву, директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Маститый публицист просил дипломата употребить все свое влияние, чтобы подготовить представление Ашинова императору. Тому удалось добиться, чтобы министр иностранных дел Н.К. Гирс включил вопрос об «атамане» в свой традиционный доклад государю. Однако Александр III никак не отреагировал на слова министра ⁷². Причина крылась не только в нежелании царя ввязываться в какие-либо внешнеполитические авантюры. Министр Н.К. Гирс сам не был сторонником действий, которые могли вызвать осложнения в отношениях с великими державами. А Абиссиния давно уже находилась в сфере колониальных интересов и Англии, и Франции, и Италии. Начало секретных переговоров с негусом неминуемо вызвало бы протест этих стран, ревниво не допускавших к де-лежу африканского пирога новых конкурентов. Ашинову было разрешено лишь отдать привезенные вещи в ведомство Министерства Императорского двора, но он не удостоился не только высочайшего приема, но даже благодарности за подарки.

Император не захотел иметь дело с очевидным авантюристом. Но Ашинов не опустил руки — это вообще было не в его характере. Из Одессы он вместе со страусом и прочими подарками отправился в Петербург, чтобы воплотить в жизнь свою новую идею, перед которой бледнел план создания Черноморского казачьего войска.

Глава 4. АПОГЕЙ ХЛЕСТАКОВЩИНЫ

Возвращение Ашинова в столицу походило на триумф. Он сдал страуса в Гатчинский царский птичник, а загадочные подарки — командующему Императорской Главной квартирой и своему давнему знакомому О.Б. Рихтеру. Правда, об этом писал в мемуарах В.А. Панаев, хорошо относившийся к «вольному казаку»⁷³. Если верить же недругу Ашинова писателю Н.С. Лескову, «страус покончил свою многострадальную жизнь под сараем на Петербургской стороне»⁷⁴. Девочку-африканку отдали в женский монастырь, мальчик по-прежнему был при Ашинове. Популярность «атамана» выросла в результате его абиссинского вояжа невероятно. «Атаман» стал желанным гостем в салонах «патриотически» настроенных аристократов и сановников. В отличие от прошлых времен, теперь его слушали куда внимательнее. Тем из них, кто относился к Ашинову с полным доверием и помогал материально, он дарил свои фотографические карточки, где был изображен в полной казачьей форме, в черкеске и с кинжалом на поясе. Дарственная надпись на фотографии обычно выглядела так: «(Имя), патриоту, вольный атаман Николай Иванович»⁷⁵.

Осудив ажиотаж вокруг своей персоны, Ашинов почувствовал себя в своей привычной среде. В кругу восхищенных слушателей, доверчиво воспринимавших любую выдумку, он вел себя совершенно развязно, зная, что все сойдет ему с рук. Вот как описывал похождения Ашинова в Петербурге Н.С. Лесков в памфлете «Неоцененные услуги»: «Катков... втер его в благорасположение очень почтенных особ, и Ашинова пошли возить в каретах и передавать с рук на руки, любясь его весьма замечательными невежествами, какие он производил с безрассудством дикаря или скверно воспитанного ребенка»⁷⁶. Ашинов каждый день появлялся за столом у кого-нибудь из вельмож, особенно желавших прослыть за патриотов, и устраивал там выходки, за которые кого-нибудь другого давным-давно отправили бы в «места, не столь отдаленные». Он по-прежнему говорил подчеркнуто малограмотным языком, за глаза называл видных государственных деятелей, не благоволивших к нему, «хлопскими полуименами», оскорблял их. Несмотря на свое якобы казачье происхождение, «атаман» и не думал отдавать честь

присутствовавшим на обедах военным чинам, напротив, он «охлопывал по плечам» даже генералов. Садясь за стол, Ашинов вел себя иногда просто неприлично, выхватывая лучшие куски из тарелок соседей, не утруждая себя использованием столовых приборов. Кушанья, поданные ему, он не ел, пока блюдо не пробовал кто-нибудь другой. Делал он это якобы из-за страха перед англичанами, которые-де стремились отравить его за нарушение договора о посылке «казаков» в Закаспийскую область. Хотя Николай Иванович обитал в дешевых меблированных комнатах Человеколюбивого общества, всем слушателям он рассказывал, что остановился у своих «земляков» в казармах конвоя Его Императорского Величества, опять-таки опасаясь мести английских агентов. «И все это верно, — вкладывал Н.С. Лесков в уста одного из своих персонажей собственные наблюдения, — я сам ездил смотреть его в один дом и видел это раскосое лицо, эти ужасные бородавчатые руки, покрытые какою-то рыжею порослью, и слышал даже, как он говорил по-французски — шерше ля хам. Истинно, «шерше ля хам»... и Хам был найден — это был сам он»⁷⁷. Одного из своих почитателей, пожилого поэта М.П. Розенгейма, достигшего на гражданской службе генеральского чина, он при всех трепал по лысине и называл «дурашкой».

Новые «подробности» «многоотрудной жизни» Ашинова придумывались им уже без всякого намека на правдоподобие. Он рассказывал слушателям, мастерски подделываясь под простонародный говор, как однажды в Персии был схвачен шахскими войсками. Томясь в темнице, он слышал, как на площади делаются последние приготовления к его казни, но верные друзья-казаки выручили своего атамана. Пятьсот удалых молодцов напали на персидский город и освободили Ашинова, перебив при этом несметное количество шахской стражи⁷⁸. Трагически понижая голос, «атаман» сообщал об искушении, постигшем его еще в прошлый приезд в Петербург. Тогда в него без памяти влюбилась красавица-девица, купеческая дочь, сирота с миллионным приданым. И хоть она тоже была староверкой, пришлось Ашинову отказать ей в любви — «таков завет мне атамана Степана Тимофеевича, не пощадившего своей шемаханской царевны и кинувшего ее в Волгу»⁷⁹. Над параллелью между Ашиновым и самим Разиным, казалось, любой собеседник должен был только рассмеяться. Но «вольный казак» вполне серьезно

уверял, что у него имеется какая-то «заговоренная» кружка, прежде принадлежавшая легендарному бунтарю, которая будто бы предохраняет его от вражеских пуль и сабель. Он нигде не называл своей фамилии, именовал себя только Николаем Ивановичем, ибо так якобы было «заведено у казаков — Ермак Тимофеевич, Емельян Иванович». Фамилия же, по его словам, была ни к чему — «один пролет»⁸⁰. Фантазия Ашинова не знала границ. Когда-то он писал И.С. Аксакову, что англичане подбивали его на диверсии в Закаспийской области всего за 60 тысяч рублей. Теперь «атаман» хвалился, будто те же британцы сулили ему и его казакам целый миллион фунтов стерлингов за союз с ними против Махди в Судане. Наконец, речь шла уже не об основании «казаками» небольшой станицы в безлюдных доселе местах. Авантюрист похвалялся, что его молодцы захватили целый город — порт Александер, недалеко от Массауа, в зоне интересов итальянцев⁸¹. Воистину, гоголевский Хлестаков мог бы гордиться Ашиновым как своим самым лучшим учеником.

В июле 1886 г. «Московские ведомости» порадовали читателей серией статей, представлявших собой интервью знаменитого «вольного казака» сотруднику газеты С. Соколову. Вскоре эти откровения были изданы отдельной брошюрой. Вновь, как и в частных беседах, Ашинов уверял, что его путешествие увенчалось полным успехом. По его словам, абиссинские правители были просто влюблены в Россию. Рас Алула, которого «атаман» именовал Разсовулой, «и не знал, где и как нас посадить. Уж так полюбил нас, так полюбил, и сказать не могу»⁸². Добравшись до самого «царя Ивана», ашиновцы якобы встретили и там самый теплый прием: «Царь Иван тоже хороший очень человек, и нас очень полюбил, и царя нашего любит тоже крепко»⁸³. Все это в том или ином виде уже говорилось «атаманом». Новой в этих интервью стала апелляция Ашинова к религиозным чувствам русских людей. Явно искажая положение дел, он утверждал, что все расхождения между абиссинской и русской церквями вызваны лишь невежеством и неграмотностью жителей африканской страны. Так, рас Алула якобы принял подаренную ему ризу просто за нарядную одежду и тут же облачился в нее задом наперед. Сами же абиссинцы, говорил «атаман», искренне желали приобщиться к «настоящей» православной религии. «К ним бы хоть какого-нибудь, да русского архиерея

поставить бы следовало, — предлагал Ашинов, — хоть бы дешевенького, лядашего из Белой Криницы, все лучше было бы»⁸⁴. Стремясь завоевать сочувствие у консервативно настроенных читателей «Московских ведомостей», он обрушился на российский суд с его «пустыми болтунами»-адвокатами и некомпетентными присяжными. Суд по-абиссински, осуществлявшийся назначенным негусом судьей, быстрый и справедливый, был, по его мнению, на голову выше⁸⁵.

Практически сразу по прибытии в Петербург Н. Ашинов начал снова добиваться приема у высших государственных деятелей. Порой он вел себя просто вызывающе. По словам Н.С. Лескова, он «уже до того развернулся, что стал ходить в любые часы к министрам и настойчиво добиваться свидания с ними, поднимая при отказе шум и крик. Некоторым из них он в глаза наговорил больших дерзостей в их приемных. Одного сановника он схватил за пальто в вестибюле его казенной квартиры, и тот насилу от него вырвался, покинув в руках его свое верхнее платье»⁸⁶. Целью, которой добивался авантюрист, как и год назад, была встреча с государем. Но на этот раз речь на аудиенции должна была идти уже не об организации Черноморского казачьего войска (об этом Ашинов давно не вспоминал). «Атаман» желал получить государственную поддержку, оружие и деньги для занятия обширных земель на берегу Индийского океана, куда теперь якобы устремились все сотни тысяч его «казаков».

Настойчивость Ашинова и его скандальное поведение привлекли внимание морского министра И.А. Шестакова. Несколько поколений русских флотоводцев жили с мечтой приобрести для России удобный порт в теплых морях. Тем самым российский флот, большую часть года закованный льдом в отечественных гаванях, смог бы действовать независимо от времени года. Отчаянно нужен был России и опорный пункт на берегу открытого океана вблизи международных морских путей. В конце 1870-х гг. русское Морское министерство, стремясь угрожать Англии в ее самом уязвимом месте — морских коммуникациях, призвало жителей России создать на народные пожертвования флот легких крейсеров. Так было создано Общество Добровольного флота. В мирное время его пароходы выполняли регулярные пассажирские рейсы, но их команды состояли из матросов и офицеров военного флота. В случае войны суда Доброфлота

вооружались орудиями и превращались в крейсера. Они должны были полностью прервать сообщение Англии с колониями и другими государствами, захватывая британские торговые суда, и тем самым парализовать основу экономики противника — внешнюю торговлю. Однако существенным недостатком этой идеи была необходимость крейсерам возвращаться для пополнения запасов топлива, воды и боеприпасов в русские порты, расположенные в Балтийском и Черном морях. Британский флот мог легко перекрыть узкие выходы из этих морей в открытый океан и запереть там русские крейсера. Имея военно-морскую базу в южных морях, Россия могла не опасаться подобного поворота событий. Побережье Абиссинии представлялось для устройства такой базы исключительно удачным: она угрожала бы самому главному торговому пути Великобритании — через Суэцкий канал и Красное море в Индию.

А.И. Шестаков не обольщался насчет порядочности Ашинова, но выгоды предприятия, предлагавшегося им, перевесили. Двадцать пятого мая 1886 г. адмирал записал в своем дневнике о стремлении «вольного казака» увидеться с императором: «Свидания он вряд ли добьется, а еще менее просимых 15 [тысяч] рублей. У Гирса никогда не хватит на это смелости. А жаль. Нам, пожалуй, нужно бы иметь средства всячески вредить англичанам, и почему бы не употребить тех же средств, что они. Ашинов плут, но мы избавляемся от него у себя. <...> Нужно поговорить с Хитрово»⁸⁷. Очевидно, адмирал решил повлиять таким образом на осторожного Н.К. Гирса, а самому остаться в стороне. В это время все внимание Шестакова было поглощено Дальним Востоком: здесь строился порт Владивосток, закладывался Тихоокеанский флот. Абиссинский проект казался ему заманчивым, но не первоочередным. С другой стороны, на дипломатическое ведомство воздействовал через И.А. Зиновьева и М.Н. Катков. Уступая давлению, министр иностранных дел в июле 1886 г. снова упомянул об Ашинове и его предложениях в докладе Александру III⁸⁸. Но и на этот раз ничего не вышло. Тогда Ашинов решил действовать сам. Под его диктовку В.А. Панаев составил всеподданнейшее прошение царю, где снова излагалась вся история «вольного казака» и утверждалось на этот раз, что «казаки» заняли в Абиссинии уже не один, а целых два порта на побережье Индийского океана — Богос и Сингит, а

также подыскивали великолепное место для порта на Красном море в районе бухты Зула. Необходима самая минимальная помощь, обращался Ашинов к царю, и тогда «заселим тамошнюю землю многими тысячами русских людей»⁸⁹. Для разъяснения всех вопросов, которые могли возникнуть у императора, «атаман» просил хотя бы самой короткой аудиенции. В конце прошения он многозначительно добавил, что по-прежнему имеет для царя редкие и дорогие подарки от абиссинского негуса, которые может передать только из рук в руки. Но и это прошение, отправленное в августе 1886 г., осталось без ответа. Александр III упорно не желал связываться с назойливым просителем, имевшим сомнительное прошлое.

Шли дни, недели и месяцы. Ашинов продолжал посещать аристократические салоны и кабинеты высоких особ, но у него ничего не получалось. Так, в феврале 1887 г. он добился приема у начальника Главного штаба Н.Н. Обручева. Ссылаясь на личную просьбу негуса, Ашинов просил отпустить для абиссинской армии 10 тысяч винтовок и миллион патронов. Обручев, вероятно, помнивший «вольного казака» по его прошлому визиту в 1884 г., не поверил ему и отказал, приказав адъютанту впредь не принимать авантюриста⁹⁰. Единственным успехом Ашинова стала непрекращавшаяся газетная кампания в его пользу в «Московских ведомостях» и «Новом времени». Зимой 1886 г. издание А.С. Суворина изрядно заработало на сенсационных «репортажах из Абиссинии», написанных самим «атаманом». Теперь газетчики возвращали свой долг Н. Ашинову, периодически публикуя статьи с красочными рассказами о нем и его героических спутниках. Публика не скучала — именно в это время в печати появился еще один план переселения русских людей в заморские края, только на этот раз не на юг, в Африку, а на восток, в Полинезию.

Известный путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай, вернувшись из своей последней поездки в Океанию, в июле 1886 г. начал пропагандировать идею создания на тихоокеанских островах русской колонии. Увлеченный идеями народничества, утопического социализма и всечеловеческого братства, ученый предлагал устроить там своеобразную коммуны без частной собственности, с совместной обработкой земли и распределением продуктов по труду. Как и Ашинов, Миклухо-Маклай обратил

ся с таким предложением к царю, в Министерство иностранных дел и через газеты ко всем желающим попробовать новой, справедливой жизни. Как и Ашинову, ему было отказано в приеме у императора, а также предложено прекратить смущать людей своими неуместными прожектами.

«Новое время» принялось всячески травить Миклухо-Маклая, издаваясь над его проектом. Видного ученого газетчики называли шарлатаном, обвиняли в стремлении завлечь доверчивых людей на край света, чтобы получить над ними власть. Имя путешественника появлялось в газете не иначе как с оскорбительными определениями: «тихоокеанский помещик», «тихоокеанский король» и т. п. Но те же самые журналисты, едва речь заходила об Ашинове, совершенно меняли тон, с упоением воспевая легендарного «атамана», и вполне серьезно повторяли все его бредни. Причина такой поразительной избирательности крылась не в слепоте редакции и не в пристрастии ее к патриархальной Руси, которую якобы олицетворял «вольный казак». Издатели «Нового времени» увлеклись головокружительной перспективой роста военно-политического влияния России в случае успеха ашиновского предприятия. Это фактический редактор газеты и сын ее владельца А.А. Суворин разъяснил в письме А.П. Чехову уже позже, после провала авантюры: «Вы иронизируете над Ашиновым и над вышучиванием Миклухо-Макландии. Не забудьте, однако, что сходства между двумя предприятиями мало: Миклуха тащил русских переселенцев в дикий край и лихорадочный климат, точно ближе и переехать было некуда. Абиссинская же затея имела целью вовсе не колонизирование страны, для нас и далекой, и странной и по климату, и по населению, а только приобретение опорного пункта на Баб-эль-Мандебском проливе, через который мы могли бы ходить в Абиссинию, как через открытую дверь. Вот разница и причина различного отношения к ученому профессору и неучу казаку»⁹¹.

Между тем идея организации Черноморского казачьего войска все еще не была окончательно забыта. В ее защиту продолжал высказываться катковский журнал «Русский вестник». В январе 1887 г. в типографии Каткова вышла брошюра И.А. Дукмасова «О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском». Автор снова вел речь о бесчисленных некрасовцах и прочих «вольных людях» из Персии и Турции, стремя-

щихся якобы послужить своей исторической родине. Повторив все доводы Ашинова в пользу учреждения нового казачьего войска, Дукмасов предрекал: «...в 10—15 лет Черноморское побережье закипит жизнью, энергической деятельностью и изобилием»⁹². Не прекращали своих хлопот и другие энтузиасты первого ашиновского предприятия. Член Императорского Вольного экономического общества А.В. Верещагин в 1887 г. три раза делал доклады по этой проблеме на заседаниях общества. Для всестороннего изучения этого вопроса общество создало специальную комиссию, в состав которой вошел вместе с другими великий русский химик А.М. Бутлеров. Эта комиссия вместе с представителями Общества содействия русской промышленности и торговле и Петербургского отделения Общества для содействия русскому торговому мореходству детально обсудила проблему на объединенном заседании 30 марта 1887 г. под председательством давнего сторонника Ашинова графа Игнатьева. Основой для обсуждения стала брошюра И.А. Дукмасова, также выступившего на заседании. Соединенная комиссия полностью согласилась с предложениями докладчика и постановила выйти с соответствующим представлением в правительство. Однако на заседании самого Вольного экономического общества 4 февраля 1888 г. прозвучали другие мнения. Большинство выступавших обратило внимание на экономическую неэффективность заселения края не привыкшими к тяжелому созидательному труду бродячими элементами, какими могли являться рекламируемые Ашиновым «вольные казаки». Заседание приняло постановление не ограничивать контингент переселенцев одними только казаками, а поощрять переезд на берега Черного моря всех русских мелких собственников без различия сословной принадлежности⁹³.

Потерпев неудачу у дипломатов, военных и ученых, Ашинов решил переменить тактику и попытаться достигнуть желаемого с другой стороны, используя авторитет Русской Православной Церкви. Еще в «интервью» журналисту С. Соколову прошлым летом он вскользь упомянул об активном проникновении в Абиссинию западных миссионеров — католиков и протестантов, стремившихся привлечь на свою сторону «православных» черных братьев. Тогда, небрежно заявлял он, рас Алула по одному слову «атамана» выслал всех этих «совратителей» прочь из страны, и опасность на время была отведена от Абиссинии.

Теперь же, рассчитывая Ашинов, русские иерархи обязательно должны были откликнуться на зов братьев по вере. А в таком случае и самому «атаману» выпадал прекрасный случай вновь предложить свои услуги для «святого дела».

Пятнадцатого марта 1887 г. он отправил в Святейший Синод прошение за подписью «почетный атаман круга казачьей вольницы». Рассыпая на двух страницах витиеватейшие фразы о желании «вольных казаков» распространять православную веру, он сообщал, что христианская Абиссиния с 10 миллионами населения жаждет духовного сближения с русской «истинной» церковью. Далее Ашинов рисовал печальную картину отсутствия в африканской стране своих собственных епископов (что было полной неправдой) и даже мало-мальски образованных священников (что было ближе к истине), нехватки церковных книг, икон и богослужебного инвентаря. Особенно «атаман» подчеркивал быстрое проникновение в Абиссинию иезуитов и протестантов, свободно сеявших там «свое злое и поганое учение». Он предостерегал: «Если теперь, еще вовремя, Святейший Синод не обратит на это должного своего внимания, то в недалеком будущем, чего не дай бог, трудно будет вообще на Востоке найти православного»⁹⁴. Сообщая, что «вольные казаки» собираются переселяться на побережье Индийского океана, Ашинов просил Синод дать ему несколько священников и епископа (!). В своей «станции» он обещал устроить православный монастырь, первый на африканском континенте, а при нем — школу для просвещения невежественных африканцев. В заключение «атаман» слезно просил не отдавать это дело на усмотрение Министерства иностранных дел, «которое, за неимением в нем истинных православных христиан и ревнителей, не может сочувствовать истинно христианскому великому делу»⁹⁵.

Прошение это Ашинову удалось передать самому обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву. Тот давно уже симпатизировал «вольному казаку». Как уже отмечалось, Ашинов был представлен сановнику И.С. Аксаковым в 1884 г. Тогда речь шла лишь о поселении «казаков» на берегах Черного моря и распространении православия на Кавказе. Еще в то время обер-прокурор чрезвычайно заинтересовался колоритной фигурой «атамана». И теперь он стал горячим поклонником Ашинова и его авантюры. Причину такого поведения Победоносцева, человека

весьма неэмоционального и очень осторожного, производившего на людей впечатление «человека в футляре», нужно искать в его служебном положении. Обер-прокурор Синода был чиновником, фактически руководившим всеми делами Русской Православной Церкви. В царствование же Александра III во внутренней политике самодержавия, и церковной в частности, заметно возобладали националистические, русификаторские тенденции. Серьезными ограничениями были стеснены даже старообрядцы. Православие не просто имело привилегированное положение, порой, как на востоке Польши, на Правобережной Украине и в Белоруссии, оно насаждалось силой. Миссионерству, то есть распространению православия среди иноверцев, царские власти и верхушка русской Церкви придавали самое серьезное значение. Немало усилий было потрачено на то, чтобы приобщить к «истинной вере» народы Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа, но результаты получались весьма скромные. Рассказы Ашинова о десяти миллионах потенциальных православных африканцев, находящихся под угрозой окатоличения, обязательно должны были пробудить ревнивое чувство в душе обер-прокурора. Успех на поприще присоединения Абиссинии к лону православной Церкви мог стать самым великим делом Победоносцева за все время его пребывания во главе Синода.

Соблазн оказался слишком велик. К.П. Победоносцев стал одним из самых активных сторонников проникновения России на африканский континент, и конкретно в Абиссинию. Ашинов приобрел в его лице влиятельнейшего покровителя. По указанию обер-прокурора прошение «атамана» было отправлено Петербургскому митрополиту Исидору (в миру Я.С. Никольский), известному своей миссионерской деятельностью. Через некоторое время Исидор дал «достопочтенному атаману Николаю Ивановичу Ашинову и состоящему при нем обществу русских казаков» благословение на сооружение «на занимаемом ими в Абиссинии месте святой православной церкви»⁹⁶.

Поддержка Победоносцева носила пока чисто моральный характер. В военных же и придворных кругах у Ашинова ничего не выходило. К тому же главный покровитель «атамана» М.Н. Катков тяжело заболел и не мог оказать ему прежней поддержки. Желая подбодрить своего благодетеля, Ашинов писал ему якобы от имени всех своих «казаков» подчеркнуто малогра-

мотные письма. Одно из них приведем здесь почти полностью: «Во всех мистах в России Богу молютца о Вашим здравии мы как Ваши дети-казаки, тожа просим за Вас у Богу да пошлет Вам здравия на долгие годы мы служили двенадцать малебнов типерь Бог даст будити здаровы, абисинцы мои и те просят у Бога штобы Бог послал Вам здравея»⁹⁷. Жалуясь на прохладное отношение петербургских чиновников, и конкретно генерала Обручева, к своему предприятию, он сообщал: «Наши дела ничаво Бог даст насчет Абиссинии, только Иродова вошь с Обручем не желают и тормозят дела проклятый Народ»⁹⁸.

В апреле 1887 г. Ашинов покинул Петербург и отправился в Москву, стремясь получить финансовую помощь от московских предпринимателей и купцов. И снова М.Н. Катков хлопотал за него, представляя «атамана» своим знакомым. Девятнадцатого апреля морской министр И.А. Шестаков записал в дневник: «Московский трибун (Катков. — *А.Л.*) возится с абиссинцем-казаклом Ашиновым на свой страх, ради собственной политики, выписал в Москву ярого фенияна (то есть смутьяна. — *А.Л.*), которому дал возможность проникнуть до первопрестольной без паспорта»⁹⁹. Рекомендации Каткова дали некоторый результат. Один только московский купец А.Г. Кузнецов ассигновал «атаману» 25 тысяч рублей на новую экспедицию в Абиссинию. Познакомился Ашинов с помощью Каткова и еще с одним публицистом славянофильского направления, генерал-лейтенантом А.А. Киреевым. После встречи с ним очарованный генерал записал в дневник: «Долго у меня сидел Ашинов. Добродушный, хотя и не без хитрости, таким... должен был быть и Кортес, и Писарро (испанские завоеватели Южной Америки. — *А.Л.*), и Ермак. По его мнению, война такое же ремесло, такое же занятие, как и прочие, торговля, мореходство и т. п.»¹⁰⁰

Из Москвы Ашинов проследовал в Нижний Новгород, на всероссийскую ярмарку. Здесь он предпринял активную пропагандистскую кампанию по привлечению средств. Он появлялся на банкетах и различных увеселительных мероприятиях в своей неизменной черкеске, с кинжалом и рисовал перед съехавшимися на ярмарку купцами заманчивые картины торговли с Абиссинией. Африканская страна представлялась в воображении не слишком сведущих в географии торговцев сказочно богатым краем, прямо-таки алчущим русских товаров — церковной утва-

ри, тканей, оружия. Стремясь подстегнуть интерес к своему предприятию, Ашинов предупреждал купцов, как перед этим предостерегал церковников, о недремлющих западных конкурентах, спешащих прибрать к рукам выгодное дело. «Атаман» рассчитывал, что русское купечество, которому национальный рынок из-за нищеты населения становился уже тесным, а западный был закрыт в силу низкого качества и дороговизны русских товаров, обязательно заинтересуется новым перспективным рынком сбыта. Но получилось не так. Нижегородцы, как и другие русские купцы, предпочитали не рисковать понапрасну, работая по старинке, на освоенных еще дедами и прадедами направлениях. Денежные жертвования осторожные торговцы внести согласились, но, заявили они, только после того, как правительство России официально объявит о своем участии в этом предприятии. Без правительственных гарантий они ничего делать не хотели. Помощь, которую Н. Ашинов получил в Нижнем Новгороде, была просто несоизмерима с затраченными на нее усилиями.

Но вояж в волжский город не закончился для «атамана» совсем бесплодно. Здесь он приобрел нового влиятельного покровителя в лице нижегородского генерал-губернатора Н.М. Баранова. Тот сам был человеком, не лишенным авантюристической жилки в характере. Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 г. он командовал небольшим пассажирским пароходом «Веста», перевозившим солдат из Одессы и Севастополя на балканский театр военных действий, а оттуда вывозил раненых. Осенью 1877 г. он прославился реляцией о героическом бое своего судна, вооруженного лишь несколькими полевыми пушками, поставленными на палубу, с турецким броненосцем. Несмотря на очевидное неравенство сил, капитан «Весты» не только не сдался врагу, но сумел, искусно маневрируя, нанести турецкому кораблю серьезные повреждения и вынудил турок выйти из боя. О невероятном подвиге экипажа «Весты» протрубили все русские газеты, бравый капитан стал кумиром патриотически настроенного общества. Баранова сравнивали с непобедимым «белым генералом» М.Д. Скобелевым. Однако после окончания войны все чаще стали звучать голоса сомнения в подлинности событий, отраженных в рапорте командира «Весты». Военные моряки прямо обвиняли Баранова в обмане. Состоялся громкий судебный процесс, на котором было установлено,

что никакого боя в действительности не было, а имела место лишь погоня турецкого крейсера (а не броненосца) за отчаянно удиравшей «Вестой». Русскому пароходу удалось уйти не из-за меткого огня своих орудий, а в силу собственного превосходства в скорости.

После столь громкого скандала Н.М. Баранов был вынужден уйти с морской службы, но без дела не остался. Александр III еще в бытность свою наследником престола познакомился с энергичным моряком, и тому удалось втереться в доверие к цесаревичу. Скандал с «Вестой» не изменил отношения Александра к капитану. Едва придя к власти после убийства народовольцами своего отца в 1881 г., молодой царь назначил склонного к вранью человека на один из самых ответственных постов в государстве — петербургским градоначальником. Баранов начал решительно наводить порядок в столице. Так, дворникам было предписано сообщать в полицию о всех подозрительных людях, увиденных ими на улицах, извозчики стали обязаны фиксировать все поездки своих клиентов, домовладельцам объявили, что они впредь будут лично отвечать за благонадежность своих квартирантов. Венцом деятельности нового градоначальника явилось создание выборного совета из крупных владельцев недвижимости, который должен был создать видимость демократизации управления городом. Этот совет за покорность его членов воле градоначальника и созвучие фамилии администратора с не отличающимся особым умом животным столичные острословы сразу же окрестили «Бараньим парламентом». Показавший свою полную беспомощность градоначальник не был, однако, отправлен в отставку, а вскоре назначен на пост нижегородского генерал-губернатора. Здесь он прославился редкостным самодурством и полным пренебрежением к законам. Но Александр III продолжал, несмотря ни на что, благоволить к этому чиновнику. Баранов по-прежнему имел право личного обращения к царю, минуя все надлежащие инстанции. А прямой доступ к главе государства всегда в России придавал человеку влияние, далеко выходящее за рамки его служебных полномочий. Баранов горячо увлекся Ашиновым и идеей проникновения в Африку. Наряду с К.П. Победоносцевым, именно он стал самым энергичным ходатаем за «атамана» при дворе.

Летом 1887 г. Н. Ашинов понес весьма существенную утрату. После болезни 20 июля в Москве скончался М.Н. Катков, так много сделавший для «атамана». На похороны влиятельнейшего журналиста съехались со всей России многие литераторы, общественные и государственные деятели не только консервативного и националистического направления. Свой вклад в чествование покойного решил внести и Ашинов, по своему обыкновению едва не превративший скорбное мероприятие в фарс. Приехав в Москву, он присутствовал на похоронах в своей любимой черкеске, а после погребения возложил на могилу своего благодетеля венок с циничной надписью: «М.Н. Каткову от вольного казачества». Но не это было самым вызывающим. Откровенно глумясь над памятью уважаемого многими человека, Ашинов изготовил свой венок из... страусовых перьев¹⁰¹. Злые языки из числа недругов «атамана» уверяли, что для этой цели он ощипал ту самую птицу, привезенную из далекой Абиссинии.

Вскоре произошли изменения и в личной жизни Н. Ашинова. Он обвенчался с дочерью богатого черниговского помещика Софьей Ивановной Ханенко, тоже страстной путешественницей, совершившей недавно поездку на Ближний Восток. Разумеется, о провозглашавшемся два года назад «завете Степана Тимофеевича» хранить холостой образ жизни «вольный казак» уже не вспоминал. В ходу были другие рассказы — о том, как он познакомился с будущей супругой. По словам Ашинова, это произошло во время его прошлого путешествия в Абиссинию. На пароходе, идущем в Александрию, на барышню напали грабители, и, конечно же, доблестный «атаман» кинулся на помощь несчастной девице. Та воспылала к мужественному и загадочному спасителю пламенной любовью. Он, однако, долго не решался расстаться со свободой, пока, наконец, не сдался. Говорили, что отец предоставил дочери огромное приданое, едва ли не 100 тысяч рублей и приличное поместье¹⁰².

На полученные от тестя деньги Ашинов решил поискать поддержки за границей. В октябре 1887 г. он вместе с молодой женой отправился во Францию. Здесь сложилась довольно парадоксальная ситуация. Ашинов нашел восторженный прием в среде крайне правых националистически настроенных общественных и политических деятелей, которые сами являлись сторонниками колониальной экспансии Франции во всем мире, и в частности

в Африке. Казалось бы, они должны были всячески воспротивиться активности новых конкурентов, русских, в сфере своего политического влияния на берегу Индийского океана. Затея Ашинова противоречила интересам Франции в этом регионе. Но французские националисты, приветствуя русского авантюриста, действовали в соответствии с другой логикой. На протяжении 1870—1880-х гг. главная опасность Франции исходила от ее соседки на востоке — Германии. В войне 1870—1871 гг. Франция была разгромлена наголову. Условия мирного договора, навязанного победителями, были откровенно унижительными и оскорбительными: Франция теряла богатейшие промышленные области Эльзас и Лотарингию, выплачивала огромную контрибуцию. С тех пор мысли о реванше стали навязчивой идеей для любого француза, считавшего себя патриотом. Германия же по-прежнему вела себя заносчиво, при каждом удобном случае бряцая оружием. Страх быть еще раз раздавленными германской военной мощью и жажда отмщения за поруганную национальную честь побуждали французских политических деятелей искать союзника, с которым можно было не бояться возможной войны. Таким союзником могла стать только Россия, при Александре III вконец испортившая некогда замечательные отношения с Германией. Все восьмидесятые годы XIX в. прошли под знаком осторожного сближения дипломатии двух стран. В 1887 г. во время очередного всплеска напряженности между Францией и Германией российское правительство заявило, что не гарантирует своего нейтралитета в случае войны. Дело шло к заключению военного союза, что и произошло двумя годами позже. А пока французские реваншисты во главе с генералом Буланже всячески подталкивали к этому и торопили свое правительство, требуя союза с русским царем во что бы то ни стало. В общественном сознании Франции под влиянием их пропаганды укоренилось преувеличенное представление о мощи русской армии. Ее сравнивали с паровым катком, который своей тяжестью (то есть многочисленностью войск) просто раздавит Германию. Союз с Россией против немцев представлялся французским националистам неизмеримо более важным, чем споры из-за влияния в далеком африканском углу. Буланжисты, будь их воля, отдали бы царю не только сомалийскую колонию, но и многие другие. Ашинов же, одетый в экзотическую для Парижа черкеску и с успехом разыгрывавший роль «ата-

мана вольных людей», вполне отвечал сложившимся в Европе стереотипам загадочного русского «казака» — простого, грубоватого, воинственного, но открытого и преданного друзьям.

Ашинов был тепло принят в общественно-литературном кружке, сложившемся вокруг писательницы и публицистки Жюльетты Адан, издательницы журнала «Nouvelle revue». Особенно сблизился он с непримиримым противником Германии поэтом и общественным деятелем Полем Деруледом. Дерулед основал в 1882 г. реваншистскую Лигу патриотов и был известен своими постоянными призывами к новой войне с немцами ради возвращения Эльзаса и Лотарингии. Впоследствии, в 1899 г., он, недовольный «миролюбивой» политикой своего правительства, пытался даже поднять военное восстание, но был схвачен, привлечен к суду и... оправдан присяжными. В число почитателей Ашинова вошел и Поль Гранье де Кассаньяк, журналист и политический деятель крайне правой ориентации. Как представитель дружественной России «атаман» был принят и самим вождем националистов генералом Буланже. Ашинов настолько понравился генералу, что тот позже преподнес ему в подарок великолепно отделанную винтовку. Так, по крайней мере, похвалялся сам авантюрист¹⁰³.

Можно только догадываться, что именно рассказывал Ашинов новым французским друзьям о своих «подвигах». По сообщению Н.С. Лескова, «вольный казак» на досуге принялся описывать свои «наблюдения» над высшим обществом Петербурга, называя всех действующих лиц полными именами и «характеризуя каждое из них довольно метко, но с резкостью, свойственной его дикой и невоспитанной природе». Какими были эти оценки, можно судить по «характеристикам», выданным Ашиновым самим принимавшим его французам: «Мадам Адан — баба штуковатая. Буланже — молодчина, только рыхлеват. Дерулед — занятный парень, но торопыга, как Комарев (В.В. Комаров, ультранационалист, редактор русской газеты «Свет». — *А.Л.*). Кассаньяк — патриот почище Мещерского (князь В.П. Мещерский, издатель охранительной газеты «Гражданин». — *А.Л.*), дипломаты — одна выжига»¹⁰⁴.

Ашинов заявлял всюду, что его цель — объединение усилий Франции и России в проникновении в Эфиопию. Интересы обеих стран, по его словам, в этом регионе полностью со-

впадали. Общими были и враги — Англия и Италия. Следовательно, французы должны были помочь русским «казакам», проникающим в Абиссинию. Ашинов просил денег для организации экспедиции и оружия не только для себя, но и для оснащения абиссинской армии. Однако каких-либо реальных результатов в это время в Париже Ашинов не добился. Шовинисты не обладали возможностями повлиять на власти, а французские официальные лица и финансисты не пожелали связываться с сомнительной личностью. Франция и так обладала уже обширными колониями и несла на них значительные расходы. К тому же правительство после недавнего скандала с коррупцией в распределении наград находилось в крайне неустойчивом положении и не могло рисковать, ввязываясь во внешнеполитические авантюры¹⁰⁵.

Из Парижа Ашинов отправился в Константинополь, куда прибыл на Рождество 1887 г. Турецкая столица с ее пестрым многоязычным населением служила прибежищем для многих темных личностей. Как и ранее, «атаман» остановился на подворье Афонского Пантелеймоновского монастыря. Здесь проживали в ожидании попутного парохода русские паломники, направлявшиеся в Палестину, в их среде можно было узнать много полезной информации о Ближнем Востоке, наконец, здесь Ашинов мог найти себе новых сподвижников. По мнению английского историка Ч. Есмана, «вольный казак» сошелся здесь с другим русским авантюристом, капитаном Набоковым. Несколько лет ранее тот пытался поднять восстание в Болгарии, чтобы объединить страну, расколотую по решениям Берлинского конгресса. После неудачи Набоков вернулся в Россию, был арестован, но вскоре бежал и скрывался в Константинополе. Очевидно, Ашинов намеревался использовать способности Набокова в своей новой африканской экспедиции. Российские власти знали о пребывании двух авантюристов в Константинополе, по приказанию из Петербурга консул Лаговский установил за ними частное наблюдение. Им было установлено, что Ашинов и Набоков располагали значительными суммами денег и производили закупки оружия и боеприпасов. По слухам, они готовили экспедицию во Внутреннюю Африку под покровительством Италии. Эти приготовления выглядели очень подозрительными в глазах европейских дипломатов, и российскому

Министерству иностранных дел пришлось даже публично отрицать всякую связь с ними. Видимо, почувствовав слезку, в январе 1888 г. Набоков исчез из Константинополя. Ашинову не удалось привлечь на свою сторону деятельного военного. Впоследствии капитан Набоков вернулся в Болгарию, где продолжил свою подстрекательскую деятельность, был схвачен болгарскими властями, предан военному суду и расстрелян¹⁰⁶.

Тем временем в настроении русского императора происходили заметные изменения. Прежде царь и слышать не хотел о предложениях «вольного казака», приказывая не допускать его в свой дворец. Теперь же он заинтересовался перспективой приобрести порт в Красном море. Нет сомнения, что на Александра III воздействовали с разных сторон сторонники ашиновской авантюры — и К.П. Победоносцев, и Н.М. Баранов. Явно при содействии командующего Императорской Главной квартирой О.Б. Рихтера в сентябре 1887 г. очередное письмо Ашинова попало на стол к царю. На этом прошении Александр III написал резолюцию: «Желал бы знать мнение И.А. Шестакова, кажется, он ему сочувствовал»¹⁰⁷. Смысл доклада морского министра, сделанного после этого царю, можно узнать из мыслей, записанных им в дневнике 23 сентября. Адмирал писал: «Я сочувствую каждому, стремящемуся поперечить Англии в ее насильственности, но едва ли можно надеяться на Ашинова»¹⁰⁸. Оказывается, в последний раз на приеме у И.А. Шестакова «атаман» мимоходом заметил, что среди его «молодцов» есть бывшие моряки, разбирающиеся и в морских минах, и в пушках-скорострелках. Это заставило старого адмирала насторожиться: «Кто же эти моряки могут быть, кроме нигилистов (то есть революционеров. — *А.Л.*)?»¹⁰⁹ Однако давление со стороны Победоносцева и других решительно настроенных сановников перевесило. Александр III дал согласие на предварительную разведку в районе Африканского Рога.

Глава 5. «СТАНИЦА НОВАЯ МОСКВА»

Во главе всего предприятия встал морской министр А.И. Шестаков, после двухлетнего раздумья наконец решившийся попытать счастья на далеком африканском берегу. Поскольку он ничего не мог предпринять без санкции императора, весьма вероятно, что именно Шестаков сумел убедить Александра III проверить истинность многообещающих рассказов Ашинова. Чтобы не допустить международных осложнений, было решено не посылать отдельную экспедицию, а использовать для рекогносцировки обычный регулярный грузопассажирский рейс парохода Добровольного флота. Он должен был доставить Ашинова и его «вольных казаков» на побережье Абиссинии и продолжить далее свой путь во Владивосток. Это позволило бы правительству в случае неудачи экспедиции отмежеваться от ашиновской команды и объяснить все исключительно собственной инициативой авантюристов.

Морской министр выбрал для этой цели пароход Добровольного флота «Кострома», отправившийся из Одессы 24 марта 1888 г. Его командир лейтенант Ивановский получил секретное предписание от Морского министерства принять на борт в Константинополе Ашинова со спутниками и высадить их в одном из мест на побережье Красного моря. Помимо высадки колонистов, лейтенант должен был найти подходящую для устройства постоянной базы бухту, оценить ее стратегическое положение, сделать промеры глубин. Обязательным условием являлась непринадлежность залива какому-нибудь европейскому государству. Это Ивановский должен был выяснить в переговорах с представителями местных племен. В случае успеха миссии «Костромы» и закрепления на побережье ашиновских «казаков» окончательное решение о судьбе гавани должен был принять император¹¹⁰.

Ашинов, как и было запланировано, поднялся на борт «Костромы» в Константинополе. Перед этим он, заметая следы от возможной слежки, распустил в среде русских паломников слухи о своей гибели во время недавнего восстания в болгарском порту Бургас. Это могло показаться правдой, поскольку ближайший приятель «атамана» капитан Набоков как раз в это время исчез из турецкой столицы. Все были уверены, что он снова направился в Болгарию, а значит, и «казак» мог последо-

вать за ним. Вместе с Ашиновым на «Костроме» плыли шесть человек — С. Самусеев, П. Шелипенко, Ф. Львов, А. Литвин, И. Павлов и С. Тимрезев. Возможно, кто-либо из них сопровождал «атамана» во время его первой поездки в Абиссинию, но все они являлись российскими подданными. «Вольных казаков» в окружении Ашинова снова не оказалось. Кроме русских спутников, в Порт-Саиде Ашинов нанял 12 местных жителей в качестве вспомогательного персонала для задуманного им путешествия от берега Красного моря к двору абиссинского негуса. Они должны были помочь транспортировать подарки абиссинцам — несколько десятков винтовок, закупленных Ашиновым в Константинополе ¹¹¹.

Пройдя Красное море, «Кострома» сошла с пути в Индийский океан и направилась в Таджурский залив, глубоко вдающийся вглубь Африканского Рога. После недолгого поиска лейтенант Ивановский нашел самую подходящую бухту — у поселка Таджура на северном берегу залива. Земля выглядела не слишком приветливой. Засушливая всхолмленная местность с редким кустарником и небольшими лесными массивами заканчивалась на горизонте довольно высокими горами. Территория вокруг залива была населена племенами данакиль, исповедовавшими ислам. Их главным занятием являлось скотоводство, важным источником доходов оставались набеги на соседей-абиссинцев и разбой на торговых караванных путях. Местные правители гордо именовали себя султанами, но по сути оставались еще самыми обычными племенными вождями.

6 апреля 1888 г. «Кострома» бросила якорь у Таджуры, а ее командир отправился на берег с обязательными в таких случаях подарками для аборигенов. Таджурский «султан» Магомет-Сабех встретил русского офицера чрезвычайно любезно и даже угостил того лимонадом. Подарки лейтенанта — флаг Добровольного флота, старый зонтик, кусок ковровой дорожки, японский деревянный веер и потрепанное теплое одеяло — привели правителя в неопишуемый восторг. В беседе Ивановский узнал вполне благоприятные для себя новости. Из слов вождя следовало, что его владения простирались едва ли не на сотни километров: на север — почти до французской торговой фактории Обок, на запад — до самой Абиссинии и на юг — вдоль всего Таджурского залива до территории, занятой сомалийскими пле-

менами. В Европе окрестности Таджурского залива считались зоной интересов Франции, здесь как раз в это время происходило становление ее новой колонии — Французский Берег Сомали. Однако Магомет-Сабех решительно опротестовал это мнение, высказанное лейтенантом. Он клятвенно заверил русского гостя, что является абсолютно независимым правителем. Более того, вождь дал понять, что и не собирается переходить под власть французов ни добровольно, ни силой ¹¹².

Ивановский, тем не менее, предпочел не форсировать события и не стал говорить «султану» о подлинной цели своего визита. Кичившийся своей независимостью Магомет-Сабех мог воспротивиться планам русских, в сущности, ничем не отличавшимся от деятельности французов. Лейтенант завел речь только об экспедиции Ашинова и его спутников, которая должна была отправиться из Таджуры в Абиссинию. Долго уговаривать местного правителя не пришлось. Магомет-Сабех с готовностью вызвался за одну тысячу реалов снарядить Ашинову караван из 12 верблюдов и предоставить путешественникам проводника до самых границ Абиссинии. Более того, он обещал своим авторитетом удержать воинственные племена, жившие по дороге, от недружественных поступков по отношению к экспедиции. Ивановский торжественно заключил с «султаном» словесный договор о покровительстве прибывшим русским. Ашинов с его спутниками высадились на берег, и «Кострома» отправилась в дальнейший рейс ¹¹³.

Несмотря на намерения всерьез обосноваться на берегу Таджурского залива, Ашинов ненадолго задержался там. Уже 24 апреля он писал своему давнему знакомому В.И. Аристову по дороге в Россию из французской фактории Обок. Впоследствии он рассказывал своим покровителям совершенно фантастические истории о приключениях в Африке. В.А. Панаеву, например, авантюрист поведал, что вез в Абиссинию 20 тысяч ружей, купленных во Франции. Мало того, в эту поездку якобы вместе с Ашиновым отправилась и его беременная жена. С небольшой группой казаков, оставшихся в Африке еще со времен первого путешествия, и несколькими абиссинскими воинами, присланными навстречу ему «Рас-Аллулой», он героически отбивался от нападавших на них дикарей. Во время боя супруга Ашинова рожала в палатке под пулями, а неустрашимый муж,

уллучив минуту, благополучно принял ребенка ¹¹⁴. Конечно, все это было полным вымыслом в духе прежних мистификаций «вольного казака». Участник следующей ашиновской экспедиции Л. Николаев прямо сообщил в своих воспоминаниях, что в 1888 г. «атамана» арестовали французы за вторжение в их владения и выслали из Африки ¹¹⁵.

В русской прессе, тем не менее, вскоре появились сообщения о том, что «казаки» успешно выполнили задуманное и основали на африканском берегу свое поселение, названное ими «станция Новая Москва». Здесь же сообщалось о новом успехе Ашинова. Оказалось, что он еще из Константинополя писал негусу, приглашая его послать своих представителей на готовящееся празднование 900-летия Крещения Руси. Прибыв же на берег Таджурского залива, русские поселенцы как раз и встретили там двух посланцев негуса — абиссинских священнослужителей иеромонаха Григория и дьякона Михаила. Ашинов, разумеется, не мог бросить монахов и отправился обратно в Россию сопровождать дорогих гостей ¹¹⁶.

В конце мая 1888 г. Ашинов с двумя абиссинскими монахами действительно появился в российском посольстве в Константинополе. Посланнику Нелидову он рассказал историю, заметно отличавшуюся от газетных сообщений. По словам «атамана», негус давно хотел установить с Россией дружественную связь и приближавшийся юбилей оказался для этого прекрасным поводом. Но деньги и подарки, направленные в Россию через абиссинский монастырь в Иерусалиме, были задержаны итальянцами. Тогда негус отправил своего личного представителя обходным путем — через Шоа и Таджуру. Здесь посланец императора Эфиопии встретился с Ашиновым, и тот помог ему добраться до Иерусалима. Там абиссинец почему-то и остался, а из монастыря на торжества в Россию были посланы два монаха. Явно подхлестывая посольство к скорейшей помощи путешественникам, Ашинов пугал Нелидова кознями иезуитов, будто бы усиленно втиравшихся в доверие к абиссинцам ¹¹⁷.

Осенью 1888 г. в абиссинском монастыре в Иерусалиме побывал советник российского посольства в Константинополе М.К. Ону и совершенно точно установил, что мнимые посланцы негуса на самом деле были обычными монахами, отправленными своим настоятелем в Россию по прямому наущению

Ашинова. Никакого же специального представителя негус не посылал ¹¹⁸. Однако летом авантюрист смог убедить власти в своей правоте. Переведенный им текст обращения архимандрита этой обители Георгия к церковным властям России оказался (явно не случайно) выдержан в двусмысленном тоне. Его многочисленные пассажи, такие как «Под вашу сению жить желаем. Желаем, чтобы ваш царь был нам защитником»¹¹⁹, можно было прочитать и как просьбу о покровительстве со стороны православного царя всем жителям Абиссинии, и как желание помощи только обитателям иерусалимского монастыря. «Атаман» ратовал, естественно, за первое объяснение. Оно показалось правильным и церковным чиновникам. Одиннадцатого июня Синод сообщил в Министерство иностранных дел, что не видит препятствий к прибытию монахов-абиссинцев на торжества в Киев ¹²⁰.

На днепровских берегах Ашинов с чернокожими монахами был представлен лично К.П. Победоносцеву. «Посланцы негуса» рассказали ему о бедственном положении абиссинских христиан и всерьез уверяли, что их повелитель отправил их в Россию с предложением установить с ней чуть ли не союзнические отношения. Драматизируя ситуацию, монахи пугали обер-прокурора, что если они не привезут ответа, то им отрубят головы. Впрочем, переводчиком при данном разговоре служил сам Ашинов, а он вполне мог добавить от себя какие угодно детали. Монахи затем завели речь об аудиенции у царя и просили Победоносцева помощи в этом деле. Осторожный обер-прокурор Синода, хотя и полностью разделял цели абиссинцев, все же не стал проявлять инициативу. Он распорядился выдать монахам некоторую сумму денег на проезд до Петербурга, а им посоветовал в установленном порядке обратиться там к генералу Рихтеру ¹²¹. Наученный горьким опытом Ашинов мрачно заявил, что в таком случае его к государю не допустят даже в качестве переводчика. Вопреки его ожиданиям, Победоносцев никак не отреагировал на это. Сошлись на том, что роль переводчика может выполнить молодая абиссинка, привезенная Ашиновым в прошлый раз и жившая в русском монастыре ¹²².

Ашинов, вероятно, остался очень недоволен результатами встречи. Но Победоносцев, проводив монахов, отправил обо всем происшедшем подробное письмо-отчет Александру III. Уго-

варивая императора принять абиссинцев, он поделился с ним заманчивыми перспективами установления прочных связей с далекой африканской страной. Обер-прокурор сообщил также о собственном плане — намерении отправить туда специальную духовную миссию. «В настоящее время, — писал он, — мы ожидаем с Афона одного дельного монаха Паисия с тем, чтобы уговорить его ехать в Абиссинию»¹²³. Судя по документам Синода, это был бывший управляющий подворьем русского Пантелеймонского монастыря в Константинополе схимонах Паисий, вызванный в Петербург еще в конце июня ¹²⁴. Большое место в этом плане занял и Ашинов. Он и его «казаки» должны были, по мнению Победоносцева, сыграть роль удобного орудия для проникновения в Африку. Имея в виду такую важную цель, савонник призывал царя не гнушаться темным прошлым «атамана». «Что касается до Ашинова, — заключил Победоносцев, — то он, конечно, авантюрист, но в настоящее время он служит единственным русским человеком, проникшим в Абиссинию. Стоило бы серьезно расспросить его хоть о том деле, которое, по словам его, уже заведено им на берегу Красного моря. По всем признакам оно может иметь для нас немалую важность, и, по всей вероятности, в таких делах удобным орудием бывают подобные Ашинову головорезы»¹²⁵.

Несмотря на фактическую просьбу Победоносцева принять «атамана», Александр III не сделал этого. Очевидно, Министерство внутренних дел представило ему сведения о предыдущих похождениях Ашинова. По крайней мере, такая бумага за подписью товарища (заместителя) министра генерал-лейтенанта Н.И. Шебеко уже 11 августа была отправлена в канцелярию Синода ¹²⁶. Император милостиво поговорил с абиссинскими монахами, велел пожаловать им по 500 рублей на обратную дорогу ¹²⁷, но ничего конкретного эта встреча не принесла. Скорее всего, монахи вели на ней речь только о духовном сближении двух стран, а все мысли о стратегическом союзе, излагавшиеся ими Победоносцеву, являлись лишь плодом сочинительства Ашинова.

Обер-прокурор Синода не мог знать о разоблачающих «атамана» сведениях полиции. С начала августа он находился на отдыхе в Австрии, в Зальцбурге. Но и оттуда он продолжал по телеграфу руководить подготовкой задуманной им духовной миссии. По поручению Победоносцева этим занялся Петербург-

гский митрополит Исидор. Третьего августа приехавший в Россию с Афона схимонах Паисий был принят в братство столичной Александро-Невской лавры, затем спешно произведен в иеромонахи, а после телеграфного приказа обер-прокурора уже 13 августа возведен в сан архимандрита¹²⁸. Это позволяло Паисию возглавить столь важное предприятие, как духовная миссия в другую страну.

Усилия Победоносцева по стремительному карьерному росту далеко не самого известного служителя церкви могут вызвать недоумение. В самом деле, для руководства миссией, наверняка, имелось много подходящих кандидатов, находившихся поближе, чем на Афоне. Послужной список Паисия, правда, выглядел вполне благополучно. Он родился в 1834 г. в Оренбургской губернии, с 1865 г. состоял в числе братии русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне. Почти 20 лет Паисий в сане схимонаха управлял подворьем этого монастыря в Константинополе¹²⁹. На подворье обычно останавливались многочисленные паломники, направлявшиеся в Палестину и обратно. Эта разношерстная публика должна была приносить немало хлопот монахам, но, судя по всему, Паисий проявил неплохие организаторские способности. Живя много лет на Востоке, он прекрасно разбирался в здешней обстановке. Наверное, схимонаху организация духовной миссии в Абиссинию была по силам.

При ближайшем рассмотрении, однако, фигура Паисия выглядит не столь однозначно положительной. По странному совпадению в молодости его судьба ненадолго пересеклась с семьей А.П. Чехова. Так, 25 ноября 1888 г., узнав из газет о Паисии, дядя писателя М.Е. Чехов писал его отцу: «Это тот самый странник Василий, который 23 года назад у меня проживал три месяца, копал ямки в саду нашем для посадки деревьев и горько в этих ямках рыдал о своих грехах»¹³⁰. Сам А.П. Чехов уже после провала ашиновской экспедиции писал А.С. Суворину: «В истории Паисия играют видную роль его жена, гулящие бабы, изуверство... <...> Боюсь, чтобы о. Паисий опять не сбился с панталыку и не стал говорить, что его новый сан (архимандрит), Абиссиния и затеи — все от беса. Как бы он опять не бежал без паспорта куда-нибудь. Это такой человек, что и к раскольникам в Австрию бежать может. У него болезненная совесть, а ум прост и ясен»¹³¹. Писатель не стал из де-

ликатности конкретизировать, в чем состояло это «изуверство», но об этом известно из другого источника. Обеспокоенный заигрыванием Победоносцева с Ашиновым, генерал Шебеко 11 августа 1888 г. направил в Синод письмо с подробным изложением походов «атамана». В этом сообщении упоминался и «содействующий обманам Ашинова» монах Паисий. Оказывается, в молодости тот был осужден Симферопольским окружным судом за участие в секте скопцов и приговорен вместе со 140 другими скопцами к высылке в Сибирь на поселение. Однако Паисий по пути в Сибирь бежал и с документами на чужое имя отправился в Турцию¹³². Очевидно, «странник Василий» жил в саду М.Е. Чехова в Таганроге как раз в то время, когда он находился в бегах.

Знал ли об этом сам Победоносцев? Скорее всего, в Синоде не ведали об истинном прошлом схимонаха. Он был известен как ревностный деятель, усердно защищавший русские интересы. Будучи на Афоне, Паисий вел отчаянную борьбу с местным архимандритом-греком, которого обвинял в казнокрадстве. Эти усилия не пропали даром. Грек был заменен на русского архимандрита Макария, но беспокойного Паисия отправили подальше от Афона, возглавлять монастырское подворье в Константинополе¹³³. Но уже зная из донесения Шебеко, что репутация Паисия отнюдь не безупречна, обер-прокурор не заменил его более достойной фигурой. Совершенно очевидно, что кандидатура беглого скопца была названа Победоносцеву Ашиновым, многократно останавливавшимся на монастырском подворье в Константинополе и прекрасно знавшим схимонаха. Вероятно, их могли связывать и какие-то не совсем благовидные дела. Судя по отзыву А.П. Чехова, Паисий был человеком с не совсем уравновешенной психикой. Именно такой экзальтированный попутчик, которым было легко манипулировать, и нужен был «атаману» в задуманном им предприятии. Победоносцев же либо попал всецело под обаяние авантюриста, либо не поверил полученной информации. Вернувшись из Австрии, Победоносцев решил запросить другое ведомство — Министерство иностранных дел. Но директор Азиатского департамента Зиновьев сообщил ему: «Из справок в нашем архиве оказалось, что все имеющиеся об о. Паисии сведения говорят в его пользу»¹³⁴. В результате Паисий остался во главе будущей духовной мис-

сии, подготовка ее продолжалась полным ходом. Большое участие в этом приняло Православное палестинское общество, открывшее публичную подписку на нужды миссионеров и постройку в Абиссинии православного храма. Подписка шла под покровительством великого князя Сергея Александровича, известного своими националистическими взглядами. Средства собирались не только в Петербурге, но и во всех крупных городах империи.

Ашинов в это время отправился в Париж. По сравнению с прошлым визитом он смог добиться здесь значительно большего. Французские националисты за это время нашли влиятельного финансиста, согласившегося помочь «вольным казакам». Это был виконт Жан-Робер де Константен, сам принадлежавший к шовинистическим кругам. Знакомство с «атаманом» привело Константена в неподдельный восторг. Он полностью поверил всем рассказам Ашинова и стал самым горячим его поклонником на Западе. Спустя два года после провала экспедиции «вольных казаков» Константен опубликовал на страницах принадлежавшего Ж. Адан журнала «Nouvelle revue» серию подробных очерков об Ашинове¹³⁵. Они были полны самых невероятных историй об «атамане», очевидно, рассказанных им самим, но в них содержалось и много ценной информации о контактах Ашинова с иностранцами. Двадцатого августа 1888 г. «атаман» заключил очень важное соглашение с Константеном, по которому «вольные казаки» должны были получить от французов для перевозки в Абиссинию 50 тысяч винтовок новых моделей, 50 тысяч кавалерийских карабинов, 20 пулеметов и 5 тысяч сабель, а также боеприпасы — 100—200 патронов на винтовку и 500—1000 на пулемет. Кроме этого, к оружию прилагалось большое количество другого военного снаряжения. Взамен Ашинов обязался защищать не только российские, но и французские интересы на территориях, которые он собирался контролировать. «Казаки» должны были создать укрепленные пункты на основных торговых путях, ведущих из Абиссинии к французским портам на Красном море, а также усмирить воинственные сомалийские племена в тылу новообразующейся колонии Французский Берег Сомали¹³⁶.

Договор, заключенный Ашиновым и Константеном, имел большое значение не только для «атамана». Поддерживая активность русских на Африканском Роге, французские национа-

листы преследовали и свои собственные интересы. Деятельность «казаков» и поставки огромного количества оружия негусу должны были в корне изменить ситуацию в регионе. Усилившаяся Абиссиния и русское присутствие могли стать надежной преградой для дальнейшей экспансии главных колониальных противников Франции — англичан и итальянцев. Именно поэтому французские шовинистически настроенные круги оказали значительное давление на свое правительство, чтобы побудить его помочь русским на официальном уровне. По некоторым сведениям, французский кабинет министров обсуждал эту идею, хотя и не пришел ни к какому решению. По утверждению Константена, даже премьер-министр Флоке на словах одобрял интригу вокруг Абиссинии¹³⁷.

Соглашение сразу стало известно в Париже и за его пределами. У итальянцев оно вызвало очень резкую реакцию. Премьер-министр Криспи, выступая в парламенте, нарисовал красочную картину расширения русско-французского влияния в Восточной Африке и запросил выделения дополнительных средств для усиления итальянских колониальных войск. Британское правительство выразило французам резкий протест против продажи оружия абиссинцам и предложило заключить совместную конвенцию о запрещении впредь подобных операций¹³⁸. В этой обстановке французский кабинет предпочел не обострять отношения. Он начал переговоры с англичанами и вскоре подписал так называемую Брюссельскую конвенцию по запрету поставок оружия в Африку. Грандиозным планам Ашинова и Константена не суждено было сбыться. По утверждению Ч. Есмана, из Парижа «атаман» направился в столицу другого государства, тоже разворачивавшего широкую колониальную экспансию в Африке, только Центральной, — Бельгии. Король Леопольд II вроде бы заинтересовался проектом «вольного казака», но также не решился портить отношения с англичанами¹³⁹. И здесь Ашинов не добился успеха.

Контакты с иностранцами не принесли «атаману» ни оружия, ни денег. Поэтому он, вернувшись в Россию, возобновил поиски средств внутри страны. В Нижнем Новгороде Ашинов, как не раз уже ранее, рисовал перед купечеством экономические и политические перспективы проникновения России в Африку. Теперь к этим мотивам присоединился еще один —

стратегический союз с Францией. По мнению авантюриста, это должно было успокоить скептически настроенных купцов. Партнерство с великой державой могло стать надежной гарантией реальности предприятия. Император Абиссинии, заявил Ашинов купцам, с французской и российской помощью должен объединить народы Африки под своим знаменем и положить конец англо-итало-германской экспансии на Черном континенте ¹⁴⁰. Это был уже не просто призыв к колониальному проникновению в новый регион. Речь шла, таким образом, о глобальном противостоянии двух международных блоков, где Африка служила лишь одной из многих арен соперничества. В Европе такое заявление неизбежно вызвало бы гигантский международный скандал, но в Нижнем Новгороде оно осталось нецензурным слушателями. Русское купечество вновь показало свою осмотрительность. Впрочем, некоторые из купцов рискнули предоставить «атаману» для доставки в Абиссинию небольшое количество своих товаров.

Гораздо больше пользы принесли авантюристу контакты с его давним покровителем — нижегородским губернатором Н.М. Барановым. Как сообщал тот царю, Ашинов на беседе у него «отбросил легендарную форму повествования» и заговорил как вполне светский, образованный человек. «Атаман» просил губернатора оказать давление на неподатливых купцов, чтобы они оказали помощь его экспедиции деньгами и товарами. Он уже не упоминал о «православных братьях», ждущих помощи, а повел речь с предельной ясностью. Ашинов предлагал российскому правительству принять под свое покровительство якобы занятые его «казаками» окрестности Таджурского залива, исходя исключительно из колониалистских и геополитических соображений ¹⁴¹. Авантюрист не ошибся. Его соображения нашли горячий отклик в сердце Баранова, также не лишённого авантюрной жилки. Губернатор принялся энергично хлопотать в пользу ашиновского предприятия, используя все свои связи при дворе и особенно близость к императору.

Баранов не обманывался насчет личности «атамана», зная от полиции о многих его неблагоприятных делах. В одном из писем Александру III он заявлял: «Ввиду многого лганья Ашинова и недавней его попытки доверенные ему Морозовым (известным фабрикантом. — *А.Л.*) товары продать в Одессе, я не могу и не

хочу просить купечество оказать Ашинову доверие»¹⁴². Однако нижегородский губернатор всерьез увлекся возможностью самому отличиться в невиданном еще деле — утверждении России на африканском континенте. Двадцатого сентября 1888 г. Баранов отправил Победоносцеву записку с изложением своих мыслей, которую просил представить царю. «Примите к сердцу дело двух разбойников — Ашинова и Баранова, — откровенно писал он. — Крепко уверен в том, что при помощи божией много путного выйдет для России»¹⁴³.

К.П. Победоносцев выполнил просьбу Баранова, благо что она находилась в русле его собственных мыслей. Александр III внимательно ознакомился с запиской и наложил на нее следующую резолюцию: «Я желал бы знать мнение И.А. Шестакова, который, кажется, сочувствовал Ашинову»¹⁴⁴. По распоряжению царя записка была отправлена морскому министру, в бумагах которого она и была обнаружена после его кончины. В ней Н.М. Баранов писал: «Долгие беседы с атаманом Ашиновым, который неоднократно по поручению казачьего круга приезжал в Нижний Новгород, привели меня к заключению: 1. Залив (Таджурский. — *А.Л.*) в стратегическом отношении совершенно удобен и хорош. 2. Форсировка входа (для неприятеля. — *А.Л.*) весьма затруднена. 3. Посредством владения заливом Россия входит в соприкосновение и сближение с 30-миллионным православным населением Абиссинии. 4. Местные богатства обещают добрую будущность для сбыта наших изделий и товаров. 5. Захват берегов Таджурского залива так называемыми вольными казаками весьма радостное для нас событие, потому что не может при самом зародыше колонии вызвать недоразумения с товарищами по захватам колоний — с англичанами, итальянцами и т. д. Но заселение русскими выходцами африканского побережья только тогда принесет России всю массу возможной пользы, когда правительство будет твердо руководить устройством колонии и ее сношениями с соседями, и главное с Абиссинией...»¹⁴⁵ Итак, Баранов не верил в возможность вольной колонизации и настаивал на государственном вмешательстве в этот процесс. Но он прекрасно понимал также, что открытое участие российского правительства в организации колонии на африканском берегу вызовет неминуемые международные осложнения и сильное сопротивление Министерства иностранных дел.

Поэтому он предлагал окольный путь: «...я с особенной радостью взял бы на себя съездить под видом отпуска в казачью колонию на захваченные берега Таджурского залива и в Абиссинию, дабы фактически на месте проверить полученные сведения и затем, если, как надо полагать, сведения окажутся верными, при некотором содействии правительства образовать Российско-Африканскую компанию. Промышленной компании этой могло бы быть предоставлено право иметь свои суда и гарнизон для собственной обороны. По прошествии же некоторого времени и в удобный в политическом отношении момент последовало бы Высочайшее Вашего Величества распоряжение о переходе в руки правительства военной, морской и административной частей управления новым краем, при оставлении за участниками-пайщиками частей торговой и промышленной»¹⁴⁶. Себя в таком случае Н.М. Баранов видел не иначе, как на посту наместника «Русской Африки». Ему претило подчиняться купцам в будущей компании, но ради успеха дела он готов был пожертвовать самолюбием. В уже приводившемся письме Победоносцеву он откровенно сетовал: «Конечно, не бойся я влияния всего боящихся наших дипломатов, я много предпочел бы роль командира-губернатора, посланного царем, роли управляющего частной компанией, посылаемого купцами»¹⁴⁷.

Осенью 1888 г., кроме Баранова, и другие экспансионистски настроенные придворные деятели организовали настоящее давление на царя, чтобы убедить его придать ашиновской авантуре государственный характер. Советник российского посольства в Константинополе М.К. Ону уверял В.Н. Ламздорфа, что Ашинов был все-таки представлен Александру III во время его осеннего пребывания в Крыму. По заключению Ламздорфа, здесь не могло обойтись без участия генерала О.Б. Рихтера, отвечавшего за контакты императора с внешним миром. Сам Рихтер, правда, отрицал факт аудиенции и заявлял, что только докладывал царю об Ашинове в благоприятном для него свете¹⁴⁸. К.П. Победоносцев со своей стороны всячески обхаживал главного противника вмешательства в африканские дела — министра иностранных дел Н.К. Гирса, превознося достоинства Ашинова и призывая не обращать внимания на его личные качества. «Колумб тоже был сорвиголова», — так в передаче В.Н. Ламздорфа заявлял обер-прокурор Синода¹⁴⁹. Девятого ок-

тября Победоносцев направил царю еще одно письмо Н.М. Баранова с его проектом¹⁵⁰. Наконец и морской министр И.А. Шестаков, еще недавно скептически смотревший на возможность использования «вольного казака» в интересах России, изменил свое мнение. Историк А.В. Хренков объясняет это влиянием слухов о скором создании Средиземноморского союза в составе Германии, Австрии, Италии и Англии. В условиях возможного обострения международных отношений надо было спешить занять стратегически выгодный пункт на африканском побережье. По наблюдениям историков, на царя оказывал влияние и военный министр П.С. Ванновский, также склонявшийся к поддержке ашиновцев¹⁵¹.

В конце концов Александр III уступил давлению и впервые за долгое время задумался о возможности осуществления предлагавшихся ему планов. На письме Победоносцева от 9 октября он наложил резолюцию: «Увижу, что можно будет сделать по этому делу»¹⁵². По возвращении в Петербург в конце октября 1888 г. царь послал барановский проект министру иностранных дел. Хотя Н.К. Гирс вновь обратил его внимание на то, что предприятие Баранова кажется ему очень рискованным, а рассказы Ашинова весьма сомнительными, Александр III все же не смог удержаться от соблазна попробовать утвердиться на побережье Красного моря. Судя по всему, в основу действий была положена схема И.А. Шестакова. В отличие от решительного Н.М. Баранова, морской министр понимал щекотливость ситуации. Он призывал царя действовать осторожнее и поначалу выдать ашиновцам небольшое количество оружия. Поскольку Ашинов клялся, что в Турции его ждут сотни «казаков», желающих переселиться в Африку, то для их перевозки Морское министерство собиралось за символическую плату предоставить большой пароход Добровольного флота. Кроме ашиновцев, пароход должен был привезти в Таджурскую бухту большой груз каменного угля. Команда судна получила бы приказ независимо от «казаков» устроить на берегу бухты угольную станцию с небольшим русским персоналом для снабжения проходящих мимо российских судов. Это должно было стать первым шагом на пути к организации настоящей военно-морской базы на пути из Суэца в Индию. Для охраны экспедиции и будущей станции Шестаков направил в район Африканского Рога канонерскую лод-

ку «Манджур». Эти планы очень хорошо наложились на проект посылки в Абиссинию духовной миссии, который подготавливался в это время Победоносцевым. Очевидно, Александр III принял решение об отправке отца Паисия вместе с его братией на этом же пароходе. Ашиновцы очень кстати пригодились бы в таком случае в качестве охраны миссии.

Предприятие, которое так долго вынашивалось Ашиновым, наконец-то сдвинулось с мертвой точки. В одесском порту готовился к дальнему рейсу пароход Добровольного флота. «Атаман» вместе с архимандритом отправились в приморский город для практической подготовки экспедиции и набора людей. Не только в одесских, но и в столичных газетах появились броские объявления о сборе пожертвований в пользу миссии и «черных христиан», а также о приеме всех желающих переселиться на пустынные, но благодатные берега Африки. Паисий формировал духовную миссию, а Ашинов — «конвой» для экспедиции. По секретному указанию И.А. Шестакова «атаман» получил в военно-морском арсенале в Николаеве 200 винтовок системы Баранова, 200 кавалерийских сабель, 4 пуда пороха и пять пулеметов. Оружие было доставлено в Одессу, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что часть винтовок непригодна к стрельбе¹⁵³. Ашинов нагло обратился прямо к командующему войсками Одесского военного округа генералу Роопу и потребовал у него предоставить взамен негодных ружей сто исправных, причем более современных — системы Бердана. Опешивший генерал сообщил о требовании «вольного казака» военному министру. П.С. Ванновский не осмелился лично решить вопрос и запросил мнение императора. Седьмого ноября Александр III наложил на доклад министра резолюцию «согласен»¹⁵⁴.

Аппетит Ашинова рос на глазах. Теперь ему уже было мало только оружия. Он требовал у правительства финансовой поддержки, поскольку сбор пожертвований шел довольно туго. Очевидно, именно к этому времени относится письмо О.Б. Рихтера, сохранившееся в бумагах Победоносцева и, вероятнее всего, адресованное ему. Генерал еще раз убеждал своего адресата помочь Ашинову: «Какой там ни на есть Ашинов, а дело само стоит того, чтобы его не бросать. <...> Оружия, кажется, приказано выдать, недостает только денег. Признаюсь, я бы ре-

шился рискнуть 3 тыс. золотых. Выгорит, и слава Богу, пропадут — ну что ж, где наше не пропадало... Только этим путем, то есть поддерживавши вовремя кучку флибустьеров, оставляя правительство в стороне, можно достигнуть результата»¹⁵⁵.

Казалось, удача окончательно повернулась к авантюристу лицом. Ему все сходило с рук. Но именно в этот момент над ашиновским предприятием стустились тучи. Седьмого ноября 1888 г. посол в Константинополе Нелидов направил министру иностранных дел Н.К. Гирсу секретное послание, где сообщил, что рассказ Ашинова об основании им «станции Новая Москва» на берегу Таджурского залива оказался вымыслом. На деле «атаман» попросту бросил своих попутчиков без всяких средств к существованию, приказав им ждать своего возвращения. К донесению прилагались протоколы допроса двух ашиновцев, после многих злоключений сумевших добраться до Константинополя и явившихся в российское посольство — отставного фельдшера С. Самусеева и жителя Аккермана П. Шелипенко. Двое других беглецов, унтер-офицер Литвин и кантонист Павлов, смогли добраться только до ближайшей французской фактории Обок и были там госпитализированы. Донесение быстро попало к царю. Потрясенный вскрывшимся обманом, Александр III приказал отправить эти материалы для ознакомления Победоносцеву и управляющему Морским министерством адмиралу Н.М. Чихачеву¹⁵⁶.

К.П. Победоносцев был, вероятно, разочарован в Ашинове не меньше царя. Но бросать начатое дело на полдороге ему не хотелось. Подготовка духовной миссии продолжалась, хотя теперь обер-прокурор Синода практически устранился от помощи Паисию. Положение мог спасти убежденный сторонник создания военно-морской базы в теплых морях И.А. Шестаков, но старый адмирал был в это время тяжело болен и уже не руководил министерством. После смерти Шестакова, наступившей 21 ноября, Ашинов лишился самого надежного покровителя. Премник адмирал Чихачев, хотя и был ближайшим сотрудником Шестакова, не разделял его экспансионистских замыслов. Остальные сановники, поддерживавшие его ранее, послушно сменили свое мнение вслед за изменением настроения императора. Уже 15 ноября Ванновский отменил свое решение о выдаче ста современных винтовок ашиновцам. На следующий день инспектор Добровольного флота полковник Вахтин, руководивший

подготовкой парохода для ашиновской экспедиции, отправил Победоносцеву, как главе Синода, письмо с выражением своих сомнений. Поскольку русского поселения на берегах Таджур в действительности не существует, писал полковник, то специальная посылка парохода, к тому же с грузом угля для снаряжения склада, равносильна захвату чужой территории¹⁵⁷.

В конце ноября готовящаяся экспедиция попала в тяжелое положение. Специальный рейс парохода был отменен, уже погруженное на него имущество ашиновцев оказалось снова на берегу. По требованию министра иностранных дел, озабоченного возможными протестами со стороны других держав, отцу Паисию было запрещено публиковать в газетах воззвания о сборе пожертвований на экспедицию и постройку храма в Абиссинии¹⁵⁸. Руководство Министерства иностранных дел организовало утечку информации о брошенных в Таджуре ашиновцах в прессу, и скандал стал известен широкой публике. Однако Александр III так и не отдал приказа о роспуске миссии и ее «конвоя». Очевидно, в глубине души царь все же сохранял надежду на успех этого предприятия. Им было принято компромиссное решение: миссия продолжала готовиться к путешествию, но государство полностью устранялось от участия в ней. Экспедиция должна была иметь статус исключительно частного предприятия Ашинова и Паисия. Царь не обратил внимания на одно противоречие: в составе духовной миссии находились люди, занимавшие официальные должности в русской православной иерархии, а значит, она имела прямое отношение к русской Церкви, Синоду, а следовательно, и государству.

Возможно, на решение о продолжении подготовки к дальнему вояжу повлияли отчаянные усилия любимца царя Н.М. Баранова. Тридцатого ноября 1888 г. он писал К.П. Победоносцеву: «Простите, что снова возвращаюсь к Ашинову. Жалобы на него Нелидова и Гирса меня несколько не удивляют. Слишком хорошо знаю манеру наших великих деятелей никогда не относиться к делу по существу его, а лишь обсуждать его с анекдотической стороны. Быть может, началом моих действий в Абиссинии была бы постановка виселицы для Ашинова. Что Ашинов плут — это многие знают, но из-за этого странно не воспользоваться берегом Черного (Красного. — *А.Л.*) моря и не завязать сношений с Абиссинией»¹⁵⁹.

Ашинов и Паисий пытались вернуть расположение сановников к своему предприятию. Семнадцатого ноября архимандрит отправил из Одессы Победоносцеву письмо, где сообщил, что духовная миссия в количестве 50 человек в основном уже сформирована. Для успешного осуществления путешествия собранных по подписке средств было недостаточно, и Паисий просил обер-прокурора хотя бы заимообразно выделить 15 тысяч рублей¹⁶⁰. Ответа на эту мольбу о помощи не последовало. Двадцать первого ноября Ашинов писал лично Александру III, запрашивая всего 5 тысяч рублей. Это письмо было составлено в обычной ашиновской «простонародной» манере и изобиловало цветистыми фразами: «За все тебе, великий государь, отслужим и умрем с честью за тебя и Россию, и не посралим имени русского, и, Бог даст, твоя царская корона увенчается еще драгоценным африканским камнем и жемчугом для славы России»¹⁶¹. Это послание адресат, понятно, также не удостоил ответом. Наконец, 18 декабря авантюрист писал Победоносцеву уже без всяких малограмотных выражений, делая упор на геополитическое значение занятия порта на Африканском Роге: «Недаром все европейцы стараются, чуть не в драку, занимать на этом всемирном пути места. Почему же России не занять? Нам еще нужнее, если мы развиваем торговлю с Востоком, как с Владивостоком. А Абиссиния — это ключ всего Египта и Африки, и кто будет владеть Абиссинией, тот будет владеть и всемирным путем. И политическую тяжесть, без нашей, конечно, дипломатии, можно всегда перенести вместо Балканского полуострова на африканскую сторону»¹⁶². Но все старания искателей приключений остались напрасными. Экспедиция больше не получила никакой помощи от правительства. Подготовка к отъезду завершилась полностью самостоятельно.

Глава 6. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

К началу декабря 1888 г. приготовления к экспедиции были закончены. Денежные поступления в фонд миссии практически приостановились, ждать было уже нечего. Ашинов понял, что правительство окончательно отвернулось от его предприятия. Приходилось отправляться с тем, что (и кого) удалось собрать. Экспедиция, как и планировалось, состояла из двух частей. Духовная миссия, предназначенная для путешествия в Абиссинию, насчитывала, по свидетельству одного из участников ашиновского вояжа, около 40 человек. Кроме о. Паисия, в нее входили иеромонахи Антонин и Аристарх, архидьякон Ювеналий, три афонских монаха (старых знакомых Паисия), хор певчих и послушники¹⁶³. С собой духовная миссия брала большое количество православной литературы, икон и богослужебной утвари для передачи «братьям по вере» и для запланированного к постройке русского храма в Абиссинии. По утверждению Ч. Есмана, четверо из монахов, отправлявшихся с Паисием, в прошлом были военными инженерами. Они были взяты специально для возведения фортификационных сооружений в основанной Ашиновым «станции»¹⁶⁴. Однако это не подтверждается источниками.

Охранять миссию на всем протяжении ее пути должен был отряд под командованием самого Ашинова. Вместо обещанных «атаманом» нескольких сот казаков в отряде насчитывалось всего около 150 человек. Конечно, и на этот раз в ашиновском воинстве не оказалось ни одного настоящего «вольного казака» из Малой Азии. Ни для кого не было секретом, что свой отряд Ашинов набирал в Одессе «с бору по сосенке», и поступить туда мог любой желающий. В итоге в нем оказалось семь (по другим данным — одиннадцать) осетин, уже давно знакомых с Ашиновым, два терских казака, три петербуржца и два человека из Харькова. Остальные все проживали в Одессе. Среди них было всего 10—15 более или менее образованных людей: отставных офицеров (например, пехотный капитан Н.Я. Нестеров), недоучившихся студентов (как например, студент ветеринарного института Беляев), учителей народных школ. «Адьютантом» Ашинова был бывший юнкер Мануил Цейль. Прочие же представляли собой крайне разношерстную публику — столяры, плотники, кузнецы, слесари, садовники, отставные солда-

ты с женами и детьми. Был в отряде и фотограф, и даже типографский работник. Медицинскую часть представляли зубной врач А. Добровольский и фельдшер. Кроме супруги «атамана», своих мужей сопровождали девять женщин и с ними семь-восемь детей ¹⁶⁵.

Очень немногие из записавшихся в отряд ехали в Абиссинию движимые романтическими чувствами или желанием действительно распространять в Африке православие и утверждать на берегах Индийского океана российское влияние. Надо думать, все ашиновцы прекрасно понимали противоречие между заявлениями их предводителя о «вольном казачестве» и действительным составом отряда. На этот счет никто не заблуждался. В Абиссинию отправлялись или люди бедные, надеявшиеся таким образом поправить свое материальное положение и закрепиться на новом месте, или прирожденные авантюристы, подобно самому «атаману» искавшие привольной жизни, полной приключений. Последних в отряде было немало. Наименее надежным элементом экспедиции являлись человек 15 откровенных одесских босяков, за многими из которых явно стояло уголовное прошлое. Ничего хорошего от такого состава ожидать не приходилось, и самые трезвые члены экспедиции поняли это с самого начала ¹⁶⁶.

Прямого рейса по Красному морю мимо Таджурского залива в ближайшее время не было. Ашиновцы вынуждены были отправиться на пароходе Добровольного флота «Корнилов», шедшем до Александрии, в качестве рядовых пассажиров. Это произошло 10 декабря 1888 г. в довольно праздничной обстановке — при скоплении большого числа публики и в присутствии одесского градоначальника. Перед отправкой путешественников на берегу состоялся торжественный молебен. Однако в российской печати отплытие духовной миссии и ее охраны прошло почти незамеченным. Газеты к тому времени уже получили внушение от цензурных властей и ограничились лишь скугими информационными материалами.

Путешествие проходило не без неприятностей. В Константинополе, когда пассажиры «Корнилова» сходили на берег, двое из ашиновцев были задержаны турецкой полицией из-за каких-то проблем с документами. Ашинов уверял, что турки действовали по наущению англичан, мстивших «атаману» за невыполнение старого договора. Но все могло быть и по-другому.

Ашиновскую экспедицию везде сопровождали явно преувеличенные слухи о численном ее составе и вооружении. Турецкие власти, придираясь к «путешественникам», могли просто быть обеспокоены возможной контрабандой оружия через их территорию. В изложении одного из сподвижников Ашинова осетина Дзеранова (Джейранова), явно склонного к преувеличениям, события в Константинополе разворачивались гораздо интереснее. Явившихся на корабль турецких официальных лиц ашиновцы якобы просто побили, невзначай втянув их в «драку» между собой ¹⁶⁷.

В дальнейшем главной проблемой экспедиции стало соблюдение дисциплины. По утверждению одного из участников плавания, босяки быстро занялись привычным для себя делом — воровали из чужих ящиков мандарины и кипрское вино, пьянствовали и картежничали. К отряду прибились также три русские богомолки, направлявшиеся в Палестину. Уже в Эгейском море они обзавелись «мужьями»¹⁶⁸. Дзеранов уверял, что все члены экспедиции, а не только монахи, для маскировки ходили по судну в рясах, одетых поверх черкесок ¹⁶⁹. Через несколько дней ашиновское воинство прибыло в Александрию. Здесь экспедиция пересела на другой русский пароход «Лазарев» и вскоре высадилась в Порт-Саиде. Судно отправилось обратно, а путешественники остались ожидать попутного парохода. В маленьком городке для них не нашлось подходящих по цене квартир, и местный агент Русского общества пароходства и торговли Фитингоф подыскал им временное жилище в виде барж у портового причала. На двух баржах разместили груз, на двух других — людей. Ашинов и руководство духовной миссии разместились в гостинице. Попутного, и самое главное дешевого, судна не было, и ашиновцы провели четыре дня в египетском порту. Участники экспедиции впоследствии обвиняли российского консула в Порт-Саиде Брауна в демонстративном бездействии, поскольку тот являлся германским подданным и одновременно исполнял обязанности консула своей страны. Естественно, интересы русских путешественников его занимали мало. Однако найти пароход в этих условиях было бы трудно и при большом желании.

Если у ашиновцев возникали проблемы с дисциплиной еще на борту «Корнилова», то в людном порту с его многочисленными соблазнами удержать их в повиновении стало почти невозможно. «Атаман» пытался не допустить разложения своего

отряда. На баржах было очень неудобно жить из-за тесноты и духоты, и многие ашиновцы устраивались на ночлег прямо под деревьями на набережной. Ашинов распорядился выпускать «казачков» на берег партиями только по тридцать человек, отдал приказ, запрещавший им пьянствовать и буйствовать¹⁷⁰. Понятно, что приказ этот выполнялся далеко не всегда и не всеми. Позднее о «подвигах» ашиновцев в Порт-Саиде распространились целые легенды: будто бы они нагнали страху на местную полицию и она боялась к ним даже подходить. В результате город оказался полностью в их власти. «Казачки» грабили жителей, повсеместно затевали пьяные драки. Вершиной их «подвигов» якобы стало ограбление рулетки в местном игорном доме и избивание важного турецкого чиновника¹⁷¹. Даже если все это было плодом фантазии бахвалившихся своей «удалью» босяков, проблемы с местным населением у Ашинова и его спутников действительно были.

В самый разгар скандала вокруг экспедиции в российских газетах появился рапорт командира парохода «Нижний Новгород», следовавшего из Владивостока в Одессу и останавливавшегося как раз в это время в Порт-Саиде. Капитан Пташинский докладывал руководству Добровольного флота: «Все мною виденное в Порт-Саиде произвело на меня самое тягостное впечатление, так как эта экспедиция делает нам стыд и позор. Вся команда состоит положительно из каких-то оборванцев, пьяных и шумящих на весь город. Днем и поздно вечером вся дружина бродит по улицам в невозможных костюмах, притом грязных и рваных от спанья на земле. К сожалению, между ними многие духовного звания и гуляют в рваных рясах. Все в веселом, бесшабашном настроении духа, кричат и поют песни днем и ночью»¹⁷². Пример ашиновцев оказался заразительным. Три моряка с «Нижнего Новгорода» дезертировали и присоединились к оргиям искателей приключений.

«Атаман» пытался сохранить истинную цель своей экспедиции в тайне, боясь противодействия иностранных колониальных властей в Африке — английских, итальянских или французских. Поэтому всем спутникам он строго запретил упоминать Абиссинию и вообще Африку. На все расспросы ашиновцы должны были отвечать, что они русские переселенцы, направляющиеся во Владивосток. Однако секретность соблюсти не удалось. Вины отчасти были сами не слишком державшие язык

за зубами, особенно в пьяном виде, «казаки». Но полностью лицо экспедиции было раскрыто после посещения лагеря ашиновцев целой делегацией абиссинских монахов во главе с настоятелем иерусалимского монастыря Георгием. Трое из этих монахов остались при экспедиции, чтобы сопровождать русскую духовную миссию до Абиссинии. В результате о намерениях русских путешественников узнал весь город. «Наша дружина комментируется всеми, — сообщал в своем рапорте командир «Нижнего Новгорода», — которые говорят, что это наше войско, идущее завоевывать Индию»¹⁷³.

Наконец подходящее судно зашло в Порт-Саид. Это был пароход «Амфитрида» австро-венгерской компании, направлявшийся в Индокитай. За 36 тысяч франков капитан корабля согласился доставить «переселенцев» и их груз в Таджурский залив. Ашинов особо оговорил, что в самые опасные для них порты — итальянский Массауа и французский Обок — «Амфитрида» заходить не будет¹⁷⁴. «Атаман» не хотел подвергать свое предприятие случайному риску. Если бы итальянские или французские власти узнали об его экспедиции, она могла бы закончиться очень быстро. Оставалось еще два пункта, куда австрийский пароход должен был зайти для высадки пассажиров и сдачи груза — Дждда на Аравийском берегу и Суаким в Судане. Последний порт находился под властью Британии, и Ашинов справедливо опасался возможных затруднений с тамошними властями. Но выбирать не приходилось, надо было идти на риск.

Двадцать четвертого декабря 1888 г. по старому стилю, в ночь на православное Рождество «Амфитрида» с ашиновцами на борту отплыла из Порт-Саида. В пути иеромонах Антонин отслужил всенощную. Путешественники встретили сочельник в не слишком веселом настроении. Настоящее было полным опасностей, будущее оставалось весьма неопределенным. Через два дня, благополучно пройдя по каналу, судно ночью остановилось в порту Суэц. Здесь Ашинова и его экспедицию ожидал неприятный сюрприз. Обследовав на лодке гавань, он обнаружил стоящую на рейде итальянскую канонерку «Аугусто Барбариго». Само по себе это могло ничего не означать, но утром после выхода «Амфитриды» в море оказалось, что канонерка идет следом за пароходом с ашиновцами. Встревоженный «атаман» собрал свою команду и объявил, что итальянцы стремят-

ся силой воспрепятствовать экспедиции и вот-вот возьмут судно на бордаж¹⁷⁵. «Казакам» были розданы винтовки и патроны. Ашинов будто бы всерьез собрался воевать на мирном пароходе, полном пассажиров, с военным кораблем. Однако его страхи оказались преувеличенными. Итальянцы только следовали за «Амфитридой», но не предпринимали никаких активных действий.

Через неделю напряженного ожидания ашиновцы прибыли в Джедду. Здесь все было в порядке. Местные турецкие власти не чинили экспедиции никаких препятствий. Встретив на берегу русских, чиновники французского консульства передали Ашинову просьбу консула прийти к нему на беседу. «Атаман» пробыл у консула около часа, но, о чем шла беседа, остается только догадываться. Судя по всему, Ашинову удалось произвести на француза благоприятное впечатление. Утром следующего дня консул с вице-консулом прибыли на «Амфитриду» с дружественным визитом. Встреча была весьма теплой и закончилась за столом в каюте «атамана». В завершение трапезы стороны обменялись тостами: консул поднял бокал «за процветание России и успех» предприятия «казаков», Ашинов — за Францию. Более того, при прощании консул заявил, что в местах, куда плывут русские, крейсирует французский военный корабль «Метеор». В случае надобности, заверил он, моряки «Метеора» окажут путешественникам содействие¹⁷⁶. Завтрак завершился лезгинкой, которую по просьбе французских гостей исполнили осетины. Демонстрация столь теплых чувств убедила ашиновцев, что французы действительно, как и обещал «атаман», будут только рады появлению русских в Африке.

Вечером «Амфитрида» снялась с якоря и проследовала дальше. Итальянской канонерки поблизости не было, и ашиновцы немного успокоились. Плавание проходило во вполне комфортных условиях. Капитан «Амфитриды» разрешил экспедиции пользоваться корабельным камбузом, и ашиновцы готовили себе горячую пищу — суп, кашу, макароны с мясом. В день каждому участнику миссии выдавалось по 4 куска сахара и три галеты¹⁷⁷. Однако в следующем порту — Суакиме, куда «Амфитрида» пришла 3 января 1889 г., обстановка вновь стала тревожной. Англичане отнеслись к русским далеко не так дружелюбно, как французы. Под предлогом наличия на борту оружия портовые власти запретили членам экспедиции, в отличие от других пассажиров, даже

сходить на берег. На борт парохода взошла масса англичан-военных, шнырявших по всему судну. Хуже всего было то, что вслед за «Амфитридой» в порт вошла итальянская канонерка и ошвартовалась рядом. Для всех ашиновцев стало ясным, что «Аугусто Барбариго» специально следит за австрийским пароходом.

Приняв на борт несколько новых пассажиров, 4 января «Амфитрида» вышла из Суакима. Канонерка шла следом в пределах видимости, не приближаясь и не отставая. Настроение Ашинова было весьма неважным: было очевидно, что итальянцы настроены по отношению к его экспедиции предельно подозрительно. Дальнейшие события показали, что он не ошибся. Вокруг ашиновцев разыгралась настоящая детективная история. Оказалось, что в числе поднявшихся на борт парохода в Суакиме пассажиров находился итальянский военный агент полковник Миниателли. Он плыл инкогнито и, по всей вероятности, должен был следить за намерениями ашиновцев на «Амфитриде». Тайна полковника была раскрыта стараниями одного из членов ашиновской экспедиции, ранее промышлявшего в Одессе карманными кражами. Применяв свои специфические навыки, тот попросту выкрал у полковника изобличившие его документы. По ним выходило, что итальянцы намерены во что бы то ни стало воспрепятствовать высадке ашиновцев на побережье. Они собирались арестовать «Амфитриду» в ближайшем порту, воспользовавшись русско-итальянским договором о контрабанде оружия ¹⁷⁸.

Происходившее впоследствии по-разному описывалось в литературе. По утверждению историка Д. Чевычелова, Ашинов под угрозой применения оружия заставил капитана «Амфитриды» изменить расписание и идти прямо на Таджуру. Итальянская же канонерка ринулась за судном в погоню, намереваясь взять его на абордаж в открытом море ¹⁷⁹. Ашиновец Дзеранов отдавал инициативу рядовым «казакам», будто бы вообще намеревавшимся захватить «Амфитриду» и пиратствовать на побережье ¹⁸⁰. Однако в воспоминаниях Л. Николаева говорится, что расписание движения парохода и так не предусматривало захода в итальянский и французский порты, а канонерка лишь продолжала следовать за «Амфитридой», не собираясь ее штурмовать. Но как бы то ни было, погоня была налицо. Неожиданно ашиновцам пришла на помощь природа. Погода испортилась, на море начался шторм. Большому судну, каким была «Амфит-

рида», буря не принесла никакого вреда — судно прекрасно справлялось с волнами. А вот небольшой канонерке пришлось туго. Зарываясь носом в волны, «Аугусто Барбариго» некоторое время пытался идти за преследуемым пароходом, но затем отстал и скрылся из виду. Поначалу ашиновцы считали, что канонерка отправилась в ближайший итальянский порт за подкреплением, но команда высказала предположение, что итальянцев, судя по их курсу, могло отнести на рифы¹⁸¹. Впрочем, все могло быть намного прозаичнее. Вероятно, «Амфитрида» к этому времени уже успела выйти из пределов вод, прилежавших к итальянской колонии — Эритрее, и дальше уже начинались владения французов. Убедившись, что ашиновцы не собираются высаживаться в зоне их интересов, итальянцы сами прекратили преследование судна.

История преследования мирного парохода военным судном и конфуза последнего, равно как и засылка на борт «Амфитриды» засекреченного шпиона, может показаться плодом фантазии Ашинова и его спутников. Слишком это похоже на манеру «атамана» чрезмерно преувеличивать выпадавшие на его долю трудности. Однако эти события оцениваются как подлинные и английским историком Ч. Есманом, имевшим в своем распоряжении иностранные, в том числе и итальянские, дипломатические архивы. По его мнению, итальянское правительство вообще чересчур обостренно воспринимало все, связанное с возможным покушением русских на их колониальные интересы. Премьер-министр страны Ф. Криспи был человеком нервным, легко терявшим чувство меры. Так, в ноябре 1887 г. русская газета националистической ориентации «Свет» поместила ряд материалов, восхвалявших мастерство и вооружение абиссинских воинов. Аналитики из итальянского Министерства иностранных дел сочли, что оружие и инструкторы могли попасть в Абиссинию только из России. Криспи тут же отдал распоряжение губернатору Эритреи проявлять особенную бдительность, дабы не допускать в Африку возможных русских агентов. В 1887—1888 гг. Криспи был буквально одержим опасностью проникновения в Африку русских, собирающихся создать в Абиссинии опорный пункт своей империи. Этому способствовало то, что информация о путешествиях Ашинова достигала Рима в несколько искаженном виде: слухи сообщали о большом количестве

русских монахов с Афона, пробирающихся в Абиссинию как шпионы российского императора. Также говорили, что эфиопская «принцесса», пристроенная Ашиновым в один из монастырей, готовилась Александром III как будущая правительница Абиссинии под русским протекторатом. Доклады эритрейских колониальных властей часто упоминали таинственного русского полковника Николая, который пробрался на север Абиссинии. Его настоящее имя, уверяли итальянцы, было Иванович. Нервозность итальянского премьера наглядно иллюстрировал случай с двумя русскими путешественниками, попросившими в 1888 г. разрешения проследовать через итальянские владения в Абиссинию для научных и художественных целей. Их запрос обсуждался на уровне кабинета министров и тем не менее был отвергнут¹⁸². Неудивительно, что на слежку за ашиновской экспедицией были снаряжены столь значительные силы.

Между тем плавание авантюристов близилось к концу. Шестого января «Амфитрида» прошла мимо торговой фактории Обок, административного центра новой французской колонии на берегах Африканского Рога. На следующий день в 9 часов утра пароход вошел в Таджурскую бухту и бросил там якорь. Вдали на берегу виднелось небольшое селение племени данакиль, где Ашинов высадился в апреле прошлого года. Таджура, обрамленная заросшими кустарником горами, выглядела как деревня средних размеров. С борта «Амфитриды» в бинокль можно было разглядеть ее довольно детально. Около пятисот сплетенных из прутьев хижин жались друг к другу так тесно, что казалось, между ними вовсе не было улиц. Кое-где из-за хижин выглядывали низкорослые пальмы, возвышавшиеся над крышами не более чем на сажень. С обеих сторон и в середине селения выделялись три каменные мечети очень простой постройки — четырехугольные домики высотой не более двух сажен и с минаретами, немногим выше самих зданий.

Никаких признаков «вольной казачьей станицы» на берегу не было заметно. Тем не менее, приободренный удачным завершением путешествия, «атаман» отдал приказание готовиться к разгрузке. На первой шлюпке к берегу отправились сам Ашинов, его жена и двенадцать вооруженных «казаков». Несмотря на жару, все были одеты по полной «казачьей» форме. На земле их ожидала толпа местных жителей, не избалованных визитами

европейцев, а потому проявлявших любопытство. Среди них находились трое русских, оставленных здесь Ашиновым в прошлом году. Это было все население так рекламировавшейся авантюристом «станции Новая Москва». Остальные не выдержали трудностей африканской жизни и покинули Таджуру. Впрочем, и оставшиеся уже явно не чаяли увидеть своего предводителя. Судя по всему, они проводили время в заурядном пьянстве — часть оставленного «атаманом» имущества была к этому времени уничтожена пожаром, вспыхнувшим из-за взрыва бочки со спиртом. Их радость по случаю встречи была действительно неподдельной: оставленные Ашиновым припасы подходили к концу и дальнейшие перспективы пребывания в Таджуре представлялись весьма невеселыми.

Среди толпы встречавших находился и местный племенной вождь Магомет-Сабех. Соблюдая важность, он через своего «визиря» передал ашиновцам приглашение проследовать для торжественной церемонии встречи в свой «дворец». Бывавший уже здесь Ашинов вел себя невозмутимо, но новички из числа его охраны были поражены несоответствием между почестями, оказывавшимися ими таджурскому «султану», и убожеством жизни как его самого, так и его подданных. Резиденция Магомет-Сабеха, которую называли «дворец», на самом деле представляла собой три-четыре жалких шалаша из тонких прутьев, находившихся на особом огороженном дворе. По словам одного из очевидцев, хижины эти представляли собой нечто среднее между «обыкновенной малороссийской избой и куренем, устраиваемым на баштанах». Лачуги не имели окон и дверей, вход загораживала лишь подвешенная циновка. Внутри стены «дворца» были также покрыты циновками, они же лежали на полу и исполняли роль ковров¹⁸³.

Ашиновцы буквально давились со смеху, наблюдая комичную церемонию «приема». В шалаш, служивший парадным залом, внесли 10 старых венских стульев, на которых расположились сам «султан» со своими приближенными и Ашинов с супругой и адъютантом. Всем русским места не хватило, и они вынуждены были стоять за спиной своего «атамана». Во время беседы подали скверно сваренный кофе, но и он достался не всем. Магомет-Сабех оказался мужчиной средних лет, высокого роста, широкоплечим. Его лицо было рябым от перенесенной оспы

и начисто лишено всякой растительности. Он был одет в белые полотняные узкие и короткие штаны и в такую же рубашку, поверх которой была накинута полосатая турецкая шаль. На голове у султана имелась белая арабская шапочка, обшитая серебром и обвернутая чалмой. На ногах — кожаные сандалии из ремней, обшитых серебром. На поясе вождя красовался кривой грубой работы нож с рукояткой в серебряной оправе. Знаком власти «султана» служила деревянная палка с серебряным набалдашником, которую Магомет-Сабех держал в руке ¹⁸⁴.

Магомет-Сабех важно восседал на стуле и только кивками головы сопровождал слова Ашинова, которые переводил ему «визирь» Саид-Али, довольно бегло говоривший по-французски. Если же «султан» хотел что-либо ответить, то произносил несколько слов, не обращаясь к кому-либо конкретно, а глядя в пространство. Торжественность обстановки несколько портила суэта двенадцати жен «султана», отпихивавших в соседней комнате друг друга от дыры в стене, чтобы поглазеть на пришельцев. Между тем разговор шел лишь на самые общие темы. Наговорив друг другу любезностей, стороны расстались через полчаса весьма довольные друг другом. «Султан» был очень обрадован подарком русских — новыми нанковыми брюками. Далее по всем правилам дипломатического этикета в ответ на «радушный» прием Ашинов пригласил Магомет-Сабеха к себе на пароход.

«Султан» не заставил себя долго ждать и отправился на «Амфитриду» тут же, вместе с русскими. Здесь в его честь был устроен завтрак, на котором присутствовали не только Ашинов и руководство духовной миссии, но и другие пассажиры первого класса. За завтраком, после дежурного обмена тостами с гостем, «атаман» неожиданно раскрыл всем инкогнито итальянского полковника. Он заявил, что знает его еще с Петербурга, где Миниателли ранее служил военным атташе в посольстве. Издеваясь над растерявшимся итальянцем, Ашинов выразил ему... благодарность за организацию охраны его экспедиции во время плавания. Сконфуженный полковник вскоре незаметно исчез из кают-компания ¹⁸⁵. После завтрака «султан» отбыл обратно на берег, а ашиновцы начали разгрузку. У туземцев наняли две большие лодки, на которых на берег с большой осторожностью перевозили ящики и мешки с оружием, продовольствием и церковной утварью. Привезенный с собой лес просто

бросали за борт, увязывали в плоты и перегоняли к берегу. По причине мелководья лодки пришлось разгружать в воде и перетаскивать груз на плечах. Это заняло довольно много времени, разгрузка закончилась только вечером. Прощаясь с капитаном «Амфитриды», Ашинов подарил ему кавказский кинжал в серебряной оправе и серебряный мундштук с янтарем ахалцихской работы¹⁸⁶.

В литературе можно встретить утверждение, будто в Таджуре Ашинова ожидали три абиссинских священника, посланных навстречу Ашинову их государем. «Атаман» вручил им письма, адресованные негусу, расу Алуле и Менелику, правителю провинции Шоа. Священники получили эскорт из 20 человек, вооруженных берданками. Они обещали вернуться с большим конвоем для сопровождения миссии и караваном верблюдов. Сам же Ашинов остался на побережье, не рискуя идти через пустынные земли, кишашие разбойниками¹⁸⁷. Однако это мнение не подкреплено ссылкой на источник. Воспоминания же участника ашиновской экспедиции Л. Николаева говорят о другом. Трех монахов «атаман» действительно послал с письмами к негусу и другим властителям Эфиопии. Но они не ожидали русских на берегу в окружении враждебных им сомалийских племен, а приплыли на «Амфитриде» вместе с ашиновцами из Порт-Саида. Их сопровождала охрана не из 20 русских, а 10 местных жителей, нанятых Ашиновым еще в прошлый раз для охраны привезенного в апреле багажа¹⁸⁸. Целью их отправки действительно, по словам Ашинова, являлся вызов охраны для духовной миссии. Почему ста пятидесяти вооруженных до зубов «казаков» для этого было недостаточно, «атаман» не объяснял.

Вернуться посланцы могли не ранее чем через два месяца. Поэтому в ожидании абиссинского конвоя ашиновская экспедиция с разрешения «султана» обосновалась лагерем в Таджуре. Занять разношерстное воинство было нечем, и Ашинов принялся обучать своих «казаков» воинскому искусству. Весь его отряд был разделен по-военному, на взводы. Первый взвод, насчитывавший 12 человек, именовался «казачьим». В него входили осетины и самые близкие «атаману» люди. Командовал им подхорунжий Никифоров. Второй, третий, четвертый и пятый взводы были отнесены к пехоте. Они состояли из 21 человека

каждый. Командовали ими соответственно бывшие военные Стехов, Яблонский, Осипенко, Артемьев. Последний взвод, имевший на вооружении картечницы-скорострелки «гатлинг», именовался артиллерийским. В нем насчитывалось 18 человек, командовал взводом отставной подпоручик Михалапов. Начальником штаба отряда Ашинов назначил отставного же капитана Нестерова, возведенного им в чин «есаула»¹⁸⁹. Под руководством командиров, более опытных в военном деле, новички обучались владению оружием, стрельбе, простейшим навыкам ведения боя. Ашинов был чрезвычайно доволен. Казалось, все его мечты воплощаются.

Вскоре, однако, радужное настроение «атамана» начало улетучиваться. Одесские босяки не слишком были склонны подчиняться дисциплине. Начались конфликты с местными жителями. Уже на третий день пребывания в Таджуре ашиновцы, ушедшие в горы на охоту, украли у своих соседей корову и четыре овцы. Чтобы погасить возмущение подданных Магомет-Сабеха, Ашинову пришлось заплатить хозяину скота огромную компенсацию — 100 реалов (200 рублей). С виновников удалось взять только половину денег, больше у них просто не было. Несмотря на это, напряженность в отношениях «казаков» с аборигенами продолжала нарастать. Вскоре в лесу ашиновские головорезы ограбили старуху — сняли с нее серебряные браслеты. Вновь скандал пришлось заглаживать «атаману» подарками потерпевшим. Если бы так продолжалось и далее, экспедиция могла остаться без средств. Пытаясь поддержать порядок, Ашинов пригрозил, что впредь будет подвергать виновных в нарушении дисциплины испытанному казачьему наказанию — порке. Впрочем, угроза вряд ли возымела действие. Как признавал верный сторонник «атамана» Л. Николаев, большая часть отряда отправилась в Африку, лелея мысль о быстром обогащении. Всякое неудобство или стеснение их вольницы вызывало ропот. Достаточно было кому-либо одному поднять шум, чтобы к нему присоединились другие. Вскоре по прибытии, в Таджуре, ашиновцы из босяков устроили скандал из-за якобы маленьких обеденных порций. Предводителю пришлось увеличить расходы на питание ¹⁹⁰.

Был и еще один нюанс, омрачавший пребывание ашиновцев во владениях гостеприимного Магомет-Сабеха. Дело было в том, что «султан» не скрывал своей формальной зависимости

от французских колониальных властей в Обоке. Правда, его отношения с французами ограничивалось только поднятием их флага при появлении иностранных судов и получением 20 тысяч франков субсидии. В Таджуре не было ни одного француза, они вообще здесь появлялись только несколько раз в году. Хотя Магомет-Сабех в разговорах с Ашиновым всячески клял французов и заявлял о своем желании освободиться от них, авантюрист прекрасно понимал, что власти Обока не позволят русским долго оставаться на своей территории. К тому же Таджура не подходила под ашиновскую историю о «казацкой станице» на берегу Индийского океана, куда должны были направляться сотни и тысячи русских переселенцев. Нужно было искать пункт на побережье, хотя бы отдаленно напоминавший рекламировавшуюся Ашиновым «Новую Москву».

Магомет-Сабех посоветовал русским обосноваться во владениях его соседа, такого же племенного вождя по имени Магомет-Лейта. Тот вроде бы считал себя полностью независимым. Ашинов заявлял своим спутникам, что в свой прошлый приезд лично слышал, как этот «султан» отказал французским офицерам, предлагавшим ему признать зависимость от властей Обока. Более того, Магомет-Лейта якобы был готов принять «казаков» на своей территории. «Султан» этот приезжал в Таджуру и имел разговор с Ашиновым. Русским, видевшим гостя, он показался очень похожим на великого русского поэта. Они так и называли его дальше — Пушкин. Ашинов говорил также, что он еще в прошлый свой приезд приобрел у этого вождя землю на берегу залива и в горах в обмен на шестьдесят ружей системы Бердана¹⁹¹. Но в таком случае непонятно, почему высадка русских произошла не там, а в Таджуре. Скорее всего, переговоры о приобретении земли проходили именно теперь. Уступленная территория не была полностью пустынной. Ее центром являлась старая полуразрушенная крепость Сагалло, примерно в 40 верстах к юго-западу от Таджуры. Это укрепление было построено еще египтянами, вплоть до 1860-х гг. предъявлявшими претензии на все побережье Африканского Рога. После ухода египетских войск крепость никак не использовалась. Она могла оказаться идеальным местом для размещения русской экспедиции.

Ашинов вместе с Магомет-Сабехом и двумя десятками своих «джигитов» отправился осматривать предложенные вла-

дения. Он остался очень доволен увиденным и отдал приказ о начале переселения. Одиннадцатого января ашиновцы начали перемещение из Таджуры в Сагалло. У аборигенов наняли две большие лодки, наиболее громоздкие и тяжелые ящики везли на плотках по морю. Остальная часть отряда отправилась по берегу. Вещей было много, и переезд закончился только к 15 января. С последней партией груза вечером 15 января покинули Таджуру сам «атаман» с супругой, доктор Добровольский и Николаев. Человек десять ашиновцев гребли на веслах. На пути с плывущими едва не произошло несчастье. В наступившей темноте гребцы потеряли ориентир, лодку стало относить от берега. «Мореплаватели» бросили якорь и открыли стрельбу, чтобы привлечь внимание своих товарищей. В Сагалло зажгли огонь, но пристать к берегу из-за сильного встречного ветра так и не удалось. Ашиновцам пришлось провести всю ночь на рейде Сагалло, они порядком продрогли.

На следующий день у развалин крепости произошла торжественная «церемония» присоединения этого края к России, приведенная в начале настоящей книги. Все участники экспедиции с утра почистились и принарядились. Перед крепостью воздвигли алтарь, за которым Паисий со своим причтом отслужил литургию, затем благодарственное молебствие и наконец провозгласил многолетие государю императору и самому Ашинову. «Казачи» стояли при этом в строю при полном вооружении с непокрытыми головами, затем по очереди подходили под благословение архимандрита. Помолившись, все вошли в крепость. Первым шел Паисий с крестом в руках, за ним — сам «атаман», в одной руке несший флаг, а другой придерживавший супругу. За ними следовали монахи и депутация от отряда. Поднявшись на плоскую крышу крепостной казармы, Ашинов поднял на заранее приготовленном шесте флаг и заявил о присоединении этого края к России. «Отныне и вовеки веков — аминь!» — прибавил Паисий и осенил крестным знаменем все четыре стороны занятой ими земли. Ашиновцы прокричали нестройное «ура». Затем командование миссии сошло вниз, после взаимных поздравлений началось угощение, закончившееся обильной выпивкой. Окрестности Сагалло огласились русскими песнями¹⁹².

Крепость, вопреки скептическим ожиданиям некоторых ашиновцев, оказалась неплохо сохранившейся. Ее территория

была с трех сторон окружена земляным валом и каменной стеной с уступами и пятью амбразурами для орудий. Перед валом и стеной имелся ров шириной до трех сажен. Крепость была сориентирована для отражения нападения с моря. Поэтому главный корпус форта, имевший около 20 бойниц для стрельбы, смотрел туда. Здесь же находились крепостные ворота и остатки старой башни. Внутренний двор крепости составлял приблизительно 200 кв. сажен и был вымощен камнем, в нем находился колодец. В ста шагах от крепости начинался небольшой лесок, а за ним, примерно в четырех верстах, — горы, покрытые колючими деревьями. Ашиновцам из них была знакома только акация. «Казачи» принялись обживать свою новую базу. В комнатах каменного корпуса разместились о. Паисий и Ашинов с женой. Здесь же было устроено жилье для женатых и казарма для духовной миссии. В других помещениях находились оружейная и слесарная мастерские. На пологой крыше форта, как на самом возвышенном месте, стояла парусиновая палатка с деревянным крестом, названная Паисием походной церковью св. Николая. Каждый день утром и вечером там проходило богослужение по монастырскому уставу. Во дворе разместились три палатки и 12 шалашей для портняжной мастерской и холостых участников экспедиции. Впоследствии шалаша, а также вновь устроенные плотницкую и кузнечную мастерские перенесли за пределы крепости. В правом углу крепостного двора ашиновцы устроили пороховой погреб и склад, в левом — кухню и пекарню¹⁹³.

Ашинов деятельно распорядился по обустройству своей «станции». Едва его отряд устроился на новом месте, началось освоение окрестностей Сагалло. Прямо за крепостным рвом переселенцы разбили сад из привезенных с собой саженцев. Здесь были посажены несколько вишневых деревьев, черешни, лимонные и апельсиновые деревья (всего около 100 саженцев), высажено около 15 тысяч черенков винограда. Сзади крепость окружили огороды. Ашиновцы из числа самых хозяйственных окультурили довольно большой участок земли, на котором посадили огурцы, помидоры, капусту нескольких сортов. В отдельном углу огорода на импровизированной бахче посеяли семена арбуза и дыни. Каждый день на охоту в горы, где водилась кое-какая живность, отправлялись несколько человек. Члены экспедиции не испытывали недостатка в свежем мясе: в их рацио-

не постоянно присутствовали и дикие антилопы, и кабаны, и зайцы, и даже фазаны. В заливе имелось большое количество кефали, и для рыбной ловли был сплетен невод в 20 аршин длиной. При отливе ашиновцы буквально руками ловили угрей, прятавшихся за камнями.

Ашинов, без сомнения, собирался прочно обосноваться в Сагалло. Его подчиненные восприняли это совершенно спокойно. Большинство из них и не думали отправляться в далекую Абиссинию, а напротив, с самого начала ориентировались своим «атаманом» на оседлую жизнь на берегу теплого моря. Духовная миссия, таким образом, оказалась лишь поводом для проникновения в Африку. Архимандрит Паисий также не выказывал по этому поводу никакого волнения. Думал ли он сам остаться в Сагалло насовсем или все-таки намеревался отправиться в Абиссинию, неизвестно.

Свободные от хозяйственных занятий ашиновцы могли и здесь превратиться в неуправляемую вольницу. Чтобы этого не случилось, Ашинов и его помощник «есаул» Нестеров уделяли много внимания военной подготовке своих людей. «Казачки» постоянно обучались маршировке, стрельбе, совершали ознакомительные походы по близлежащей местности. В результате таких рекогносцировок ими были найдены выходы на поверхность каменной соли и железной руды, а также открыт горячий серный источник. Предвидя будущие затруднения с дисциплиной, Ашинов устроил в своем отряде военный суд. В него входили командиры взводов и по одному выборному от каждого взвода. Председателем этого «трибунала» стал Нестеров. Стремясь пробудить у разношерстного воинства патриотические чувства и напомнить им об их высокой миссии в Африке, Ашинов постоянно практиковал всякого рода торжественные ритуалы. Так, в один из первых дней «казачки» были приведены к присяге государю императору (чего Ашинов не имел права делать, так как авантюра являлась его частным предприятием), было освящено знамя, якобы подаренное отряду городом Москвой. Отныне этот флаг торжественно поднимался на флагштоке каждое утро¹⁹⁴.

Внешне жизнь в новоиспеченной колонии приобретала налаженный вид. Казалось, мечта Ашинова наконец-то осуществлялась. Он стал полновластным хозяином большой территории, распоряжался жизнью и судьбами почти двухсот людей.

Однако управлять таким большим коллективом «атаман» явно не был в состоянии. Уже через несколько дней после переезда в Сагалло появились дезертиры. Не выдержали трудностей обустройства и военного распорядка «казаки» Вороной и Плаксивый. После них бежал, прихватив чужой карабин, Аверкий Гордасевич, сын полицейского чиновника из небольшого южного городка, исключенный ранее из юнкерского училища. Затем дезертировали «казаки» Картамышев и Кривицкий. Наиболее чувствительным для отряда стало бегство командира артиллерийского взвода Михалапова¹⁹⁵. Только что созданному поселению грозила гибель из-за внутренних распрей. Однако настоящая беда пришла все-таки извне.

Глава 8. КРОВЬ В САГАЛЛО

Ашиновская экспедиция не прошла незамеченной. Высадка русских на африканский берег положила начало крупному замешательству в международных отношениях. Интересы великих держав слишком тесно переплелись на Африканском Роге, и появление здесь еще одного соперника не было нужно никому, даже французам с их симпатией к России. Между столицами крупнейших европейских держав началась лихорадочная дипломатическая переписка, в центре которой находился еще совсем недавно никому не известный, безродный самозванец. Первой беспокойство проявила Италия. Когда стало известно об использовании ашиновцами австрийского судна, итальянский посол в Вене граф Нигра выразил официальный протест, представив это как явно недружественные действия против своего партнера по Тройственному союзу. Венский кабинет был вынужден принести итальянцам извинения, директор австрийского пароходства, которому принадлежала «Амфитрида», был снят со своего поста¹⁹⁶. Итальянцы также постоянно информировали о продвижении ашиновцев французское правительство, надеясь, что оно найдет способ утихомирить русского авантюриста. В Петербурге итальянский посол Маркетти весьма настойчиво требовал от министра иностранных дел Н.К. Гирса объяснений по поводу ашиновского вояжа в Африку. Гирсу пришлось использовать все свое мастерство дипломата, чтобы убедить итальянца в полной непричастности русского правительства к предприятию авантюриста. В беседе с послом министр признался, что в высшем петербургском свете немало весьма влиятельных людей симпатизируют Ашинову и он ничего не может поделать с этим. Так, бросая тень на собственные возможности в правительстве и даже почти намекая на неспособность самодержца контролировать своих подданных, Гирс смог отмежеваться от действий «вольного казака» и избежать ухудшения отношений с Италией.

Французское правительство вело себя в этой ситуации непоследовательно. Прекрасно зная о намерении Ашинова появиться в зоне их влияния, оно не сделало ничего, чтобы воспрепятствовать высадке русских в Таджикистане. По некоторым данным, в момент выгрузки экспедиции рядом находилась французская

канонерка «Метеор», но ее экипаж только наблюдал за происходившим¹⁹⁷. Более того, колониальные власти Обока никак не прореагировали и на занятие ашиновцами крепости Сагалло, хотя эта местность была приобретена ими у местного племенного вождя еще в 1882 г.¹⁹⁸ Скорее всего, французское правительство, а вслед за ним и власти Обока всерьез полагали, что настоящей целью русской экспедиции действительно является Абиссиния. Против религиозной миссии, пусть даже и в сопровождении большой охраны, французы ничего не имели. Поэтому кратковременное пребывание русских на их территории по сути в Абиссинию не представлялось им опасным.

Лишь через несколько дней стало окончательно ясно, что Ашинов не думает о дальнейшем движении в Абиссинию, а, напротив, обживаете в Сагалло и собирается обосноваться там навсегда. Спустя неделю после переезда русских в крепость французы, наконец, решили напомнить «атаману» о том, что он находится на чужой территории. В «Новую Москву» был отправлен из Обока легкий крейсер «Пэнгвэн». Прибывший в крепость офицер Люи передал Ашинову требование обокского коменданта в кратчайшие сроки покинуть Сагалло. В ответ тот заявил, что будет считаться только с мнением настоящего хозяина этой земли — Магомет-Лейты. Поскольку же «султан» в данный момент отсутствовал, воюя со своими соседями, до его возвращения Ашинов отказался предпринимать что-либо. Тогда офицер потребовал от русских сдать лишнее оружие. «Атаман» отказался, высокомерно ответив, что лишнего оружия у него нет, но даже если бы оно и было, то ни за что не отдал бы¹⁹⁹. Не ожидавший такой наглости француз ретировался несолоно хлебавши.

Получив известия об этом, 25 января 1889 г. французский министр иностранных дел Гобле запросил русского посланника в Париже Коцебу об отношении России к авантюре Ашинова. На экстренный запрос посла осторожный Н.К. Гирс сам отвечать не решился и представил его на усмотрение Александра III. Царь давно уже сожалел о том, что разрешил выпустить из России столь скандальную экспедицию. Еще 12 января 1889 г., получив от К.П. Победоносцева очередное ашиновское послание, он написал на нем: «Я все-таки думаю, что этот пройдоха Ашинов всех надует, оберет и бросит, что он уже не раз делал. Французы, мы знаем, не желают их пустить в Обок, и вряд ли что

выйдет из всей этой экспедиции»²⁰⁰. Последующие события только подтвердили сомнения императора. Он оказался весьма недоволен таким развитием событий. По его приказу министр телеграфировал в Париж: «Императорское правительство не принимает никакого участия в предприятиях Ашинова, который действует на свой собственный страх, нам ничего не известно о заключении будто бы означенным лицом соглашения с местным туземным начальником, и если Сагалло находится в пределах французского протектората, то, как само собой разумеется, Ашинов обязан подчиниться существующим в этой местности правилам»²⁰¹.

Получив необходимые разъяснения, французское правительство решило продемонстрировать ашиновцам свою военную силу. Тридцатого января к Сагалло подошли три французских военных судна — «Метеор», «Пэнгвэн» и «Примогэ». Они не спеша прошли бухту, делая промеры глубин, затем выстроились в боевую линию, открыто демонстрируя враждебные намерения. На шлюпке в крепость вновь прибыл уже знакомый русским лейтенант Люи. Он передал Ашинову распоряжение коменданта Обока прибыть к нему. Явно не понимая серьезности своего положения, «атаман» пожал плечами и беззаботно ответил, что ему не хочется никуда отправляться. Если комендант желает познакомиться с русскими, он может сам к ним приехать. Получив столь обескураживающий ответ, лейтенант, тем не менее, во исполнение инструкции потребовал от ашиновцев, по крайней мере, спустить русский флаг и тем самым отказаться от претензий на эту территорию. Но и на это предложение авантюрист отреагировал крайне вызывающе. «Мы русские подданные, — заявил Ашинов, — и спускать флаг перед кем бы то ни было считаем унизительным». «Атаман» указал французу на место рядом с крепостью, сказав: «Если вам так хочется водрузить свой флаг, можете вывесить его там, мы не тронем»²⁰². Получив столь жесткий ответ, французы вновь ушли из бухты обратно в Обок. Ашинов торжествовал победу. Вероятно, он считал, что после такого отпора его больше никто не осмелится беспокоить. Но это было не так.

Второго февраля, узнав от французов о поведении Ашинова, русский посланник в Париже отправил в Петербург телеграмму: «Ашинов продолжает сопротивляться. Французское правительство не решается применить силу, но должно будет на

это решиться, сожалея, что религиозная миссия осложнилась военной авантюрой. Пароход «Царица», по-видимому, грузит для него еще оружие и продовольствие. Французский крейсер воспрепятствует разгрузке. Не запрашивая этой услуги официально, Гобле сообщил мне, что был бы счастлив, если бы императорское правительство взяло на себя прямо предложить Ашинову сдать. Если он сдаст излишнее оружие и признает французскую власть в Сагалло, его оставят в покое»²⁰³. Александр III, получив это донесение, был взбешен. В присущей ему грубоватой и малограмотной манере царь наложил на шифрованной телеграмме такую резолюцию: «Непременно надо скорее убрать этого скота Ашинова оттуда, и мне кажется, что и духовная миссия Паисия так плохо составлена и из таких личностей, что нежелательно его слишком поддерживать; он только компрометирует нас, и стыдно будет нам за его деятельность»²⁰⁴. Добрые отношения с великими державами, и в особенности с важнейшим стратегическим союзником — Францией, оказались для самодержца важнее, чем неясные перспективы приобретения незамерзающего порта. В раздражении Александр III велел напечатать в газете «Кронштадтский вестник» рапорт капитана Пташинского о безобразиях ашиновцев в Порт-Саиде. Этот рапорт перепечатали почти все российские газеты, и с этого времени пресса заняла в отношении экспедиции довольно скептическую позицию.

Помимо инструкции русскому посланнику в Париже, Н.К. Гирс также информировал и французского посла в Петербурге, что Россия найдет естественным и законным, если Франция примет меры доказать Ашинову свои права на территорию, занятую русским отрядом. Французскому правительству было сообщено также, что Россия направит в Сагалло свое военное судно со специальной целью призвать зарвавшегося авантюриста к порядку. Правда, в этом сообщении имелась небольшая оговорка: на отправку корабля к побережью Африканского Рога потребуется определенное время²⁰⁵. Таким образом, получалось, что Россия в принципе не имеет ничего против, если французы решат самостоятельно разобраться с ашиновской экспедицией.

Получив от российского правительства фактическое разрешение на насильственные действия против «казаков», французские власти немедленно предприняли решительные действия.

К этому их подтолкнули и известия о распрях в стане самих ашиновцев. К началу февраля несколько дезертиров из Сагалло достигли Обока. Стремясь оправдать свое бегство, они рисовали французам самую мрачную картину происходившего на занятой русскими земле. Один из них, Гордасевич, обвинял своего предводителя в организации грабежей, изнасилованиях и прочих притеснениях местного населения. Другой, Беляев, прямо призывал французов применить вооруженную силу и арестовать Ашинова.

Пятого февраля 1889 г. в Сагалло выдался прекрасный день. Светило яркое солнце, с моря дул освежающий ветерок. В 12 часов дня, когда ашиновцы сели обедать, на траверзе Сагалло вновь появились военные суда. Теперь их было четыре — «Метеор», «Пэнгвэн», «Примогэ» и «Скорпион». По свидетельству очевидца, на борту кораблей находились некоторые дезертиры из числа ашиновцев — Вороной и Михалапов. Суда медленно прошли мимо крепости, затем выстроились напротив нее в боевую линию. От ближайшего судна отделилась шлюпка и направилась к берегу. На этот раз в лодке находился не знакомый уже Ашинову офицер, а туземец. Он передал вышедшему навстречу из крепости «атаману» требование коменданта Обока Лагарда немедленно очистить крепость. В противном случае, заявил парламентар, против русских будут приняты самые решительные меры.

Ашинов и на этот раз вел себя абсолютно безмятежно. Он отказался говорить с туземцем и передал через него свою просьбу: чтобы для переговоров прибыл кто-либо из офицеров. Посланец отправился обратно на судно, а тем временем Ашинов делал распоряжения по организации торжественной встречи представителя французских властей. Для праздничного обеда зарезали барана, из хранившихся в подвале бочек налили вина. Рядовые ашиновцы получили усиленные порции водки для хорошего настроения и для угощения французских матросов. Пока с кораблей не последовало никакого ответа, Ашинов даже прилег отдохнуть. «Атаман», похоже, ни на минуту не допускал, что французы решатся не только на кровопролитие, но даже на другие мало-мальски насильственные меры против представителей дружественной России.

Командующий французской эскадрой адмирал Ольри некоторое время выжидал. В бинокль с кораблей было прекрасно видно, что ашиновцы и не думали выполнять ультиматум. В отли-

чие от них, французы были настроены предельно серьезно. На судах полным ходом шла подготовка к боевой операции. Около трех часов пополудни командование эскадрой наконец отдало приказ о ее начале. Первый выстрел из корабельного орудия был предупредительным и одновременно выполнял роль пристрелочного. Снаряд прошел довольно далеко от «Новой Москвы».

Ашинов настолько был уверен в своей неприкосновенности, что даже орудийный залп не привел его в чувство. Он принял выстрел с корабля за... салют и отдал своему ординарцу М. Цейлю распоряжение помахать французам в ответ флагом. Но второй же снаряд из 140-миллиметрового орудия угодил точно в цель. Он попал в главное здание форта, в помещение для семейных. Затем туда же попали еще два снаряда. Здание обрушилось, похоронив под своими обломками двоих женщин и троих детей. Тем временем на территорию крепости продолжали методично падать снаряд за снарядом. Интенсивность огня была небольшой, но для слабых укреплений и невеликого размера крепости ее вполне достало.

Среди ашиновцев поднялась невообразимая паника. Все бросались из стороны в сторону, не зная, что делать. Женщины и дети подняли страшный плач и крик. Оказавшийся к моменту обстрела на крыше, Цейль пытался флагом подать знаки кораблям. Он успел два раза спустить и поднять его, но вскоре бомба попала рядом, в крышу казармы, и Цейль исчез в клубах дыма и пыли. Сам «атаман», казалось, находился в прострации. Единственное, что он попытался сделать для организации сопротивления, так это отдал приказ первому взводу выйти из крепости и построиться цепью на берегу. Совершенно очевидно, что это приказание не имело никакого смысла в условиях полного превосходства французов в тяжелых вооружениях и привело бы только к быстрой гибели «казаков». К счастью для них, это приказание из-за всеобщей сумятицы не было исполнено.

Выстрелы и взрывы продолжались. Ашиновцу Делету раздробило кисть правой руки, «казака» Шевченко прямым попаданием буквально разорвало на куски. В ногу была ранена Рубцова, у которой минутами раньше завалило двоих детей в помещении для семейных. В здании казармы возник пожар. Находиться далее в осыпаемой снарядами крепости было бессмысленно и опасно. Половина ашиновского отряда пустилась бе-

жать в лес. Оставшиеся верными своему «атаману» примерно семьдесят человек укрылись в крепостном рву. Как обычно бывает в подобных ситуациях, трусость одних сочеталась с хладнокровием и даже настоящим героизмом других. Под выстрелами доктор Добровольский и фельдшер Ланде подбирали раненых и оказывали им помощь в палатке-лазарете. Им помогала жена Ашинова. Невзирая на смертельную опасность «казаки» Ингистов, Соловьев, Родионов и еще один, чья фамилия из-за суматохи осталась неизвестной, вынесли из порохового погреба боеприпасы и закопали их во рву. Иеромонахи Антонин и Ювеналий выносили из разбитой церковной палатки богослужебную утварь²⁰⁶.

Видя, что крепость уже полуразрушена, а от его отряда остались жалкие деморализованные остатки, Ашинов решил поднять белый флаг. Поскольку такового в крепости не имелось, «казак» Иванов снял с себя нательную рубаху. Она была водружена на флагшток, но обстрел продолжался еще несколько минут. Наконец на кораблях убедились в том, что ашиновцы действительно капитулировали, и орудия замолчали. Всего обстрел продолжался 15 минут, по крепости было выпущено 11 снарядов из 140-миллиметровых орудий и сделано 52 выстрела из скорострельных пушек Гочкиса. Двадцать два человека получили ранения, некоторые тяжелые. Было убито шесть человек: Дарья Марченко, Мария Мартынова (бывшая на последнем сроке беременности), ее шестилетний сын Роман, дети «казака» Петра Рубцова — четырехлетняя Матрена и двухлетний Степан. Из «казаков», против которых, собственно, и была предпринята эта акция, погиб только один Михаил Шевченко²⁰⁷. За безответственность предводителя расплатились жизнью самые невинные — женщины и дети. Ашиновская авантюра, начавшись фарсом, завершилась как кровавая трагедия.

После прекращения обстрела люди стали вылезать из-под дымящихся развалин, из крепостного рва, выходить из леса. Все собрались на берегу залива, сюда же вынесли трупы и раненых. Ашиновцы находились в крайне подавленном состоянии. Многие из них всерьез ожидали настоящей расправы со стороны французов. Но шлюпка с кораблей прибыла только через полчаса. На встречу с французскими офицерами вышел Паисий, как глава духовной миссии. Переводчиком служила супруга Ашинова. Сам же «атаман», окончательно растерявший всю свою

былую храбрость и воинственность, предпочел остаться в крепостном рву.

Паисий и Софья Ашинова попытались было выразить французам протест против варварской бомбардировки, но те никак не отреагировали на гневные слова. Как заявил один из офицеров, русские сами были виноваты в том, что случилось. Они осмотрели берег и развалины крепости и отплыли обратно. Раставаясь, Паисий попросил прислать на берег корабельных медиков для помощи многочисленным раненым. Однако вместо докторов еще через полчаса появился другой офицер, передавший, что без разрешения обокского коменданта никому помощь оказана не будет. Для консультаций в Обок отправился «Пэнгвэн». Тогда Паисий и Софья Ашинова сами поплыли на «Скорпион», чтобы телеграфировать обо всем произошедшем в Россию. Но им отказали и вернули обратно на берег²⁰⁸.

Вечер и ночь ашиновцы провели на развалинах крепости. Сна ни у кого не было. Слышались стоны раненых, плач женщин и молитвы монахов. По общему признанию, эта ночь рядом с трупами близких стала для многих самой жуткой в жизни. Наутро плотники сколотили гробы, была выкопана одна общая могила. Убитых отпели по православному обряду и похоронили под скорбное молчание. В подавленном состоянии ашиновцы ждали решения своей участи.

Приблизительно в 10 часов утра к Сагалло подошел из Обока фрегат «Синьоле». Французы объявили Паисию, что берут всю экспедицию на борт своих кораблей и отвезут русских в Джибути, откуда начиналась прямая сухопутная дорога в Абиссинию. Они клятвенно обещали, что помогут с организацией каравана для отправки миссии и даже оплатят все расходы, связанные с этим. Единственное требование, которое выдвинули французы, заключалось в полной сдаче всего оружия. Паисию волей-неволей пришлось согласиться с этим полупредложением-полуультиматумом. Выбирать было не из чего. Правда, по свидетельству Л. Николаева, Магомет-Лейта предлагал Ашинову продолжать сопротивляться и даже обещал привести на помощь русским 500 своих воинов, но «атаман» отказался²⁰⁹. Очевидно, крах собственной авантюры полностью обескуражил и надломил его. Ашинов оставался в прострации и безучастно взирал на все происходившее. Впоследствии он объяснял свое поведение контузией, полученной при обстреле.

Около часу дня к берегу приблизился «Пэнгвэн», и оттуда бывший ашиновец Вороной в рупор предложил всем желающим сдать и отойти от крепости в пальмовый лесок, располагавшийся примерно за версту. Около 50 ашиновцев выполнили это указание, после чего их перевезли на борт корабля на шлюпках. Затем настала очередь руководства злополучной экспедиции. Капитан фрегата «Синьоле» от имени адмирала Ольри потребовал, чтобы Ашинов с супругой и Паисий тут же поднялись на борт его судна. После недолгих переговоров было решено, что французы гарантируют русским сохранность их вещей, остающихся на берегу. Тогда супруги Ашиновы перебрались на «Синьоле», а Паисий остался на берегу присматривать за процессом перевозки имущества миссии на французские корабли.

Около трех часов пополудни к берегу пристали два паровых катера и 8 гребных шлюпок с вооруженными матросами. Высадившись, они заняли все выходы из крепости и оцепили всю территорию вплоть до опушки леса. Раненых осмотрел судовой врач, но, по уверению ашиновцев, не оказал им никакой помощи. Тотчас началась перевозка людей и грузов на корабли. Ашиновцев переправили на суда первыми. Для контроля за сохранностью их вещей у крепости были оставлены автор воспоминаний Николаев, Ингистов, Цейль и Алексеев. За церковным имуществом смотрели Паисий, иеромонах Антонин и монах Михаил.

Перевозка грузов на корабли заняла много времени. Постоянно возникали неизбежные в таком деле эксцессы, связанные с посягательством французских матросов на содержимое ашиновского багажа. Пока было светло, порядок в целом соблюдался. Грузы переносились бережно, их не трогали. Но вскоре стемнело. Берег осветили электрическими прожекторами с судов, из привезенного ашиновцами леса зажгли пять больших костров. Но света явно не хватало, и в укромных уголках началось мародерство. По утверждению Николаева, матросы без стеснения разбивали ящики, воровали церковную утварь и личные вещи. Бочки со спиртом и вином были разбиты, и некоторые матросы были уже пьяны. Один из французов умудрился даже стащить чемодан у присматривавшего за грузом Ингистова. На все протесты русских и рядовые матросы, и офицеры отвечали, что правительство России разрешило им обращаться с ашиновцами как с пиратами ²¹⁰.

К утру 7 февраля все самое ценное было погружено. Берег был усеян поломанными вещами и разбитыми ящиками. К 10 часам утра всех остававшихся на берегу русских перевезли на «Примогэ». Инженерная команда французов выкопала припрятанный ашиновцами порох и заложила заряды под развалинами крепости. Вскоре все, что еще могло быть использовано кем-либо в качестве укрепления, взлетело на воздух. Под этот печальный салют эскадра с ашиновской экспедицией на борту вышла в море. «Станица Новая Москва» перестала существовать.

Известия о произошедшей в Сагалло трагедии достигли России довольно быстро. Уже восьмого марта управляющий Морским министерством адмирал Н.М. Чихачев получил телеграмму от капитана 2-го ранга Чухнина, командира стоявшей в аравийском порту Аден канонерской лодки «Манджур». Моряк докладывал: «Пятого французы силою взяли Ашинова. Раненых 22. Ожидаю приказание — уходить или будет другое распоряжение»²¹¹. Это была та самая канонерка, посланная в окрестности Баб-эль-Мандебского пролива еще покойным министром И.А. Шестаковым для занятия «открытого» Ашиновым порта на африканском побережье. Очевидно, Чухнин считал следующей мишенью французов себя и свое судно, почему и собирался экстренно уходить из опасного района. Морской министр сразу поставил в известность дипломатическое ведомство и царя. Реакция Александра III была однозначной. Он и его правительство были поставлены безвестным авантюристом в крайне неловкое положение. Случившееся могло помешать успешно проходившему процессу российско-французского сближения и оформления военно-политического союза двух держав. Этого царь не мог допустить ни в коем случае. Поэтому он безоговорочно поддержал действия французских моряков. Десятого февраля 1889 г. В.Н. Ламздорф записал в дневнике: «Вчера на балу в Эрмитаже государь говорил с г. Гирсом об инциденте с Ашиновым, который, по его мнению, получил только то, чего заслуживал. В этом же смысле государь высказался перед тем в беседе с французским послом»²¹². Никаких протестов или по крайней мере сожалений из-за случившегося кровопролития Александр III не высказал. Судьбы его подданных были легко принесены в жертву большой политике.

Царь понимал, что случившееся в Сагалло неизбежно получит широкую огласку. Чтобы упредить нежелательную для правительства реакцию русского общества, он приказал поместить официальное сообщение о бесславном конце ашиновской экспедиции в «Правительственном вестнике». Оно появилось уже через три дня. В нем говорилось: «Императорское правительство полагает, что не представляется основания возлагать на французские власти в Обоке ответственность за происшедшее в Сагалло кровопролитие и что ответственность за это должна всецело пасть на Николая Ашинова, решившегося нарушить спокойствие в пределах территории, подведомственной державе, находящейся в дружественных отношениях с Россией. <...> Происшедшие в Сагалло замешательства останутся без влияния на существующие между Россией и Францией отношения»²¹³.

Цензурное ведомство получило строгое указание не пропускать в печать материалов, где Ашинов и его экспедиция выставлялись бы в сочувственном свете, чтобы избежать нагнетания шовинистических страстей. Это было сделано вовремя: многие издания националистической направленности продолжали пропагандировать идею русского поселения в Африке. Так, в «Московских ведомостях» готовилась к публикации телеграмма, гласившая: «Образовалось новое общество с солидными денежными средствами для колонизации Абиссинии. Переселенцы отправятся в двух партиях. Во главе первой стоит молодой врач, второй заведует крупный финансист. Общее число переселенцев около 300. Отправляются весной»²¹⁴. Отрицательные сведения об Ашинове, напротив, пропускались в печать беспрепятственно. Российская пресса наполнилась материалами, разоблачающими Ашинова как авантюриста. Даже редакция журнала «Русский вестник», прежде рьяно поддерживавшая «атамана», вынуждена была признать, что охрана «святого дела» — духовной миссии по установлению связи с чернокожими христианами — была вверена в «нечистые руки»²¹⁵.

Вечером 7 февраля французские корабли пришли в Обок. Руководство миссии — Паисия, Ашинова с женой, отцов Антонина и Ювеналия и шестерых ближайших помощников «атамана» — разместили в госпитале. Остальных ашиновцев распределили по частным квартирам. Багаж экспедиции был также выгружен и помещен в портовые склады. Стало очевидно, что

французы нарушили свое обещание отвезти русских в Джибути, откуда они могли отправиться в Абиссинию. Поняв этот обман, Паисий пробовал было послать телеграммы с протестом французскому правительству и с изложением всего произошедшего в Петербург, но местные власти отказались принять их. Затем Ашинова с супругой вновь перевели на борт военного судна. Видимо, французы всерьез опасались, что легендарный «атаман» устроит в Обоке бунт и захватит власть. Вслух же было заявлено, что это делалось в целях безопасности самого Ашинова, с которым якобы хотят расправиться некоторые из его спутников. От рядовых членов экспедиции французы потребовали отмежеваться от действий их предводителя и раскаяться. Многие пошли на это, но 42 человека отказались предать своего «атамана». Их изолировали от общей массы и заперли в бараке под вооруженной охраной. По свидетельству Л. Николаева, бывшего в числе арестованных, кормили их чрезвычайно плохо. Два раза в день давали только жидкую рисовую кашу без всяких ложек и тарелок. Ашиновцам приходилось черпать эту жижу пригоршнями. Согласно этому же источнику, французы склоняли некоторых членов экспедиции дать показания, обвиняющие Ашинова в намерении захватить и разграбить Обок. Паисия и монахов поместили в цейхгауз на другом конце города ²¹⁶.

Через несколько дней тюремщики сменили свою тактику. Теперь они заявляли, что, расстреливая русских, они имели целью только остановить авантюру Ашинова по захвату их территории. Против духовной же миссии они ничего не имеют и готовы ее свободно пропустить в Абиссинию. Паисий отказался принять это предложение. Он уже знал, как французы держат свои обещания. Архимандрит просил теперь только одного — возможности ему и его спутникам вернуться домой, в Россию. Не добившись от ашиновцев ничего, французы потеряли к ним интерес. Арестованные были выпущены на свободу, их питание значительно улучшилось. Теперь изменилось и отношение рядовых французов к доставленным в Обок русским. Офицеры приносили им пиво, сардины, табак, выражали искреннее сожаление о случившейся трагедии ²¹⁷. Обокские власти явно не знали, что им дальше делать с ашиновцами. В ожидании решения русские провели в поселке несколько томительных дней. Городок был очень небольшим, французов здесь обитало не

более двухсот человек. Остальные — местные аборигены, китайцы, индийцы, вьетнамцы — составляли обслуживающий персонал торговой фактории. Заняться в Обоке было решительно нечем.

Все это время между Парижем и Петербургом продолжалось обсуждение того, как быть с ашиновцами дальше. Французское руководство, по-видимому, в глубине души чувствовало себя неловко. Пролитая в Сагалло кровь могла быть оправдана лишь в случае вооруженного сопротивления русских. Те же покорно сдались в руки колониальных властей и вели себя вполне послушно. Следовательно, оснований для какого-либо преследования экспедиции Ашинова у французов не было. Париж не меньше Петербурга был заинтересован в сохранении взаимных дружеских отношений. На всем протяжении ашиновской эпопеи не только русское, но и французское правительство воздерживалось от резких публичных заявлений и предпочитало не предавать огласке свои контакты. После расстрела в Сагалло французское информационное агентство Гавас распространило сообщение, в котором подчеркивалось различие между ашиновцами и миссией Паисия: «Франция могла преследовать военное предприятие. Что же касается до предприятия религиозного, то оно заслуживало полного уважения с нашей стороны»²¹⁸. Явно стремясь подчеркнуть вынужденность применения силы против русских, один из высокопоставленных французских дипломатов в частной беседе даже признался послу Коцебу, что его правительство решилось принять крайние меры против экспедиции Ашинова только по настоянию лондонского кабинета²¹⁹.

Инцидент в Сагалло практически всеми во Франции был воспринят с сожалением. Шовинистическая Лига патриотов П. Деруледа опубликовала весьма эмоциональный манифест с резкими обвинениями правительства в стремлении разрушить столь выгодный для Франции стратегический союз с Россией. Буланжисты почти прямо обвинили министерство Гобле в национальной измене. За этот манифест против Лиги было возбуждено судебное преследование, и в результате она была распущена, но общественное мнение страны было в целом настроено по отношению к ашиновцам вполне дружелюбно. Газеты «Presse» и «France» открыли подписку в пользу семей пост-

радавших и погибших, давшую неплохие результаты. Наконец, во французском парламенте был сделан депутатский запрос о подробностях событий в Сагалло. Поскольку отдавшее приказ о силовой акции правительство премьер-министра Флоке уже находилось в отставке, отвечать депутатам пришлось новому министру иностранных дел Э. Спюллеру. Он изложил вкратце общий ход дел и заявил, что считает инцидент достойным сожаления и прискорбным. Переходя к отношениям с Россией, Спюллер выразил чувство симпатии к дружественной нации, что вызвало аплодисменты. Палата депутатов официально заявила о присоединении к выраженным правительством дружественным чувствам по отношению к России и перешла к другим делам. Тем самым парламентарии сочли инцидент исчерпанным²²⁰.

Наконец, к середине февраля была достигнута договоренность о судьбе ашиновцев. Французские власти согласились отвезти членов экспедиции и их имущество в Суэц и передать там в руки представителей российского правительства. Никаких претензий на наказание русских за вторжение в пределы французской территории высказано не было. Это, по мнению французов, должно было компенсировать учиненное кровопролитие. Теперь настала очередь для русских дипломатов и военных решать, что делать с оскандалившимися «миссионерами». Советник российского консульства в Каире Кояндер прислал в МИД паническую телеграмму, где высказал опасение в успешности транспортировки ашиновцев через Суэц на попутном иностранном судне: «Доставка русских из Суэца до Порт-Саида представит крайние затруднения. К тому же египетской полиции в Суэце мало, и русские могут разбежаться». Он предложил выслать в Суэц специально для приема миссии русское военное судно. На этой телеграмме Александр III написал: «Действительно, это было бы лучше, и в особенности нельзя выпустить Ашинова»²²¹. В результате было решено задействовать в перевозке экспедиции сразу несколько русских кораблей.

Восемнадцатого февраля началась погрузка ашиновцев на французские суда. Основная часть экспедиции была размещена на крейсере «Примогэ», осетин почему-то вместе с имуществом привезли на «Синьоле». Ашинов с супругой был также доставлен на «Примогэ», но его французское командование держало

отдельно от общей группы, очевидно, боясь каких-либо осложнений. Переход до Суэца прошел без приключений, и ночью 19 февраля вся экспедиция была там передана на борт русского военного клипера «Забияка». Если верить воспоминаниям Николаева, при перегрузке французские моряки украли бриллианты у жены Ашинова и оружие у двух человек. Высадив своих подневольных пассажиров, «Синьоле» и «Примогэ» ушли обратно в Обок²²².

Плавание по Суэцкому каналу заняло немного времени. Уже 23 февраля «Забияка» встретился в порту Порт-Саида с торговым пароходом «Лазарев». Поскольку клипер не был рассчитан на перевозку столь значительного количества людей, основная группа рядовых ашиновцев и монахов была пересажена на пароход. На «Забияке» же остался сам Ашинов с женой и наиболее активные члены его отряда. «Атаман» со своими сподвижниками находились на положении арестованных. Попавшие на «Лазарев» ашиновцы встретили там самый плохой прием. Капитан и команда относились к ним как к настоящим арестантам — держали взаперти, кормили крайне плохо. В Александрии пассажиры «Лазарева» пересели на другой пароход Русского общества пароходства и торговли, «Чихачев», где отношение к ним было уже гораздо лучше. На «Чихачеве» 136 неудавшихся искателей приключений 4 марта 1889 г. в 7 часов утра благополучно прибыли в Одессу²²³. Руководство же экспедиции ожидал другой маршрут. Ашинов, Паисий и его духовная миссия на «Забияке» были доставлены до пролива Дарданеллы, где их передали на шхуну «Туапсе». По распоряжению морского министра она отправилась, не заходя в Одессу, прямо на военноморскую базу Севастополь. Скорее всего, таким разделением экспедиции власти хотели изолировать верхушку отряда от рядовых членов. Здесь, в спокойных условиях, по делу «атамана» должно было начаться следствие.

Глава 8. В ОПАЛЕ

Судьба участников экспедиции Ашинова была решена Александром III еще задолго до прибытия их в пределы России. Еще 18 февраля 1889 г. В.Н. Ламздорф записал в своем дневнике: «Государь повелел, чтобы Ашинов был отправлен в один из самых отдаленных уездов Саратовской губернии и интернирован там на три года, чтобы товарищи его были сосланы и подверглись аресту, произвести строгое расследование для выяснения всей этой истории и нахождения виновников, и наконец, предоставить о. Паисия и сопровождавших его монахов в распоряжение Св. Синода»²²⁴. Но прежде надо было соблюсти все формальности. Для допроса Ашинова и производства дознания по его делу в Севастополь был специально отправлен жандармский полковник Цукаловский.

Следствие проходило довольно быстро. Уже 7 марта Северное телеграфное агентство сообщило, что иногородних рядовых ашиновцев решено отдать на поруки приехавшим родным. Очевидно, это касалось самых молодых участников экспедиции, выходцев из более или менее интеллигентных или состоятельных слоев. Четырнадцать раненых находились на излечении в Севастополе, двое тяжелораненых лечились в Одессе. Бывшее с Ашиновым духовенство вскоре обрело свободу и было отпущено для проживания в Севастополе. Паисий на допросах объяснял все злоключения миссии интригами французского католического духовенства в Обоке. Самого же Ашинова держали и допрашивали в целях безопасности на военном корабле. По распоряжению царя рядовые ашиновцы подлежали возвращению в места постоянного проживания. Те же, кто отказывался сделать это или не имел средств на проезд, отправлялись на родину этапным порядком — за казенный счет, вместе с преступниками и бродягами²²⁵.

Следователь Цукаловский подчинялся напрямую руководству Министерства внутренних дел. Все детали путешествия ашиновцев, открывавшиеся на допросах, незамедлительно сообщались им в Петербург. Неудивительно поэтому, что окончательное решение о судьбе подследственных было принято в столичных коридорах власти, скорее всего, самим Александром III. Четырнадцатого марта 1889 г. товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Н.И. Шебеко отправил севастопольскому

градоначальнику телеграмму с подробными распоряжениями, какие меры полиции надлежало принять по отношению к задержанным. В депеше говорилось: «Ашинова до выздоровления не отправляйте; жена его свободна, и собственное оружие может быть выдано». Подпоручика Михалапова, как офицера, следовало передать военному начальству. Главными сподвижниками Ашинова, разделившими ответственность за его деяния, признавались доктор Добровольский, Дзеранов, Цейль, Алексеев и Нестеров. В отношении их надлежало исполнить повеление Александра III — взять под гласный надзор полиции. Прочих же ашиновцев ждала отправка на родину или в места прописки без учреждения за ними надзора. В этой же телеграмме упоминался и абиссинец Авара, привезенный в Россию вместе с интернированными. О нем не сообщают другие источники, в том числе и весьма подробные воспоминания Л. Николаева. Очевидно, это был мальчик, привезенный «атаманом» из первого своего путешествия в Африку. Его следовало передать на попечение Ашинова²²⁶.

Несмотря на полученное распоряжение, севастопольские власти по каким-то причинам не спешили его выполнять. Находясь в полном неведении относительно своей судьбы и, вполне возможно, ожидая самого сурового наказания, Ашинов решил обратиться напрямую к министру внутренних дел. Д.А. Толстой считался человеком, весьма близким к покойному покровителю авантюриста М.Н. Каткову, и «атаман» надеялся на его снисходительность. Пятнадцатого марта он отправил министру пространное письмо с жалобами на действия французских и русских властей и особенно — дипломатов. Используя все свое обычное красноречие, Ашинов взывал: «Прошу Вас, Ваше сиятельство, как родного нашего русского патриота, встать за правду и приказать снять всякое насилие, сделанное на нас, ничем не заслуженное, дабы мы могли рассказать всю правду. <...> Я прошу Ваше сиятельство, так как Вы меня знаете, заступиться и позволить прибыть в Петербург и публично заявить о вопиющем русском деле, поруганном французами благодаря дипломатии»²²⁷.

Письмо было отправлено, но не понадобилось. Ашиновскую вольницу стали отправлять в разные места. Архимандрит Паисий выехал в Симферополь и после встречи с местным архиепископом отправился в Петербург для окончательного ре-

шения своей судьбы. Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, еще недавно стремительно продвигавший Паисия по служебной лестнице и всячески поддерживавший идею религиозной миссии в Абиссинию, теперь стремился всемерно откresтиться от причастности к скандалу. Паисий был направлен в фактическую ссылку: его перевели в распоряжение (читай — под надзор) экзарха Грузии в Тифлис. Когда шум вокруг провалившейся миссии утих, Паисия назначили настоятелем Сафарского Саввинского монастыря в Грузии. На этом посту он прослужил до 1900 г., когда по старости был переведен в братию Флорищевой пустыни Владимирской епархии.

Ближайшие сподвижники Ашинова встретили довольно мягкое отношение властей. Отставной пехотный капитан Н.Я. Нестеров ходатайствовал о разрешении проживать и отбывать полицейский надзор не на своей родине, а в Петербурге. Ему разрешили это. Вместе с ним осел в столице и доктор Добровольский. Ординарец Ашинова Мануил Цейль был направлен в Одессу, но по просьбе матери и ему разрешили переехать в Петербург. В мае 1889 г. А. Добровольский обратился в Департамент полиции с новой просьбой — на этот раз уже о снятии с него надзора. Ему не повезло, Александр III специально распорядился не принимать от спутников Ашинова никаких просьб. Впрочем, ашиновцы находились под надзором полиции недолго. Уже 31 августа 1889 г. от него был освобожден Добровольский, 13 сентября — М. Цейль. Капитан Нестеров избавился от надзора весной 1890 г.²²⁸

Супруге Ашинова Софье Ивановне разрешили выехать в свое имение, находившееся в Черниговской губернии²²⁹. Однако самого Ашинова еще некоторое время в полном соответствии с полученными инструкциями севастопольские власти держали под домашним арестом. Поэтому вместо черниговской деревни госпожа Ашинова приехала в Петербург, где принялась обивать пороги высоких кабинетов, хлопоча о смягчении наказания своему мужу²³⁰. Наконец выпустили под гласный надзор полиции и его. Точных сведений о месте пребывания злополучного «атамана» мы не имеем. В документах Департамента полиции прямо об этом не говорится, а пресса хранила полное молчание о дальнейшей жизни ашиновцев. По распоряжению царя органам печати было «предложено» воздерживаться от ос-

вещения этой темы²³¹. Можно лишь предположить, что и в отношении Ашинова было исполнено высочайшее повеление, и он отправился в один из уездов Саратовской губернии. Вероятнее всего, местом ссылки авантюриста стал его родной Царицын. Во всяком случае, в августе 1889 г. канцелярия саратовского губернатора сообщила в Департамент полиции о ходатайстве абиссинского подданного Авара-Микаеля-Айоольде-Георгиса (так его имя было записано в этом сообщении), переданного на попечение царицынского купеческого сына Николая Ашинова, о выдаче ему вида на жительство в России. В архивном деле не упоминается, получил ли абиссинец нужный документ, но очевидно, что проживал он вместе с Ашиновым. Следовательно, «атаман» также находился в Саратовской губернии²³². Но долго здесь Ашинов не задержался. Вскоре его супруге удалось добиться изменения приговора. Уже в октябре 1889 г. опальному авантюристу разрешили обосноваться в имении жены в Черниговской губернии. Так как никаких документов об этом в архивном деле не имеется, можно предположить, что здесь не обошлось без вмешательства неких высокопоставленных покровителей «атамана». По утверждению английского историка Ч. Есмана, за Ашинова заступился граф Н.П. Игнатьев²³³. Еще через несколько месяцев, 19 апреля 1890 г., с «вольного казака» по высочайшему повелению был снят гласный надзор полиции. Однако полного прощения Ашинов не получил. Вместо гласного надзора за ним был учрежден негласный, сохранявшийся еще некоторое время²³⁴.

Казалось, на этом авантюры Николая Ашинова должны были закончиться. Все его планы рухнули, ни одно из начинаний не удалось, сам он полностью находился в руках полиции. «Атаману» оставалось только уединиться в провинциальном имении и заниматься сельским хозяйством, на досуге вспоминая свои приключения. Однако Ашинов уже не раз ранее доказывал свои удивительные способности начинать сначала даже после полных поражений. Так было после бегства его с Черноморского побережья Кавказа, из «станции Николаевской», так произошло и после сокрушительного провала африканской экспедиции «вольных казаков». Ашинов выждал немного, пока страсти вокруг его имени улеглись, и снова ринулся навстречу приключениям.

По сообщению Ч. Есмана, в начале 1891 г. авантюрист решил предложить свои услуги недавним опасным противникам. В беседе с итальянским дипломатом он вызвался возглавить новую экспедицию в Абиссинию и использовать свои связи с эфиопскими правителями для ее успеха. Экспедиция эта должна была разведать глубинные земли в тылу итальянской колонии Эритрея. То, что в результате выиграли бы только итальянцы, теперь Ашинова абсолютно не волновало. Главным для него всегда была власть над подчиненными людьми и, возможно, погоня за новыми впечатлениями. Однако это предложение не нашло отклика²³⁵. Тогда Ашинов решил обратиться за помощью к своим старым друзьям.

В феврале 1891 г. авантюрист объявился в Париже. Здесь он удостоился самого восторженного приема со стороны французских ультранационалистов. «Атаман» снова блистал в салоне Жюльетты Адан с проектами совместного проникновения в Африку, выслушивал изъявления дружеских чувств к русскому народу и соболезнования по поводу гибели женщин и детей в Сагалло. Французы кляли свое правительство, намекали на интриги англичан и немцев, обещали всяческое содействие в дальнейших шагах «вольного казака». Возможно, его давний почитатель Ж.-Р. де Константен обещал ему и материальную помощь по организации нового вояжа в Абиссинию. Стремясь оправдать Ашинова в глазах широкой французской публики, виконт опубликовал на страницах журнала Ж. Адан подробнейшее изложение всей жизни и деятельности «вольного казака», составленное в апологетическом ключе²³⁶.

Приободренный, Ашинов начал действовать. Вскоре он направил морскому министру Франции подробное письмо, в котором ставил правительство республики в известность о... своем скором возвращении в Африку. Отправлялся он туда, по его собственному выражению, чтобы «продолжить религиозную и цивилизаторскую миссию, которой сопутствуют все лучшие пожелания русского народа». Авантюрист просил от французских властей разрешения на свободный проезд для него и сопровождающего его священника. Ашинов также сообщил в письме, что намерен поставить в Сагалло на могилах русских памятник.

Обо всем этом русское правительство узнало из перлюстрированных телеграмм, отправленных из французского Мини-

стерства иностранных дел своему послу в Петербурге. Несмотря на дружественные отношения с Францией, Александр III не гнушался вскрывать корреспонденцию своих союзников. Царь, похоже, не до конца понимал разницу между возможностями правительства в самодержавной России и республиканской Франции. На телеграмме, извещавшей о письме Ашинова французскому морскому министру, он в недоумении написал: «Отчего они его просто не прогонят из Франции?»²³⁷ Будучи крайне недовольным новым появлением надоевшего авантюриста на международной арене, Александр III заинтересовался — кто из русских чиновников, зная об отношении правительства к Ашинову, осмелился выдать ему заграничный паспорт. Оказалось, что выпустить скандально известного «вольного казака» за границу рискнул сановный авантюрист, давний знакомый и энергичный сторонник «атамана» нижегородский губернатор Н.М. Баранов. Любой другой человек за столь вопиющее нарушение державной воли по меньшей мере удостоился бы высочайшего разноса, а то и лишился бы своей высокой должности. Однако старинная симпатия императора к бывшему моряку вновь, как и в других случаях, позволила тому выйти сухим из воды. Баранову не сделано было даже небольшого замечания. По распоряжению Александра III в российское посольство в Париже был отправлен приказ Ашинову немедленно вернуться в Россию. Как доверительно сообщил Н.К. Гирсу министр внутренних дел И.Н. Дурново, пограничной страже был отдан секретный приказ: «Как только появится Ашинов, арестовать его и сослать в Якутск»²³⁸.

Авантюрист, очевидно, понимал опасность возвращения в Россию и даже не думал выполнять приказ. Пробыв зиму 1891 г. в Париже и, скорее всего, так и не получив от французов обещанной материальной помощи, он покинул Францию. Впрочем, парижские патриоты уже помогли Ашинову. Все его пребывание на французской земле оплачивалось ими. Из Парижа «атаман» отправился не в желанную Абиссинию, а на берега туманного Альбиона. Точных сведений о пребывании его в Лондоне мы не имеем. Возможно, разочаровавшись в итальянской и французской помощи, он решил попытать счастья с английским правительством. Никакой мести со стороны англичан за невыполнение диверсионного контракта шестилетней давности

ти Ашинов теперь не боялся. Былые страхи за свою жизнь являлись, очевидно, только средством поднять собственную значимость в глазах легковых слушателей в России.

Из Лондона «вольный казак» отправил 24 июля 1891 г. письмо Александру III, в котором с удивительным упорством, граничащим с наивностью, снова рисовал перспективы приобретения земель в Африке. Он просил высочайшего разрешения вновь отправиться туда для захвата обширной территории, «богатой золотом и драгоценными камнями». Эту землю Ашинов собирался преподнести русскому императору во искупление собственных грехов, как некогда казачьи атаманы во главе с Ермаком заслужили прощения за свои преступления, подарив России Сибирь. Заканчивалось письмо на своеобразной заговорщицеской ноте: «Прошу и молю, Ваше Императорское Величество, сего моего донесения никому и наипаче Министерству иностранных дел не передавать, сия для дела тайна должна остаться у тебя, Великий государь. Что еще узнаю, сообщу»²³⁹. Выведенный из себя наглостью самозванца, Александр III вернул письмо в Министерство иностранных дел с надписью, сделанной крупными буквами красным карандашом: «Записки сумасшедшего».

После Лондона следы Ашинова теряются на три с лишним года. Добрался ли он до Абиссинии на этот раз? Скорее всего, нет. С африканской страной у России уже имелись художественно налаженные контакты, и приезд туда столь одиозной личности не остался бы незамеченным. Очевидно, авантюрист некоторое время обивал пороги различных кабинетов в европейских странах, обещая золотые и алмазные горы, но все это закончилось ничем. В конце концов Ашинов вернулся на родину. Почему не был выполнен упоминавшийся И.Н. Дурново приказ об аресте «атамана» прямо на границе, неизвестно. Возможно, по прошествии времени страсти улеглись и об Ашинове забыли, возможно, ему просто повезло и громоздкая бюрократическая машина империи дала сбой. Как бы то ни было, через некоторое время «атаман вольных казаков» осел в имении своей жены.

Осенью 1894 г. Ашинова посетил в его имении в деревне Кременчуковке Лотаковской волости Суражского уезда, что в

северной части Черниговской губернии, корреспондент столичной газеты «Неделя». Герой Обока, друг мадам Адан и творец «молодецких скасок», по его словам, оказался довольно толстым средних лет господином с русой бородой и узкими голубыми глазами, в высоких ботфортах и парусиновой куртке на крючках, походившим на отставного военного. Небольшая гостиная, где шла беседа, была меблирована на турецкий манер: с коврами, подушками, софой и плетеными кружками для сидения на полу. Два шкафа и этажерка были заставлены китайским и японским фарфором. Угол соседней комнаты был заставлен громадными тюками и ящиками. В беседе, продолжавшейся до полной ночи, Ашинов подробно описал свои приключения в Африке и посетовал, что лишь отсутствие высоких покровителей погубило его начинание. «Плохо, что Катков умер — чрез это и погибло все», — сказал он в заключение своих рассказов.

Имение, в котором жил Ашинов, располагало 240 десятинами земли и 12 десятинами парка. Лишенная простора, его деятельная личность активно занялась хозяйством. Собственная пасека в 100 ульев, недавно разбитый фруктовый сад, посевы клевера, добротные амбары, скотный двор и другие постройки усадьбы свидетельствовали о незаурядной энергии хозяина. Выход своей удали Ашинов нашел в организации пожарной дружины. На каждый пожар в окрестных селах он выезжал на собственном пожарном обозе с бочками и насосами. В деревне на средства хозяина была открыта школа для крестьянских детей. Впрочем, страсть к завоеваниям и захватам, сделал вывод корреспондент, не оставила Ашинова окончательно. Правда, вместо африканского побережья объектом захвата стал кусок соседской земли, а разрешил конфликт вместо французского адмирала уездный земский начальник.

Перед отъездом Ашинов показал заезжему гостю свои главные реликвии — две великолепно отделанные сабли восточной работы. Одна была без ножен, с агатовой ручкой, украшенной золотом, с надписью по-гречески «Юстиниану Великому». Другая, турецкая, находилась в ножнах, богато усыпанных какими-то красными камнями. Как заявил хозяин пораженному визитеру, эта сабля прежде принадлежала самому султану Ахмету III и, по турецкому преданию, ее обладатель должен был завоевать Константинополь. Прощаясь, Ашинов многозна-

чительно сказал корреспонденту: «Вот поправлюсь (от ран ноги болят), да сын подрастет, опять уеду; я, знаете, прекрасное уже дельце наметил, держу пока в секрете»²⁴⁰.

На этом эпизоде история Николая Ашинова прерывается. Мы пока не имеем надежных сведений о его дальнейшей жизни. Современный историк А.В. Хренков упомянул в своей книге вскользь, что авантюрист «окончил свои дни в доме для сумасшедших»²⁴¹, однако не привел ссылки на источник этого утверждения. С другой стороны, в воспоминаниях одного из деятельных покровителей Ашинова инженера В.А. Панаева, опубликованных в 1906 г., содержится замечание, что в это время «атаман» по-прежнему проживал в имении своей жены и имел уже пятеро детей²⁴². По-видимому, деревенская жизнь с ее повседневными заботами укротила мятежного искателя приключений и он смирился со своей участью. Во всяком случае, вопрос о конце жизни Н.И. Ашинова еще предстоит выяснить.

Общественный резонанс вокруг походов «вольного казака» был столь велик, а личность эта, покрытая ореолом таинственности, являлась такой притягательной для романтических и легко увлекающихся натур, что рано или поздно приключения «атамана» должны были стать сюжетом авантюрного романа. Интерес публики к Ашинову вскоре после провала его экспедиции решил использовать начинающий беллетрист Юрий Кази-бек. Фигура этого человека, также авантюриста по натуре, была не менее яркой, чем ашиновская. По происхождению горец (настоящая фамилия Ахметуков), он был усыновлен тифлисским мещанином и вместе с его семьей переехал жить в Одессу. В восемнадцатилетнем возрасте Юрий встретил Ашинова, увлекся им и записался в формирующуюся абиссинскую экспедицию под именем Георгия Ахметова, фактически бежав из дома. Вместе с ашиновцами будущий писатель был схвачен французами, привезен в Россию и попал под следствие. Беря пример со своего кумира, на следствии Юрий скрыл свое настоящее происхождение и назвался «вольным казаком», уроженцем Константинополя, происходившим из «дворян-черкесов православного вероисповедания». По распоряжению генерала Шебеко его, как несовершеннолетнего, передали на попечение осетина Дзеранова и вместе с ним отправили под надзор полиции в селение Ардон Владикавказского округа. Впос-

ледствии «Ахметов» был призван в армию, но дезертировал и продолжал выдавать себя за подданного Турции. С 1894 г. он стал публиковать очерки и рассказы из кавказской жизни в различных журналах и газетах за подписью Юрий Кази-бек²⁴³.

В 1894 г. в журнале «Природа и люди» появился рассказ молодого писателя «Братья-богатыри» с подзаголовком «Из воспоминаний об экспедиции Н.И. Ашинова в Абиссинии». В нем автор представил публике события, никогда на самом деле не имевшие места. Сюжет рассказа был посвящен вымышленному походу экспедиции Ашинова из Таджуры в Абиссинию. Здесь имелся полный набор деталей, которые должны были подействовать на воображение читателя: и постоянные нападения на караван многотысячных отрядов разбойников-бедуинов, и героизм Ашинова и его спутников, и душераздирающие сцены вроде ночного «визита» в палатку предводителя дикого леопарда. Однако героический отряд преодолел все трудности. Восемь оставшихся в живых израненных русских все-таки добрались до абиссинской столицы, где были торжественно встречены негусом Иоанном. Обрато путешественники отправились в сопровождении большого почетного конвоя абиссинских воинов. В почти сказочной манере Кази-бек описывал храбрость, благородство и другие достоинства «атамана» и его «казаков». Сама повесть получила название из-за двух героев — братьев-украинцев, обладавших удалью былинного Ильи Муромца. Один из них как-то, похваляясь удалью, «взял верблюда за хвост и ударил оземь, но так сильно, что тот тут же испустил дух», второй убил грозного леопарда одним ударом дубины. На обратном пути один из братьев умер от ран, а другой, будучи не в силах перенести эту утрату, бросился с парохода в море и утонул²⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспедицию Николая Ашинова, как и другие его авантурные начинания, постигла полная неудача. Экспансионистские шовинистические круги в верхах русского общества, желавшие использовать предприятие «вольного казака» для колониальной агрессии, не смогли взять верх над осторожной линией Министерства иностранных дел. Причиной этого являлась не только разобщенность сторонников экспансии, действовавших каждый на свой страх и риск. Решающей оказалась позиция Александра III, трезво оценившего ситуацию и перспективы ее развития. Несмотря на все усилия, Ашинову и его высоким покровителям так и не удалось убедить царя взять авантюру под опеку государства. При всей реакционности внутренней политики самодержавия, в области международных отношений Александр III в целом проводил довольно реалистичную и отвечающую интересам России линию. Сыграла свою роль, очевидно, и традиционная континентальная направленность русской колонизации. Мысль о приобретении заморских колоний выглядела в общественном сознании страны довольно фантастично. Лишь при следующем императоре, более слабовольном Николае II, сторонникам колониальных захватов удалось добиться вовлечения России в гонку с другими великими державами на этом поприще. Но тогда речь шла уже не о «Русской Африке», а о «Желтой России» — Манчжурии и Корее. Позорный исход Русско-японской войны показал, насколько ничтожными были возможности России в этой гонке, и еще раз подтвердил правоту Александра III, устранившегося от борьбы за раздел Африки.

Экспедиция Ашинова, несмотря на свою неудачу, имела большое значение для развития российско-эфиопских отношений. События, связанные с ней, пробудили в русском обществе и правительстве интерес к установлению связей с далекой африканской страной. Сразу после событий в Сагалло в Абиссинию отправился в одиночку еще один русский — поручик В.Ф. Машков. В отличие от Ашинова, ему действительно удалось достигнуть абиссинской столицы и побывать у нового негуса Менелика. Поскольку Машков не ставил перед собой никаких колониальных целей, а его путешествие было вполне бескорыстным, он действовал с санкции царя. Поручик получил на

время поездки отпуск со службы, ему было выплачено жалование за год вперед. По возвращении в январе 1890 г. Машков был принят Александром III и передал ему письма и подарки от Менелика. В 1891 г. Машков предпринял новое путешествие в Абиссинию, и на этот раз получив государственную помощь. Эта экспедиция фактически установила между двумя государствами официальные отношения. В 1895 г. в Абиссинии побывала новая группа под предводительством капитана А.Ф. Елисеева и впервые в истории привезла оттуда эфиопское посольство. Оно было принято с большим почетом и возвратилось обратно, получив от царя значительное количество оружия и боеприпасов для абиссинской армии. В следующем, 1896 г. в Абиссинию отправился медицинский отряд, а в 1897 г. в ее столице обосновалась русская дипломатическая миссия. Впрочем, некоторые русские пошли по стопам Ашинова. Среди авантюристов, подвизавшихся в Абиссинии, самое видное место занял капитан Генерального штаба в отставке Н.С. Леонтьев, ставший в конце 1890-х гг. ближайшим советником негуса Менелика и дослужившийся при его дворе до титула графа и должности наместника одной из южных провинций страны.

Феномен Ашинова показал, что значительная часть русского общества была чрезвычайно восприимчива к появлению подобных ему самозванцев. В стране царило общественное затишье, вызванное политической реакцией правительства Александра III. На фоне бытового мелкотемья русской прессы мифические «вольные казаки» и их героические деяния стали настоящей сенсацией. Комментируя причины успеха Ашинова, фельетонист «Петербургской газеты» писал: «Это герой усталой современности, которой ни до чего нет дела. Вместо Ашинова мог явиться говорящий паук, осел — это решительно все равно. Здесь важна не личность, а общественный интерес к ней»²⁴⁵. Вместе с тем едва ли не главным ключом к успеху таких авантюристов являлась апелляция к патриотическим чувствам публики, а особенно — их простонародное происхождение. Какие бы ультранационалистические идеи ни выдвигал выходец из интеллигентной среды, он оставался одиночкой. Так было, например, с известным в начале XX века «корнетом Савиным» (он же граф де Тулуз-Лотрек), предлагавшим свою кандидатуру на болгарский престол, а также выдвигавшим план захвата

Кореи частным войском из сибирских каторжников. С другой стороны, именно использование открытых Ашиновым приемов — подчеркнутое бескультурье, переходящее в откровенное хамство, бравадование своей неграмотностью и «народным» языком — во многом обеспечило успех самого выдающегося авантюриста России начала XX века — Григория Распутина.

Деятельность Ашинова спровоцировала крупный международный скандал, изломала судьбы многих людей (поселенцы на Кавказе), привела к гибели шести человек. Лишь в одном деле она может оцениваться положительно. «Атаман» умудрился оставить след и в науке. Между двумя экспедициями в Абиссинию, в 1888 г., он издал в Петербурге в типографии своего почитателя В.В. Комарова «Абиссинскую азбуку и начальный абиссинско-русский словарь». Книга эта невелика по объему — 24 страницы и по тиражу — 200 экземпляров. В ней представлены эфиопские буквы и цифры, летоисчисление, наименование месяцев и дней. Как отмечалось в специальной литературе, для практического изучения амхарского языка ашиновская «Азбука» малопригодна ввиду своей неполноты, ошибок и неточностей. Но она широко используется лингвистами как вспомогательный материал при изучении истории амхарского языка, а также как источник для сравнения амхарской фонетики с русской²⁴⁶. Авантюрист мог быть доволен на закате своих дней. Его имя действительно осталось в истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чевычелов Д. Африканская авантюра царизма (1888—1889) // *Борьба классов*. 1936. № 3. С. 105—115.

² См.: Jesman С. *The Russians in Ethiopia: an Essay in Futility*. London, 1958.

³ См.: Хренков А.В. Эфиопская «миссия» Николая Ашинова (по неопубликованным документам архивов Москвы и Ленинграда) / Институт Африки АН СССР. М., 1987.

⁴ Николаев Л. Абиссинская миссия архимандрита Паисия и Н.И. Ашинова. Одесса, 1889. С. 39.

⁵ Jesman С. *Op. cit.* P. 19.

⁶ Лесков Н. Вдохновенные бродяги // *Северный вестник*. 1894. № 10. С. 45.

⁷ Панаев В.А. Из воспоминаний // *Русская старина*. 1906. № 11. С. 437.

⁸ Юниус 41-й. Геройство // *Петербургская газета*. 1889. № 57. 23 февраля.

⁹ Хренков А.В. Указ. соч. С. 5—6.

¹⁰ Николай Ашинов // *Волжско-донской листок*. 1886. 26 января.

¹¹ Там же.

¹² Мельников И. Кто такой Ашинов? // *Новости и биржевая газета*. 1889. 15 февраля.

¹³ Русские в Абиссинии // *Современные известия*. 1886. 20 января.

¹⁴ *Волжско-донской листок*. 1886. 26 января.

¹⁵ Там же. 1893. 25 августа.

¹⁶ *Современные известия*. 1886. 20 января.

¹⁷ Соколов С. Казацкая вольница // *Московские ведомости*. 1885. 31 марта.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Хренков А.В. Указ. соч. С. 6.

²¹ *Современные известия*. 1886. 20 января.

²² Биографические подробности об Ашинове // *Волжско-донской листок*. 1889. 24 февраля.

²³ *Русская старина*. 1906. № 11. С. 423.

²⁴ *Современные известия*. 1886. 20 января.

²⁵ Хренков А.В. Указ. соч. С. 6.

²⁶ *Русская старина*. 1906. № 11. С. 423.

- ²⁷ Панаев В.А. Указ. соч. С. 424.
- ²⁸ Там же. С. 425.
- ²⁹ Отдел рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ). Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 415. Л. 13—21.
- ³⁰ Там же. Л. 7.
- ³¹ Русская старина. 1906. № 11. С. 425.
- ³² Новости и биржевая газета. 1889. 19 февраля.
- ³³ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 3 об.
- ³⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 19—20.
- ³⁵ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 4.
- ³⁶ Там же. Л. 4—8.
- ³⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 20.
- ³⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 11, 13.
- ³⁹ Там же. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 415. Л. 9.
- ⁴⁰ Русь. 1885. № 4.
- ⁴¹ Московские ведомости. 1885. 31 марта.
- ⁴² Новое время. 1885. № 3207. 31 января.
- ⁴³ Русская старина. 1906. № 11. С. 426.
- ⁴⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 1—2.
- ⁴⁵ Там же. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 415. Л. 4—5.
- ⁴⁶ Там же. Л. 1.
- ⁴⁷ Там же. Л. 3.
- ⁴⁸ Там же. Л. 10.
- ⁴⁹ Ванновский П.С. — Каткову М.Н. 18 июля 1885 г. ОР ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. Ед. хр. 415. Л. 1—10.
- ⁵⁰ Русская старина. 1906. № 11. С. 427.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 427—429.
- ⁵³ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 9—10.
- ⁵⁴ Хренков А.В. Указ. соч. С. 16.
- ⁵⁵ Русская старина. 1906. № 11. С. 428.
- ⁵⁶ Хренков А.В. Указ. соч. С. 14.
- ⁵⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 10.
- ⁵⁸ См.: Успенский П. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 3—6; Он же. Участие России в судьбе Абиссинии // Там же. № 8.
- ⁵⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 3 (Аксаковы). Оп. 4. Ед. хр. 17. Л. 15.
- ⁶⁰ Там же. Л. 15—18.
- ⁶¹ Современные известия. 1886. № 12. 13 января.

- ⁶² РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 17—18.
- ⁶³ Современные известия. 1886. 13 января.
- ⁶⁴ Волжско-донской листок. 1889. 24 февраля. (Перепечатка из «Нового времени»).
- ⁶⁵ Современные известия. 1886. № 20. 21 января. (Перепечатка из «Нового времени»).
- ⁶⁶ Цит. по: Волжско-донской листок. 1889. № 637. 24 февраля.
- ⁶⁷ Соколов С. Русские в Абиссинии. М., 1886. С. 3.
- ⁶⁸ РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода). Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 23—24.
- ⁶⁹ Хренков А.В. Указ. соч. С. 18.
- ⁷⁰ Русская старина. 1906. № 11. С. 429.
- ⁷¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 120 (М.Н. Катков). Папка 20. Л. 195.
- ⁷² Там же. Папка 23. Л. 195—196.
- ⁷³ Русская старина. 1906. № 11. С. 429.
- ⁷⁴ Петербургская газета. 1887. 15 ноября.
- ⁷⁵ [Лесков Н.С.] О вольном казаке // Петербургская газета. 1888. 3 февраля.
- ⁷⁶ Лесков Н.С. Неоцененные услуги // Знамя. 1992. № 1. С. 159.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Современные известия. 1886. 20 января.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Петербургская газета. 1888. 3 февраля.
- ⁸¹ Волжско-донской листок. 1889. 24 февраля.
- ⁸² Соколов С. Русские в Абиссинии. С. 2.
- ⁸³ Там же. С. 3.
- ⁸⁴ Там же. С. 2.
- ⁸⁵ См.: Там же. С. 2—5.
- ⁸⁶ Знамя. 1992. № 1. С. 160.
- ⁸⁷ Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 26 (И.А. Шестаков). Оп. 1. Д. 14. Л. 62. Выписки из дневника И.А. Шестакова любезно предоставлены автору А.А. Михайловым.
- ⁸⁸ Дукмасов И.А. — Каткову М.Н. 31 июля 1886 г. ОР РГБ. Ф. 120. Папка 20. Л. 195.
- ⁸⁹ Русская старина. 1906. № 11. С. 430.
- ⁹⁰ Хренков А.В. Указ. соч. С. 23.
- ⁹¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. Т. 3. М., 1976. С. 494.

⁹² Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887. С. 39. На обложке экземпляра брошюры, находящегося в Российской национальной библиотеке, хорошим почерком и вполне грамотно написано: «В знак памяти и уважения как русскому патриоту глубокоуважаемому Ивану Петровичу Корнилову от тех, которые желают поселиться на берегу Черного моря». Несколько ниже рукой самого адресата сделана другая надпись: «Получен экземпляр от Николая Ивановича Ашинова в апреле 1887 г.».

⁹³ Труды Вольного экономического общества. 1888. № 1. С. 41.

⁹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 377 (И.П. Корнилов). Оп. 1. Ед. хр. 317. Л. 2.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 107.

⁹⁷ ОР РГБ. Ф. 120. Папка 42. Л. 151.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ЦГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.

¹⁰⁰ Знамя. 1992. № 1. С. 160.

¹⁰¹ Волжско-донской листок. 1889. 24 февраля.

¹⁰² Русская старина. 1906. № 11. С. 434—435.

¹⁰³ Дневник В.Н. Ламздорфа. 1886—1890. М.; Л., 1926. С. 108.

¹⁰⁴ Петербургская газета. 1888. 29 января.

¹⁰⁵ Jesman С. Op. cit. P. 24.

¹⁰⁶ Ibid. P. 24—25.

¹⁰⁷ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 132.

¹⁰⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15. Л. 153.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 108.

¹¹¹ Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в. и их этнографические материалы // Африканский этнографический сборник. 1956. Т. 34. С. 234.

¹¹² Чевычелов Д. Указ. соч. С. 108.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Русская старина. 1906. № 11. С. 439.

¹¹⁵ Николаев Л. Указ. соч. С. 14.

¹¹⁶ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 108.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 2301. VI отд. I стол. Л. 1—3.

¹¹⁸ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 108.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 11.

¹²⁰ Там же. Ф. 796. Оп. 169. Д. 2301. VI отд. I стол. Л. 3.

¹²¹ Там же. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 10.

¹²² Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926. С. 187.

¹²³ Там же.

¹²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 2308. VI отд. I стол. Л. 1.

¹²⁵ Письма К.П. Победоносцева к Александру III. С. 187—188.

¹²⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 19—24.

¹²⁷ Там же. Л. 9.

¹²⁸ Там же. Ф. 796. Оп. 169. Д. 138. I отд. I стол. Л. 3—4.

¹²⁹ Там же. Л. 1.

¹³⁰ Чехов А.П. Указ. соч. С. 392.

¹³¹ Там же. С. 153.

¹³² РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 24.

¹³³ Jesman С. Op.cit. P. 23.

¹³⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 10.

¹³⁵ См.: Constantin, vicomte de. Une expédition religieuse en Abyssinie // Nouvelle revue. LXVIII. 1891. 1 Febr. P. 449—480; 1891. 15 Febr. P. 673—692.

¹³⁶ Jesman С. Op. cit. P. 26—27.

¹³⁷ Wilson E. Russia and Black Africa before World War II. N.Y.; L., 1974. P. 35.

¹³⁸ Jesman С. Op. cit. P. 27.

¹³⁹ Ibid. P. 28.

¹⁴⁰ Ibid. P. 26.

¹⁴¹ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. I. Полутом 2. М.; Пг., 1923. С. 829.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 108.

¹⁴⁴ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 132.

¹⁴⁵ Там же. С. 133.

¹⁴⁶ Там же. С. 132—133.

¹⁴⁷ Цит. по: Чевычелов Д. Указ. соч. С. 109.

¹⁴⁸ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 122, 135.

¹⁴⁹ Там же. С. 146.

¹⁵⁰ К.П. Победоносцев и его корреспонденты... С. 829.

¹⁵¹ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 108.

¹⁵² К.П. Победоносцев и его корреспонденты... С. 829.

¹⁵³ Хренков А.В. Указ. соч. С. 41.

¹⁵⁴ Васин И.И. Русско-эфиопские отношения в 80-х — 90-х гг. XIX в. // Учен. зап. Моск. гос. заочн. пед. ин-та. Вып. 13. М., 1964. С. 510.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 334. II отд. III стол. Л. 58—59.

- ¹⁵⁶ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 111.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Д. 180. II отд. III стол. Л. 33.
- ¹⁵⁹ Там же. Д. 334. Л. 57.
- ¹⁶⁰ Там же. Д. 180. II отд. III стол. Л. 38—39.
- ¹⁶¹ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 109.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Николаев Л. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁶⁴ Jesman С. Op. cit. P. 9.
- ¹⁶⁵ Николаев Л. Указ. соч. С. 29—30.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 29.
- ¹⁶⁷ Андреев А.П. В плоскостной Осетии // Исторический вестник. 1903. № 8. С. 555.
- ¹⁶⁸ См.: Рассказ Аверкия Гордасевича // Новое время. 1889. № 4673. 3 марта.
- ¹⁶⁹ Исторический вестник. 1903. № 8. С. 554.
- ¹⁷⁰ Николаев Л. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁷¹ Исторический вестник. 1903. № 8. С. 556.
- ¹⁷² Цит. по: Волжско-донской листок. 1889. № 637. 24 февраля.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Николаев Л. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 10.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 25.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 12—13.
- ¹⁷⁹ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 112.
- ¹⁸⁰ Исторический вестник. 1903. № 8. С. 555.
- ¹⁸¹ Николаев Л. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁸² Jesman С. Op. cit. P. 100.
- ¹⁸³ См.: Николаев Л. Указ. соч. С. 15—19. Это описание Таджики и ее обитателей дословно совпадает с опубликованными отрывками из записок видного ашиновца капитана Нестерова, хранящихся в Институте востоковедения РАН (ср.: Райт М.В. Русские экспедиции в Эфиопию в середине XIX — начале XX в. // Африканский этнографический сборник. 1956. Т. 34. С. 235—236). Очевидно, либо Нестеров воспользовался мемуарами Николаева, либо он и являлся их настоящим автором, взявшим себе псевдоним Николаев. В пользу последнего предположения говорит то, что по тексту «Абиссинской миссии...» автор являлся одним из приближенных к Ашинову людей. Между тем полицейские материалы нигде не говорят о человеке по фамилии Николаев.

- ¹⁸⁴ Николаев Л. Указ. соч. С. 18.
¹⁸⁵ Там же. С. 20.
¹⁸⁶ Там же. С. 21.
¹⁸⁷ Jesman С. Op. cit. P. 11.
¹⁸⁸ Николаев Л. Указ. соч. С. 33.
¹⁸⁹ Там же. С. 30.
¹⁹⁰ Там же. С. 29.
¹⁹¹ Там же. С. 34.
¹⁹² Там же. С. 44.
¹⁹³ Там же. С. 36—37.
¹⁹⁴ Там же. С. 39.
¹⁹⁵ Там же. С. 23.
¹⁹⁶ Jesman С. Op. cit. P. 10.
¹⁹⁷ Телеграмма Северного телеграфного агентства // Волжско-донской листок. 1889. № 630. 5 февраля.
¹⁹⁸ Федоров В. Абиссиния. СПб., 1889. С. 74.
¹⁹⁹ Николаев Л. Указ. соч. С. 42.
²⁰⁰ К.П. Победоносцев и его корреспонденты... С. 903.
²⁰¹ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 113.
²⁰² Николаев Л. Указ. соч. С. 43.
²⁰³ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 113.
²⁰⁴ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 124.
²⁰⁵ Wilson Т. Op. cit. P. 36.
²⁰⁶ Николаев Л. Указ. соч. С. 48—49.
²⁰⁷ Новое время. 1889. 8 марта.
²⁰⁸ Николаев Л. Указ. соч. С. 50.
²⁰⁹ Там же. С. 54.
²¹⁰ Там же. С. 56.
²¹¹ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 113.
²¹² Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 128.
²¹³ Правительственный вестник. 1889. 12 февраля.
²¹⁴ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 129.
²¹⁵ Политическое обозрение // Русский вестник. 1889. № 3. С. 316.
²¹⁶ Николаев Л. Указ. соч. С. 59.
²¹⁷ Там же. С. 60.
²¹⁸ Русский вестник. 1889. № 3. С. 320.
²¹⁹ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 148.
²²⁰ Петербургская газета. 1889. 16 февраля.
²²¹ Чевычелов Д. Указ. соч. С. 114.

²²² По злой иронии судьбы в 1996 г., более чем через столетие, на военно-морском параде в Петербурге в честь 300-летия Российского флота Францию представлял ракетный фрегат под названием «Примогэ».

²²³ Николаев Л. Указ. соч. С. 3.

²²⁴ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 145.

²²⁵ Волжско-донской листок. 1889. 12 марта.

²²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Департамент полиции. Д-5. Оп. 127. Ч. II. Д. 8034. Л. 2.

²²⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1335 (Эварницкий Д.И.). Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1—2.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-5. Оп. 127. Ч. II. Д. 8034. Л. 4, 6, 8, 15, 21—22, 47, 51.

²²⁹ Волжско-донской листок. 1889. 19 марта.

²³⁰ Петербургская газета. 1889. 22 марта.

²³¹ Дневник В.Н. Ламздорфа... С. 144.

²³² ГА РФ. Ф. 102. Д-5. Оп. 127. Ч. II. Д. 8034. Л. 44.

²³³ Jesman С. Op. cit. P. 17.

²³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-5. Оп. 127. Ч. II. Д. 8034. Л. 55.

²³⁵ Jesman С. Op. cit. P. 82.

²³⁶ См.: Constantin, vicomte de. Une expédition religieuse en Abyssinie. P. 673—692.

²³⁷ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891—1892 гг. М.; Л., 1934. С. 52.

²³⁸ Там же. С. 61.

²³⁹ Там же. С. 169.

²⁴⁰ Неделя. 1895. № 6. С. 196—197.

²⁴¹ Хренков А.В. Указ. соч. С. 4.

²⁴² Русская старина. 1906. № 11. С. 437.

²⁴³ Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 436.

²⁴⁴ Кази-бек Ю. Братья-богатыри (из воспоминаний об экспедиции Н.И. Ашинова в Абиссинии) // Природа и люди. 1894. № 47. С. 752—754; № 48. С. 770—771; № 49. С. 786—787.

²⁴⁵ Юниус 41-й. Геройство.

²⁴⁶ Юшманов Н.В. Амхарские записи Н.И. Ашинова // Africana. М.; Л., 1937. Вып. 1. С. 134.

Н.И. АШИНОВ

Александр III

И.С. Аксаков

М.Н. Катков

К.П. Победоносцев

Н.М. Баранов

И.А. Шестаков

Архимандрит Паисий

Форт Сагалло

Научное издание

Луночкин Андрей Валентинович

**«АТАМАН ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ»
НИКОЛАЙ АШИНОВ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *Т.Ю. Лященко*
Технический редактор *А.Е. Степанов*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 14.12 2000 г. Формат 60x84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 8,6.
Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 82.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.